

Марьяна Мирная

НЕВЕСТА ВОРОНА

Ещё утром Марта была обычной студенткой журфака, а потом сама не заметила, как стала невестой принца из древней династии, правящей в параллельном мире. Классическая история попаданки, которая стала гораздо менее классической, когда в дело вмешался межпространственный заговор.

Марьяна Мирная
НЕВЕСТА ВОРОНА

Глава 1

Платье, которое помощник костюмера выдал мне и ещё паре десятков «девушек-эльфов», было великолепно — из приятной лёгкой ткани небесно-голубого цвета, со складками и драпировками, похожее на римскую тогу. К сожалению, оно плохо подходило для промозглого, мрачного и неприветливого, как ворчливый старикашка, ноября в Москве.

Актрисы массовки поддевали под платье джинсы и пару кофточек, несмотря на то, что эльфы в такой амуниции получались упитанные; при любом удобном случае мы пили горячий чай из пластиковых стаканчиков, обжигая руки, и спали в перерывах между дублями, где придётся, чаще сидя. Мы все тут были в одном положении — студенты, снимающиеся в массовке ради денег, а недосып — наш вечный спутник. Были, конечно, и другие. Неудавшиеся звёзды киноэкрана надеялись получить работу, поэтому безропотно терпели лишения, холод, голод и усталость, улыбаясь во весь рот. Чем больше вероятность попасться на глаза режиссеру или, ещё лучше, продюсеру, тем шире они растягивали губы. О, с каким чистым, почти детским энтузиазмом они лезли в кадр, отталкивая локтями соперниц. При взгляде на синие губы этих девиц становилось ещё холоднее, но в чём-то я им даже завидовала, они точно знали, зачем с утра пораньше морозятся в эльфийских нарядах с приклеенными ушами. В отличие от меня.

Мы битый час снимали сцену, в которой главный герой произносит воодушевляющую речь. Проблема заключалась в том, что исполнитель главной роли подцепил простуду и чихал через слово. Его прекрасные синие глаза покраснели и опухли, нос тоже пылал, а широкая грудь тяжело вздымалась под доспехами. Призывы бороться до последней капли крови ради своего народа из его уст звучали не слишком убедительно. Не помогало и то, что сценарий был потрясающе, удивительно туп, и это знали все, занятые в процессе — от автора шедевра до уборщицы. Однажды мой одноклассник Ванька Лазарев написал более талантливый сценарий за пять минут, на перемене перед занятием по видеомонтажу. Сюжет нашей группы тогда даже выпустили в новостях округа.

Пошёл дождь. Мелкая морось портила грим, волосы эльфов свисали на плечи неопрятными сосульками. У актрисы, исполняющей главную роль, отклеились ресницы, её партнёр зашёлся в приступе жуткого, чахоточного кашля.

Густая дымка заволакивала шпили высоток, которые виднелись со стороны города. В полдень было темно, как после сумерек. Спасибо двадцать первому веку за технический прогресс, на киноэкране картинка получится сочной, как спелый фрукт, а вот унылые лица массовки не отретушируешь цветокоррекцией.

Когда объявили перерыв, я уже медленно и уверенно пробиралась к столику, где лежали сэндвичи с тунцом для «настоящих» актёров. После съёмок у меня ещё пары в универе, а завтракать дома было нечем.

Накрытый стол казался мне прекрасным миражом, маячащим вдали, при взгляде на который рот наполнился слюной, но мои загребущие ручки потянулись первым делом не к еде, а к предмету, поблёскивающему рядом с тарелкой креветочных тарталеток. Красивое старинное зеркало в золотой раме, с резной ручкой, выглядело чужеродно среди сэндвичей и пластиковых бутылок со свежавыжатым соком.

На пару секунд меня накрыло блаженным туманом, сулившем спокойствие и счастье, но меня тут же прервал резкий, неприятный голос.

— Эй, вот оно! Спасибо, что нашла.

Это был тот самый помощник костюмера, который выдал мне платье. Невысокий, бледный, замученный и в целом какой-то неприметный, за исключением иссиня-чёрных волос, он не привлёк моё внимание при первом взгляде, не привлёк и при втором, а вот то, что он схватил за зеркало, которое я держала, возымело должный эффект.

Сэндвич съесть не удалось, так и зеркало ещё забирают. А как холодно, жуть просто! Боже, как же мне хотелось оказаться где-нибудь в тёплом и волшебном месте.

* * *

Обращалась я к Богу, но в том, что именно он услышал меня, не уверена.

Самое странное, что не было никакого перехода между одним миром и другим. В одно мгновение мы стояли, как идиоты, держась за одно зеркало, на съёмочной площадке низкобюджетного фильма, в другое — посреди чистого поля, блестящего свежей росой на молодой зелёной траве.

Зеркало упало из наших рук и по стеклу пошла длинная трещина.

Пока мой товарищ по несчастью (к его огромному пуховику крепился бейджик, на котором значилось «Вадим, помощник костюмера») яростно матерился, я... ладно, я тоже яростно материлась. Потом мы немного покричали друг на друга, спрашивая «где мы?», «как это произошло?», «что вообще произошло?», «почему?», «что делать дальше?».

Вадим уселся на траву, растирая глаза так, как будто хотел выдавить глазные яблоки из черепа. При ближайшем рассмотрении он был ещё более непривлекателен — небритый, щетина была редкой и неухоженной, волосы не первой свежести, да и одежда тоже, торчащие уши, непропорционально большой лоб. Мы с ним были одного роста, но из-за сутулости, он казался ниже. В общем, явно не тот, с кем я бы хотела застрять в параллельном мире или на необитаемом острове.

Ну, по крайней мере было тепло, как я и хотела.

Лёгкий тёплый ветерок дразнил, манил подставить лицо, да и просидеть так целый день. Лишь сейчас я ощутила, насколько устала от городской серости, холода на съёмочной площадке, переполненного транспорта, недостатка сна, такого ввевшегося в мозг, что даже спать не хочется — только нервно смеяться, грызть ногти, ходить из угла в угол и трясти ногой, согнутой в колене. А здесь не было ничего, кроме свежей травы, ясного неба, все цвета яркие, как будто у картинки в фотошопе увеличили резкость.

От свежего воздуха кружилась голова. Можно упасть на землю и дышать, дышать, пока не отключишься от переизбытка кислорода. Конечно, мы не могли этого себе позволить. Первым делом мы решили найти людей, чтобы понять, как далеко от Москвы нас забросило. Судя по воздуху и погоде, далековато.

Я достала из-за пояса, где из складок платья у меня получался неплохой кармашек, мобильный телефон, разблокировала экран; телефон работал, но приёма не было. Вадим повторил за мной, я перегнулась через его плечо — с экрана смотрела девушка из аниме с непропорционально огромной грудью и фиолетовыми глазами в три четверти лица (мои скудные познания в японской мультипликации не позволяли сказать, откуда она). Никаких сигналов жизни его телефон не подавал, как и мой.

Мы шли и шли, и ещё немного шли. В итоге наступил день, и стало жарко. Сначала я

избавилась от приклеенных ушей, кожа под ними жутко чесалась, потом сбросила парик — мои волосы, по мнению костюмеров, не подходили для эльфийки. Сначала я пререкалась, потому что мои густые кудрявые волосы цвета расплавленного золота — моя главная гордость, но после перестала возникать. Чем больше я молчала, тем охотнее мне выдавали деньги.

Разобравшись с париком, из которого торчали невидимки, я приподняла подол платья.

— Что ты делаешь? — ужаснулся Вадим. Он уже успел избавиться от пуховика.

— На что похоже? Снимаю джинсы.

— Это... — он закрыл глаза. — Хотя ладно, какая разница. Делай, что хочешь.

Я успела рассказать ему всю свою жизнь: про семью (маму и отчима, с которыми я разговаривала раз в две недели по телефону), школу и журфак (и там, и там было одинаково скучно), про съёмную однушку, про планы на будущее (тогда я ещё мечтала стать телеведущей), про страх перед змеями, про друзей и неудавшиеся отношения. Вадим вроде слушал, но меня не покидало ощущение, что я разговариваю со стеной.

— Как думаешь, что произошло?

— Ну как, что. Открылся портал, и мы оказались в другом мире.

Естественно, я рассмеялась. Вадим моего веселья не разделял. Он, похоже, был уверен, что мы попали в гости к хоббитам. А что, его можно представить на какой-нибудь толкиеновской реконструкции — с серьёзным, даже наставническим видом, размахивающим мечом, который для него слишком тяжёл, с волосами, стянутыми в короткий хвостик. Но переносить фантазии в жизнь?

— Ты серьёзно?

— Ну, может быть, мы просто оказались в другой местности, но это вряд ли. Зачем открывать портал, если можно долететь на самолёте?

— Даже не знаю. Это звучит немного безумно.

Он покраснел от смущения, на шее вспыхнули ярко-розовые пятна, и выглядел разозлённым, сразу встал в защитную стойку, готовый отстаивать свои слова, как безумный учёный пытается оправдать нереальность своей теории.

— А есть ещё варианты?

Я пожала плечами.

— Нас накачали наркотиками, и мы не запомнили, как оказались в этом поле.

Вадим саркастично ухмыльнулся.

Павлик, мой друг со школьных времён, однажды выпил лишнего на свадьбе брата, после чего его искали дня три, а он сам не понял, как добрался автостопом до Байкала, где получил воспаление лёгких от купания в холодной воде и герпес... сами понимаете от чего. Не помню, чтобы пила, тем более столько, чтобы забыться, а к наркотикам я вообще не притрагивалась принципиально.

Мои мысли прервало механическое гудение. Люди должны быть близко. Вот и проверим наши теории.

— Странный звук. Слышишь?

— Жужжание? — Вадим поджал свои бледные губы ниточкой. — Надеюсь, это не рой гигантский пчёл-убийц.

К нам подъехали блестящие механизмы на колёсах, из тонких серебристых прутьев и стекла. По форме они напоминали здоровенные тыквы. Если бы не отсутствие лошадей или вообще какого-либо намёка на то, как эти штуки ездят, их можно было бы назвать каретами.

Сверху, на крыше, был закреплён стяг зелёного цвета с чёрным вороном посередине.

Первым на свежую траву шагнул высокий (очень высокий, мне приходилось задирать голову, чтобы с ним разговаривать) светловолосый юноша с загорелой кожей. Он был хорошо сложен, военная униформа сидела на нём превосходно — без единой складочки, без единого пятнышка.

Его лицо — с широкими скулами, квадратной линией подбородком и хорошеньким, вздёрнутым носом — горело дружелюбием, жаждой жизни и искренней симпатией ко всем окружающим. Он с энтузиазмом протянул руку.

— Хорошего дня! — Он на секунду растерянно замолчал, когда я пожала протянутую руку. — Королевская стража, командер внутренней службы Конрад. У вас всё в порядке? — обратился он к Вадиму. — Извините, сэр, вы странно одеты, вас не обокрали?

— Послушайте... — начал он.

— Он просто странный, — сказала я, небрежно махнув рукой. — Не обращайтесь внимания.

Остальные стражники — они выглядели как армия кукол Кенов в своих обтягивающих штанах, как для верховой езды, высоких сапогах и ярких разноцветных кителях — безразлично топтались вокруг карет, переговариваясь, толкаясь, смеясь. Всё это напоминало летний лагерь.

Понятно, что Вадим, одетый в джинсы, водолазку и посеревший со временем чёрный пиджак, который был ему велик, вызывал подозрения у этих красавцев.

Тот военный, который представился Конрадом, в красном кителе, кивнул и уже начал оборачиваться, но резко обернулся, глядя мне прямо в лицо.

— Леди, у вас зелёные глаза?

— Да-а? — ответила я неуверенно, как будто сомневалась.

— В таком случае, — он возбуждённо глубоко вдохнул. — Ох, я так рад, вы себе даже не представляете. Обязан официально сообщить вам, что принц, будущий король Великого и Полного Жизни государства Эйа, Юджин XVIII, отправил наш отряд с поручением найти ему невесту с глазами цвета зелёных кристаллитов, как у ворона на гербе королевской семьи. Я, командер внутренней службы королевской стражи Конрад, официально объявляю вас, леди, претендентом на роль невесты принца, будущего короля Юджина XVIII. Вы согласны?

В моей голове пронеслась тысяча вопросов. Готова ли я к серьёзным отношениям? Как выглядит принц? Он же не может быть старым. Это король может быть старым, а принц — нет. Хотя принц Чарльз старый, и он всё ещё принц. Пока я думала о британской королевской семье, их родственных связях и титулах, Вадим выпалил:

— Она согласна.

— А вы?..

— Это мой слуга, — мстительно сказал я.

— Она без меня как без рук, — не удержался от ответной шпильки Вадим. — Даже кеды завязать не может.

— Кеды... — задумчиво протянул Конрад.

Нам выделили отдельную карету. Оглядев это сооружение изнутри, я так и не поняла, как оно ездит, зато интерьер был приятным — светлые сидения из упругой ткани, блестящие прутья каркаса, большие окна и много света.

Мы проезжали мимо широких полей, зеленеющих как на туристической открытке, чистых голубых озёр, где-то вдалеке виднелась гора, похожая на Фудзи. Ни одного города на

нашем пути не встретилось, что Конрад объяснил: «далеко же вы забрались, в этой части страны ни души», но дорога была весьма добротной, а вдоль неё чисто и ухожено.

— Ты заметил, — сказала я Вадиму, который смотрел в окно, подперев подбородок рукой, — тут совсем нет грязи.

— Магия, — мрачно ответил он. Наверняка думал о том, что пропал с рабочего места, и как будет это объяснять.

Я твёрдо решила его разговорить.

— Почему мы понимаем, о чём говорят эти парни?

— Магия.

— Как ездят эти штуки?

— Магия?

— Вот как думаешь, если он принц, у него должно быть много денег, это решило бы кучу моих проблем, где-то семьдесят девять процентов моих проблем, но вдруг он старый, уродливый или конченный ублюдок? Или стоит рискнуть? Как думаешь?

— Я не твоя сваха, я даже имени твоего не знаю.

— Марта.

— Очень приятно, — злобно сказал он.

— Ну, так что насчёт замужества?

— О Господи...

«Фудзи» проплыла мимо в широком окне кареты, пейзаж сменился гористой местностью.

— Знаешь, если бы мы были героями диснеевского мультика, то я бы была принцессой, а ты моим вечно злым питомцем.

— А если бы мы были героями остросюжетного фильма, то я был бы интеллектуальным и остроумным антигероем, а ты моей туповатой спутницей.

Карета резко остановилась. К нам подошёл Конрад лёгкой пружинистой походкой. Его золотые эполеты и аксельбанты блестели на ярком солнце, да и сам он весь светился, как будто мы — его давно потерянные родственники или лучшие друзья, которых он долго не видел.

— Мы остановимся на некоторое время, чтобы передохнуть и перекусить, — сказал он с улыбкой. — С вами точно всё в порядке, леди...

— Марта.

— Извините, я так обрадовался, что забыл спросить ваше имя. Брат меня бы прибил. Точно всё в порядке? Вы оба очень бледные. — На его лице отразилось искренне беспокойство. — Может быть, из-за дороги?

У меня из горла вырвался нервный смешок. Поездили бы они по нашим дорогам.

— Эм, мы всегда такие.

Я была не такой бледной, как Вадим, но всё же ноябрьская Москва не располагала к бронзовому загару.

— Это же не болезнь какая-то? — Конрад забеспокоился. — Я не могу привести принцу больную невесту, вам ещё наследника рожать. Как говорил великий мыслитель Йух, здоровье жены — здоровье семьи.

Пока мы наслаждались пикником, быстренько организованным красавчиками Конрада, у меня из головы не шла фраза про наследника. Как-то это всё слишком быстро.

В качестве угощения из корзинок выложили многочисленные блюда в стеклянной

посуде, которая сама по себе выглядела произведением искусства, кувшины в форме кристаллов, которые охлаждались сами собой. Там были овощи, некоторые были мне знакомы, другие отдалённо напоминали земные аналоги, но по вкусу или цвету отличались (розоватые огурцы без пупырышков, бледные бананы с картофельным вкусом, крошечные, меньше кулака тыквы и арбузы); хлеб во всевозможных формах и видах, с приправами и без, с начинкой и пустые; ароматную похлёбку в стеклянных полусферах с крышками; большие орехи, которые разрезали на части и ели с соусами; фрукты с одурманивающим запахом. Запивали еду водой, чем-то алкогольным, разбавленным соком из фрукта, похожего на манго, и молоком, напоминающим кокосовое или миндальное. Ничего мясного или рыбного. Всё было очень вкусно, особенно на голодный желудок (напомню, что сэндвич с тунцом мне не достался), кроме горьких леденцов, как будто со вкусом редьки.

— Зеркало у тебя? — спросила я у Вадима, когда мы снова оказались в карете.

Он вытащил зеркало из внутреннего кармана и протянул мне, не глядя в мою сторону.

— Можешь себе представить, из-за цвета глаз я буду невестой принца?

По его неопределённому звуку я не поняла, мог ли он представить. Я вот — нет.

Из каждого осколка треснутого зеркала на меня смотрело моё маленькое зеленоглазое отражение. Пока Вадим не видел, я подмигнула всем им. Ничего, все принцы будут моими и никакие плохие приметы мне не помешают с такими-то роскошными волосами. На ярком солнце, которого в Москве не было пару месяцев, они сверкали золотыми нитями. На коже медленно появлялся здоровый румянец от свежего воздуха. Черты лица расслаблялись, из-за чего уходило замученное выражение столичного жителя.

— Что будем делать, когда приедем во дворец?

— Ты выйдешь замуж за принца. Я найду работу, как-нибудь обустроюсь. —

Осторожный энтузиазм в его голосе заставил меня улыбнуться. — Если хочешь знать, я неплохо владею мечом.

То есть я была права насчёт реконструкций.

* * *

Дворец по своему стилю напоминал карету — увитый серебристыми прутьями, много стекла и светлого камня, полы из белого мрамора, башни вместо шпилей венчали гигантские кристаллы.

Винтовые лестницы с широкими пролётами уходили далеко ввысь, потолки в комнатах были очень высокими, а сами помещения — огромными по площади. Чтобы поговорить с человеком в другом конце комнаты, нужно было кричать. Для городского жителя, вечно запертого в крошечных квартирах, кабинетах и офисах, интерьеры дворца производили на меня головокружительное впечатление.

Людей во дворце было немного, мы прибыли ранним утром. Девушки, которых мы встретили, были одеты в платья, отдалённо похожие на моё «эльфийское», лёгкие, воздушные и очень красивые. Мне жизненно необходимо сотню таких.

Конрад оставил меня одну в комнате, которую назвал приёмной, такую же огромную, как остальные. Там было пусто, ничего кроме просторного дивана, и светло. Через какое-то время мне стало невообразимо скучно (журнал бы что ли положили, раз долго ждать), и я осторожно приоткрыла дверь, ведущую в основную комнату.

За столом сидел юноша, склонившись над бумагами. Весь дворец спал, а он работал. Тёмные растрёпанные волосы, не слишком длинные, падали ему на лоб.

Пол во дворце был мраморный, белый, каждый шаг отзывался гулким эхо. Услышав шаги, юноша оживился.

— Ио, наконец-то, заходи скорее.

Нужно было что-то сказать, но я не могла оторвать взгляда. Он, как и все местные, кого я успела встретить, был достаточно смуглым, кожа у них золотилась, как после хорошего загара. Это особенно хорошо сочеталось со свободной белой рубашкой, в которую незнакомец был одет. Высокий, широкоплечий, с большими, но опрятными руками. Мечта, а не мужчина.

— Кто вы? — он присмотрелся ко мне повнимательнее и тут же неловко затараторил. — У вас что, зелёные глаза? Вы давно во дворце? Кто-то идёт, прячьтесь под стол.

— Меня зовут Марта, и я претен...

Этот тип грубо затолкал меня под свой стол (он уже не казался мне таким уж обворожительным), который, следует отметить, тоже был шикарным — из светлого камня, широкий. Теперь я видела только сапоги и быстро приближающиеся маленькие золотистые туфельки.

— Ио, при-ивет, — его командирский тон куда-то делся.

— Кто у тебя под столом? — спросил глубокий низкий женский голос.

Я чуть выглянула из-под стола. Красивая девушка, смуглая и черноволосая, с пышными формами, была одета крайне минималистично — чёрные драпировки прикрывали только то, что было совсем уж необходимо прикрыть. Впрочем, с грудью такого размера, я бы тоже не стала мудрить с одеждой. Не то что бы я жаловалась на данное природой, но поверьте, до неё мне далеко.

— Как ты узнала?

— Я сильнейший маг во дворце, Юджин. И не слепая, её ноги видно.

Юджин? Конрад называл это имя... Ох, не так я хотела познакомиться с принцем и потенциально своим будущим мужем. Из положительных сторон ситуации, он определённо не старый и не страшный.

Чтобы дальше не унижаться, я с гордым видом вылезла из-под стола.

— Здравствуйте, меня зовут Марта, и я претендентка на роль невесты принца.

— Иоланда, советник принца, жрица Великого Ордена Эйа.

Она не стала подавать руку, только слегка склонила голову. Принц не представился. Он продолжал созерцать меня исподлобья своими внимательными голубыми глазами. Лицо его не уступало телосложению — мужественный, гладко выбритый подбородок, прямой нос, тёмные брови вразлёт.

— Как вы здесь оказались? — спросил он.

— Меня привёл командер какой-то там вашей службы, его зовут Конрад.

Юджин удивлённо моргнул. Иоланда тоже выглядела растерянной, хотя лицо её почти ничего не выражало.

— Почему вы все так странно реагируете? Я не понимаю. Со мной что-то не так, что ли?

— Дело в том, что людей с зелёными глазами нет ни в нашем государстве, ни в одном из соседних, — Юджин тяжело вздохнул, — поэтому этот признак я выбрал для поисков

невесты.

Я не совсем поняла эту логику и хотела уточнить, но тут в кабинет вошёл Конрад, который успел переодеться, теперь на нём был наряд, похожий на облегчённую версию доспеха или облегающий костюм из металлизированной ткани, а на плечах было некое подобие погон — три белых кристалла, возвышающиеся башенками. Но сильнее всего в его облики поражали белые крылья на стальных подпорках, развернувшиеся за спиной.

Конрад уставился на меня с интересом, но без какого-либо намёка на узнавание.

Присмотревшись внимательнее, я поняла, что передо мной не Конрад, а его брат-близнец. На самом деле они были не так уж похожи. Конрад выглядел куда мягче, доброжелательнее, а у этого глаза были подозрительные, напряжённые, почти злые. Улыбка, появившаяся на его лице, выглядела неестественной.

— Посмотри, кого твой братец нашёл, — сказал ему Юджин.

Отсмеявшись, он сказал:

— Ну Кон даёт, горжусь братом. Ты дал ему невыполнимое задание, а он через три дня вернулся с добычей.

— Не смешно, — мрачно сказал Юджин, взбивая свои и так растрёпанные кудри. На его левой руке от запястья до локтя блестел широкий золотой браслет. Явно нервничая, принц начал хаотично перемещаться по своему огромному кабинету. Его собеседники перемещались вслед за ним.

— Всё же это немного смешно, мой принц, — сказала Иоланда. Из-за больших губ, высоких скул и ярких тёмных глаз её красота могла бы быть вызывающей, если бы не сонное выражение лица.

— Простите, мою грубость, — произнёс парень с крыльями. — Первый советник принца Юджина XVIII, командир королевской армии великого государства Эйа, Серджиус.

Что-то у всех здесь проблемы с вежливостью.

Он протянул мне ладонь, и когда я её пожала, посмотрел на наши руки с тем же выражением, что и его брат. На его правой руке красовался такой же браслет, что и у Юджина на левой, только с инкрустацией большим чёрным камнем.

— Вы не из этого мира, — сказала Иоланда. — Мой принц, она из того печального мира без магии, о котором я рассказывала.

Брови Юджина поползли вверх.

— Как вы попали к нам? — таким голосом в фильмах обычно говорили военные, отдающие приказы подчинённым. — Через портал?

Я вспомнила слова Вадима.

— Да, он у моего друга. Это зеркало, но оно разбилось, когда мы перемещались. А у вас нет других порталов?

Все трое посмотрели на меня как на идиотку.

— Есть, но каждый портал выставлен на определённую точку пространственного мира, — пояснил Юджин. — Вы же не будете пытаться пройти сквозь двери, ведущие в столовую, допустим, в гардероб. — Он обернулся к Иоланде. — Сколько времени тебе потребуется, чтобы починить портал?

— Нужно посмотреть, насколько он повреждён. Предполагаю, что около десяти дней.

Конечно, я обрадовалась, услышав про десять дней, однако это было преждевременно. Забегая вперёд, то, что в Эйа именуется словом «день» длится примерно пять земных суток.

А так ли я хочу домой?

— До тех пор будем изображать свадебные приготовления. Не могу же я отступить от своего обещания... И постарался же твой братец, Серджиус, где только откопал это чудо природы. Простите, леди Марта.

— Мне не нравится эта идея, — произнёс Серджиус, глядя на Иоланду в поисках поддержки.

— Если вам требуется мнение советника, мой принц...

— Мне всегда требуется твоё мнение, Ио, — с теплотой сказал Юджин. Они трое, видимо, были очень близки, и только присутствие постороннего заставляло их вести себя холодновато и церемонно.

— Не лучшая мысль обманывать регента Рихард, — сказала Иоланда.

— Если мы не будем изображать активную деятельность, дядя Рихард женит меня в мгновение ока, а нам сейчас не до этого и вы оба это знаете. Когда закончится война, я женись на ком угодно, кого предложит мне дядя, хоть на гномьем принце Штрерре, если это поможет Эйа процветать. Но не сейчас.

— То есть вы совсем не хотите жениться на мне?

Он мрачно усмехнулся. Как-то меня оскорбило, что этот принц ну ни капельки не хочет брать меня в жёны.

— Конечно, не хочу. — Увидев моё оторопелое лицо, он быстро спохватился. — Простите, я не имел в виду ничего дурного, сейчас я не хочу жениться вообще.

Дверь открылась с шумом, вошли Вадим с Конрадом. С появлением последнего в комнате как будто стало светлее.

— О, вы уже все познакомились. Здорово. Какой план?

Серджиус с Иоландой переглянулись.

— Юджин как раз рассказывал, — сказала она с каменным лицом, — что собирается имитировать приготовления к свадьбе, а потом выйти замуж за принца Штрерра.

Серджиус фыркнул, пытаясь скрыть смех, а Конрад рассмеялся во весь голос.

— А, точно, Штрерр всегда говорит, когда приезжает с дипломатической миссией, — тут он понизил голос до баса, — «будь принц Юджин гномьей женщиной, я бы горы свернул».

— Прекратите, вы позорите принца перед невестой, — сказал Серджиус, как мне показалось серьёзно, но Юджин страдальчески возвёл руки к небу.

— И ты туда же, превосходно.

— Про меня уже все забыли? Между прочим, я обиделась, — напомнила я.

На лице Конрада отразилось искреннее раскаяние.

— Если это поможет, — сказал Юджин, он снова заговорил своим тоном главнокомандующего, — то у вас, леди Марта, будет две служанки, которые ежедневно будут помогать вам с причёской и нарядом. В вашем распоряжении окажется гардеробная комната с лучшими платьями, самыми дорогими украшениями и целой стеной с туфлями.

Я задрала подбородок ещё выше.

— Это не меняет того, что вы меня оскорбили, но стена с туфлями — это первый шаг к прощению.

Гардеробная комната, безусловно, звучала заманчиво, да и причёска... То, что было сооружено на голове у Иоланды — высокая причёска, переплетёнными золотыми нитями — выглядело сложно, но очень красиво. Сама я бы так никогда не смогла.

Пока я смотрела на голову Иоланды, Вадим устоялся немного ниже. Его буквально

парализовало.

Как же у них у парней всё просто — увидел соблазнительный изгиб и всё, пропал. Мой жених произвёл на меня двойное впечатление. Безусловно, Юджин красив как голливудский актёр, да ещё и принц, но его поведение — властное, грубое и при этом какое-то неловкое — отталкивало. А плюс на минус... Сами знаете. Красивый, но грубый и нервный — научно доказано, что это худшее на свете сочетание.

В любом случае, через десять дней заработает портал, а пока у меня появилась волшебная возможность загореть в ноябре, получить собственную гардеробную и мои волосы будут заплетать две служанки. К чёрту принца, я и без него буду чувствовать себя принцессой.

Когда Конрад напряжено о чём-то думал, его симпатичное лицо приобретало ещё более невинное выражение, рот приоткрывался, глаза распахивались. Ставить таких людей в тупик легко и приятно.

— То есть тонкие полоски ткани свисают с шеи? Это должно быть страшно неудобно.

— Ну да, это неудобно, но мужчины в официальной обстановке всегда их носят.

— Зачем? Для красоты?

Этот вопрос меня озадачил.

Зря, наверное, я стала рассказывать Конраду про модные обычаи своей родины, но уж очень он просил. В Эйа, где разделение интересов по половому признаку было не таким чётким, как привыкла я, они все были буквально помешаны на шмотках.

Моя новая гардеробная занимала больше места, чем вся московская квартира, которую я снимала на отшибе города. Никогда в жизни я не владела таким количеством нарядов. Хотя разнообразием они не отличались (оказалось непринятым носить узорчатую ткань, вся одежда была до боли однотонной), однако это полностью компенсировалось качеством — ткани нежнейшие на ощупь, не шелк и не шифон, что-то совсем иное, а в туфлях можно проходить целый день без намёка на дискомфорт.

О галстуках они, стало быть, как и о ткани с узором, не слышали.

Конрад сказал, что платье, выданное мне Вадимом на съёмочной площадке, несмотря на оставляющее желать лучшего качество, было достойным нарядом для леди. Такие сплошь и рядом носили пару лет назад, но постепенно они выходили из моды, ещё бы чуть-чуть и модная катастрофа. Женские платья для знати, длинные, чаще всего со шлейфом, шили из лёгкой, полупрозрачной ткани разных цветов, с драпировками, украшениями из серебристых и золотистых цепей, маленьких кристаллов, которые носили на браслетах, в высоких причёсках, даже под юбками, если хотели спрятать то, сколько именно кристаллов и с какой целью, они использовали. Мужчины тоже часто прибегали к кристаллам в качестве украшений, но не все. Юджин, например, обладал достаточной магической силой, чтобы наколдовать необходимое в полевых условиях. Единственное его украшение — золотой браслет — мужчины-воины надевали после того, как впервые побывали в бою и пролили кровь неприятеля.

В том, что касается кристаллов, жители Эйа сходили по ним с ума. Сами кристаллы добывались гномами в Горах, а после хранились в орденских храмах, принадлежащих жрецам и жрицам Ордена, к которому принадлежала Иоланда. Заряженные кристаллы служили не только универсальным украшением, их ставили в домах для здоровья, в качестве кондиционеров и ароматизатора воздуха, как светильники, для защиты от грабежей, от семейных ссор, для благополучия и довольствия; носили для того, чтобы причёска не была растрёпанной, а одежда не пачкалась; на кристаллах ездили мобили, летали крылья военных, на них же работали передатчики, были музыкальные кристаллы, кристаллы-фонографы, кристаллические пады, также существовали боевые кристаллы — куда же без них — расположенные в древке лука или эфесе меча.

Конрад радостно делился информацией, которая была для меня жизненно необходимой (не могу же я одеваться не по моде). Взамен он просил лишь ответной услуги. И вот, сильнее всего его поразили галстуки.

А ведь действительно, зачем они нужны?

— Мм... я... я никогда об этом не задумывалась. Может быть для того, чтобы не было видно пуговиц на рубашке. Например, если она плохо сидит, чтобы не было видно груди, или если очень толстый живот, то... Нет, я не знаю. Дома я бы прогуглила, но у вас нет интернета.

— А, гугл ты про него рассказывала. — Он обрадовался, когда будто услышал о старом друге. — До сих пор не могу поверить, что можно так просто задать приборчику вопрос, и он тут же ответит.

— Не всё так гладко на самом деле, — пояснила я, а то ещё сбежит в другой мир, чтобы с гуглом поговорить. — Допустим, ты ищешь книгу «Повелитель мух», а находишь фирму, травящую насекомых, или выставку редких экземпляров мухи Цеце.

— Повелитель мух — это о сильном маге, повелевающем насекомыми?

— Нет, это о детях, застрявших на необитаемом острове.

— А причём тут мухи?

— Понимаешь, у них там есть свиная голова на палке, — где-то на этом моменте я поняла, чтохватила через край, — которая разлагается и вокруг неё собирается много насекомых. Это как бы символ.

На расслабленном лице Конрада отразился ужас. Литература в Эя была или научной, или достаточно наивной, ужастики и суровый реализм у них были не в почёте. А может быть, жизнь у них такая — без всяких там гадостей. Чаще всего мне встречались былины про их местных героев, которые побеждали гигантов, истории про неудачные магические опыты, заканчивавшиеся чем-то забавным, и романтические повести о великой любви.

— И в вашем мире такое читают? — с ужасом спросил он.

— Жутко популярная книга.

— Кошмар.

— Это ты про Стивена Кинга не слышал.

Галстуки галстуками, а кроме них, точнее их отсутствия, с каждым днём я находила всё больше вещей, прежде невиданных, которые поражали меня до глубины души, что в общем-то несложно, я люблю поражаться, особенно вот так, до глубины души. Но вот, что интересно. Казалось бы, попадая в мир, отличный от того, к которому привык, человек в первую очередь обратит внимания на нечто знакомое, как бы цепляясь взглядом за родное, привычное, но в моей реальности всё оказалось совсем иначе. Куда же без этого, всё у меня как-то через... не так, короче говоря.

Очарованная красотой, ослепленная чудесами, я мгновенно подмечала вещи мне не знакомые, но совершенно упускала из виду остальное.

Это был третий или четвёртый раз, когда я имела возможность хорошенько разглядеть кабинет Юджина. Он работал круглыми сутками, сидел уткнувшись в свои бумажки, бормоча что-то на непонятном мне языке. Кабинет регулярно убирался слугами, но Юджин всё равно разводил вокруг себя беспорядок. Видимо, когда я была здесь впервые, слуги только что совершили свой рейд чистоты, потому что кабинет тогда и сейчас отличался, как две абсолютно разные комнаты разных людей. Начнём с того, что никогда прежде я не видела такое количество бумаг сразу, они лежали в каком-то подобие порядка, но эта система была понятна лишь Юджину. Всюду стояли кристаллы с записями, на полу лежало сразу несколько падов, некоторые были рабочими, другие давно разрядились. Помимо всего этого барахла на его столе стоял зелёный кристалл-фонограф, а также телефон с эмблемой

королевского двора, зеленоглазым вороном, — старый, как в начале века, дисковый, со здоровенной трубкой и противным звонком. Толстый чёрный шнур уходил под стол, где скрывался в полу. Это был первый технический прибор, который я видела в Эйа, или думала, что первый, ведь и его я заметила не сразу.

— У вас есть электричество? И телефонные вышки? Сотовая связь?

Юджин поднял взгляд от бумаг. Взъерошенная голова и растерянное выражение лица придавали ему совсем не королевский вид.

— Во дворце мы почти не пользуемся электричеством, но пара телефонов всё же есть, чтобы горожане, у многих из которых нет кристаллов-фонографов, могли позвонить мне или дяде, или Конраду.

— У вас кто угодно может позвонить королю?

— Я пока ещё не король, но в общем-то да.

— И часто звонят?

— Не то что бы очень, — ответил он уклончиво.

— Кто-нибудь когда-нибудь звонит?

Плотно сжав губы, Юджин долго и упрямо смотрел на меня. Внутри у него в тот момент явно происходила нешуточная борьба.

— ... Нет.

— Он точно подключён?

Я подёрнула шнур. Ничего. То ли действительно был подключен, то ли так крепко закреплён в полу, что не поддавался. Юджин смешался, завертел головой, наблюдая за моими действиями с таким видом, как будто я потревожила святыню.

— Я не... То есть у нас есть специалисты, и они...

Было очевидно, что он не имеет ни малейшего понятия о том, как работает телефон, может, он даже никогда не говорил по телефону.

— Отведи меня туда, куда ведёт провод.

Взяв короткий чёрный плащ без рукавов, украшенный перьями и вышитой символикой королевской семьи, Юджин накинул его себе на плечи, после чего открыл передо мной дверь, галантно пропуская меня вперёд. В комнате этажом ниже было пыльно, в воздухе витал затхлый душок. Кладовка с большой буквы «К», она могла составить серьёзную конкуренцию Выручай-комнате из «Гарри Поттера». Всякого разного барахла тут складировалось немерено.

Когда мы вошли, Юджин зажёл лампы-кристаллы силой мысли, не двинув ни единым мускулом (я пока этому не научилась). На одной из стен висел древний трансформатор — пыльный, проржавевший, с огромными рубильниками, метр в высоту. По углам были свалены приборы всех форм и видов: мотоцикл времён второй мировой, газовые плиты, примус, ламповый телевизор, пара телефонов, даже небольшая таксофон. На виду, отдельно от всего этого великолепия стояла здоровенная махина, какая-то древняя ЭВМ. Этим никогда не пользовались и, по всей видимости, не умели пользоваться.

Я дёрнула ручку рубильника вверх. Включаясь, трансформатор выпустил сноп искр, разлетевшийся во все стороны. Юджин встал между источником опасности и мной, как рыцарь, защищающий даму сердца от дракона с той лишь разницей, что против этого элементарного механизма он был беззащитен, словно ребёнок. Я потянула его а рукав.

— Пошли наверх, проверим.

В кабинете трезвонил телефон. Юджин пялился на него как баран на новые ворота,

опасливо посмотрел на меня и только после этого снял трубку. Воистину героический поступок.

Оставив принца объясняться с народом, я ушла, заинтересованная вопросом технического прогресса в Эйа. Ведь если у них есть техника, то теоретически кто-нибудь мог настроить мой телефон. Было бы неплохо связаться с мамой, а то она уже, наверное, все морги обзвонила.

Так называемого «специалиста» я отыскала в общем обеденном зале поедавшим голубоватого цвета пудинг. Он мог бы быть братом Вадиму, разве что выглядел помощнее. Впрочем, ни с чем не сравнимая аура работника АйТи отдела, заключалась отнюдь не в хилом телосложении или очках с толстыми стёклами, это такое видное всем мироощущение. «На лбу написано», как говорится.

Кроме него в зале за длинным столом дремал рыжий юноша с крыльями за спиной, а смуглая кудрявая девушка за треугольным столиком на троих смотрела видео, проектирующееся с большого оранжевого кристалла, и смеялась.

Я протянула специалисту свой смартфон.

— Вы знаете что это?

Он восторженно сузил глаза, окидывая оценивающим взглядом сначала меня и только потом телефон. Мое светло-сиреневое платье с драпировками на груди его удовлетворило, а вот телефон, видимо, не очень.

— О, ко мне уже приходил один с таким. Я ему сказал, что никогда не видел ничего подобного.

— Что ж, спасибо.

Я уже собиралась уходить, но местный «АйТишник» схватил меня за руку.

— Вы знаете про аниме? — спросил он жадно.

Его глаза маниакально блестели, как у наркомана в поисках дозы. Пудинг был позабыт.

— Увы, знаю.

— Может, у вас в этой штуковине есть картинки, как у того тощего?

— Чего нет, того нет, извините.

Всё было разным — одежда, традиции, магия, а вот люди везде одинаковые. И непонятно, радоваться или плакать.

* * *

Некоторое время меня почти не выпускали за пределы дворца. Силой меня, конечно, взаперти никто не держал, но в моём плотном графике не было свободной секунды, чтобы исследовать окружающий меня новый мир, иначе как по рассказам учителей и учебникам.

Будущей жене принца полагалось пройти серьёзную подготовку, чтобы она не опозорила королевскую семью, нечаянно сказав или сделав глупость, а уж в этом вопросе я обладала обширным опытом, что-то, а позориться я умела со вкусом.

Вот знаете, когда я читала «Гарри Поттера», то думала, что все кроме Гермiony в этих книгах безумны, если не хотят изучать историю магического мира, смотреть на волшебных животных и варить зелья, однако когда мне представилась аналогичная возможность, я не то что бы отлынивала от занятий, но мой энтузиазм определённо таял с каждым днём. Первое время это было даже интересно. Я увлекалась какой-нибудь темой, например, видами

магических кристаллов или геральдикой королевских семей, или историей Пятой Войны между Гномами и Воздушными Людьюми, но очень быстро перегорала, начинала скучать и перемещала свой интерес в другую область, которая надоедала мне столь же быстро. Также было и на журфаке, который изначально казался очень интересным, но учёба наскучила мне к середине первого семестра.

Пожалуй скучнее всего была военная тактика и стратегия, которой королева должна владеть в совершенстве, чтобы помогать супругу во всём, в государственных делах и в военных. Королева в Эйа вообще обладала большими полномочиями, могла принимать решения, не считаясь с мнением короля, правила страной наравне с мужем. Такой подход к браку мне нравился, жаль, что не удастся выйти замуж по их законам.

Даже уроки магии были унылыми, потому что их вела Иоланда, которая умудрялась всё что угодно рассказывать со скучающим выражением лица и невыразительным голосом. Хотя Вадим, занимающийся магией вместе со мной, считал иначе. Одно слово — «мужчины». Он смотрел на Иоланду затуманенным взглядом и, удивительно, но запоминал наизусть каждое произнесённое ею слово. То ли из-за яростного усердия, то ли из-за врождённой предрасположенности, он начал колдовать с первого же занятия, как будто учился этому с детства. Мне до него, увы, было далеко, как до Луны пешком.

Потом по расписанию значилась теория и история магии. Занимательно, но совершенно бесполезно. Что мне потом делать с этими знаниями? Про волшебную субстанцию, которую называли тем же словом, что и жизнь, различия между кристаллами и кристаллитами, которую я долго не могла понять, древние мифы про гигантов, принесших магию на эти земли, про первую королеву, сплошь состоящую из колдовства, про знаменитого тёзку Серджиуса, избавившего первых поселенцев от гигантов.

От объёма новой информации голова шла кругом. Меня знакомили с какими-то людьми, чьи имена я не могла запомнить, объясняли чуждые мне традиции, рассказывали про теорию магии и всё такое прочее.

Когда мне позволили выйти за пределы дворца, сопровождать меня должен был Юджин (какое-то нелепое правило этикета). Изучать традиции, отличные от тех, в которых вырос, всегда сложно, но если это традиции другого мира, это сложнее вдвойне. Например, оказалось, что рукопожатия в Эйа не приняты, люди при встрече касаются друг друга внутренней стороной ладоней. Это объясняло, почему все так удивлялись, когда я пожимала им руки. Но никакие уроки этикета не помогали избежать конфузов. Однажды мы гуляли с Юджином и Конрадом в дворцовом саду, и я сняла туфли, чтобы пробежаться по мягкой траве. Мои спутники резко отвели взгляд, как будто я избавилась не от обуви, а от белья. Ну, для них это примерно так и выглядело, ведь знати в Эйа не положено показывать ступни, которые считались интимной частью тела, поэтому все мужчины в жару ходили в сапогах, а женщины — в закрытых туфлях. Не очень практично. Впрочем, этикет любого народа как будто специально стремится сделать жизнь людей настолько неудобной, насколько это возможно.

Столица Эйа, которая называлась просто Город, была расположена в паре минут езды от Дворца, поэтому мы решили пройтись, благо погода была отличной.

Я была уже почти собрана, когда в дверь спальни постучали.

— Войдите.

Когда Юджин вошёл, я вскрикнула и чуть не села мимо кровати. На его голове, прямо на лбу горел пламенный круг, будто кто-то придумал надеть нимб святому как корону. Его

тёмно-каштановые волосы пылали огнём, похожие на ритуальный костёр.

— Что? Что такое?

Он вытянулся струной, готовый к бою.

— Твоя голова!

— Точно, ты же не видела меня в короне. — Юджин ударил себя по лбу. — Прости, прости.

Свечение погасло. Остался только запах — приятный, как смесь костра и озона.

— Неужели никто не сказал? — Я энергично помотала головой. — Как же так получилось? Дело в том, что выходя за пределы дворца, мы стараемся всегда носить короны, если только не путешествуем инкогнито.

Юджин неуверенно присел ко мне на кровать.

— Тебе не больно?

— Нет, совсем не больно. Потрогай.

Он взял мою руку и осторожно поднёс к своему виску, погружая наши переплетённые пальцы в заново вспыхнувший обруч.

Я расслабилась и выдавила из себя слабую улыбку, Юджин неуверенно улыбнулся в ответ.

— Если бы мы поженились, у меня была бы своя?

— Да, конечно... Если бы поженились.

Или мне показалось, или в его голосе прозвучала нотка грусти. Впрочем, меня ждал дивный новый мир, в котором я не видела ничего кроме дворца, и на его исследования у меня оставалось не так уж много времени.

Мы с Юджином всё ещё сидели, держась за руки, когда в открытую дверь впорхнула младшая сестра Юджина, принцесса Кайла в платье, шлейф которого лился за ней подобно ручейку, с такой же короной, как и у брата, вслед за ней влетела птица — ворон Гидеон, названный в честь их дяди, отрекшегося от регентства ради большой любви к девушке из Воздушного Народа. Питомец всюду следовал за хозяйкой и был надёжнее любой стражи, он выклевал бы глаза любому, кто косо посмотрел на Кайлу. Ворон был той самой породы, зеленоглазой, которая привела меня сюда, которая значилась на всей королевской символике.

— А я поеду с вами в столицу.

Она не спрашивала разрешения, а констатировала факт. Они с Юджином были похожи не только королевским тоном, не терпящим возражения. У неё были те же тёмно-каштановые кудри, небрежно растрёпанные, те же внимательные голубые глаза. В свои пятнадцать она выросла выше меня на полголовы.

Знакомясь с ней, я опасалась, что девочка-подросток воспримет невесту брата в штыки (уж не знаю, почему меня это так волновало, ведь через месяц или около того я никогда её, да и всех остальных, не увижу), но нет, Кайла стиснула меня в объятиях и, возбуждённо скидывая руки, объяснила, что давно уже мечтала познакомиться с избранницей брата, а то она начала бояться, что он умрёт в одиночестве. Юджин строго на неё шикнул.

Узнав, что с нами идёт Кайла, к нашей компании присоединился Конрад. «К принцессе проявляют слишком много внимания, ей не следует ходить по Городу без охраны». Думаю, он лукавил, и ему всего лишь хотелось прогуляться за пределами дворца, потому что внимания от прохожих больше всего доставалось именно ему, а не монаршим особам рядом с ним. Конрад имел невероятную популярность в Городе, к нему постоянно подбегали люди

— благодарили, спрашивали, шутили, дружелюбно укоряли в чём-то. К нему как к командеру внутренней службы (в Эйа эта должность была чем-то вроде шерифа или главного жандарма) обращались страждущие с любыми своими вопросами, доходящими порой до абсурда. Он старался всем помочь, при этом очаровательно улыбаясь. Конрад обладал редким даром — он умел безоговорочно нравиться людям, чего, кстати, был напрочь лишён его брат-близнец.

Город меня удивил.

«Центр» находился в той части, к которой прилегал Дворец. До окраин мы не дошли. Подозреваю, что там было что-то вроде наших спальных районов, только на манер Эя — в стекле и металле. Центр маялся пробками, но в отличие от беспросветной туманной серости московского МКАДА или третьего кольца, движение в Эя напоминало бразильский карнавал, медленный, слегка раздражённый, но такой же яркий. Каких агрегатов там только не было: от мобилей (так называли безлошадные кареты) в классическом стиле этих мест до шикарных авто, будто сделанных по эскизам шедевров итальянского и немецкого автопрома, от здоровенных стеклянных автобусов до разноцветных, насквозь проржавевших колымаг, которые тащатся на последнем издыхании. А потом на меня выехал самый настоящий жигулёнок цвета баклажан, и я обмерла. Как любому русскому человеку, рождённому в конце прошлого века эта машина была мне до боли знакома, и я узнала бы её даже через тысячу лет в другой галактике — эта трогательная ёлочка на лобовом стекле, эти массажные чехлы на сидения, даже номерной знак, и тот свой, родной, девяносто девятый.

Встреча со «старым знакомым» озадачила меня на некоторое время так, что я забыла смотреть по сторонам.

Дома в Городе строились выше, чем в дворцовом комплексе, примерно как наши пяти- или семиэтажки, но были и совсем маленькие домишки, похожие на игрушечные, выглядели они немного нелепо, как пристроившиеся к старшим братьям под бочок малыши. Они теснились стена к стене, цветными крышами отражая бегущие по небу облака, взбираясь на пригорки, огибая реку. Красивые домики, не слишком вылизанные, живые.

В одежде городских жителей тоже было куда больше разнообразия, чем я привыкла видеть. Это знатные дамы украшали себя до потери пульса, те, кто занимался более упорным трудом, и одевались соответственно, женщины в большинстве случаев почти так же, как мужчины. Жрецы — в короткие, открытые хитоны, военные — в хорошо знакомые мне крылатую униформу, мыслители — в строгие, бесполое костюмы тёмных цветов. Поражали буйством красок и фасонов артисты, художники и прочие деятели культуры. Трудяги одевались просто, в удобные наряды из той же плотной обтягивающей ткани, что были скроена военная форма. На некоторых можно было заметить знаки отличия — родовые, профессиональные, личные. Кто-то злоупотреблял магическими кристаллами, ходил обвешанный с ног до головы, воздух вокруг них звенел от простенькой, неприхотливой магии.

Хоть и находился он в другом мире, это был самый настоящий большой город, похожий на улей, громкий, красивый, яркий. Хотелось погрузиться в него с головой: пройтись по рынкам, найти интересные подворотни, поболтать со старожилами. У королевской семьи, ясное дело, были другие планы. Им не пристало шляться по рынкам, забегаловкам и прочим значным местам, они не принадлежали сами себе.

— Это самое модное место в Городе, — объяснила Кайла на пороге подвала.

— Постарайся говорить поменьше, — сказал Юджин, обращаясь ко мне.

Сперва я открыла рот, чтобы возмутиться, но тут же закрыла, потому что он был прав. Юджин вообще был вечно прав, такие люди раздражают, знаете ли. Мне действительно следовало помолчать, чтобы не выдать своего происхождения.

В Эяа, как и в любом другом развитом обществе, люди чрезвычайно озабочены вопросом экологии, более того, они прямо-таки сходят с ума по поводу свежести воздуха и сохранности лесов. Они просто никогда не выходили из машины в час-пик в московской пробке. У меня голова болела от их воздуха. Так к чему это я? Собственно «самое модное место» являлось подземной оранжереей с очищенным магией воздухом и зарослями разнообразной зелени. Хорошо одетые люди разных возрастов прогуливались мимо растений с бокалами чего-то не слишком крепкого, в одном из залов танцевала компания подростков.

Кайла с Конрадом убежали к музыкальным кристаллам танцевать. Юджин присоединиться к этой вакханалии не спешил. Пока я разглядывала цветущие лианы, ползающие по стене, как питоны, он нашёл нам два бокала с прозрачной жидкостью, от которой шёл дым.

— Тут мило, — сказала я. Нужно же было как-то начать разговор.

— По-моему, не особо. Я бы предпочёл заниматься своими непосредственными обязанностями... Странно всё это. Война идёт, а я тут шипучку пью.

Кстати, то, что в стране шла война, для меня было не очевидно. Никаких привычных нашему миру атрибутов боевых действий я не наблюдала. Люди свободно ходят по улицам, на их лицах не заметно следов страха. Тем не менее все во дворце говорили о войне, а я боялась спросить, особенно когда узнала, что родители Юджина погибли во время мятежа, положившего начало этой самой войне. Королева Луиза и король Юджин XVII (все наследные принцы в королевской династии назывались одним и тем же именем, пока не происходило что-то непредвиденное и тогда короновали члена королевской семьи с другим именем — младшего брата, племянника, дядю. Как можно догадаться, Юджин был восемнадцатым в своём роду), погибли, когда их сыну исполнилось четырнадцать, а дочери всего восемь. К тому времени принц Гидеон, брат короля, уже сбежал со своей возлюбленной к Воздушному Народу, и страной пришлось управлять регенту Рихарду, самому младшему из братьев.

Трагедия усугублялась тем, что мятеж случился в День Первого Выстрела из Лука (да, это по какой-то причине было очень важным праздником). На самом деле это был не самое странное торжество, был ещё День Первой Пролитой Крови, День Первой Вишнёвки и День Первого Бумогописания. Совершеннолетие в Эяа наступало в двадцать два года, так что Юджин мог вступить на трон только через пару месяцев. После новой коронации все праздники меняли даты, подстраиваясь под нового короля. Через некоторое время вся страна будет с размахом отмечать важные для Юджина дни. Тогда все праздники переименуют в его честь, ну и в мою... То есть не в мою, конечно, а в честь будущей королевы.

Вместо вопроса про войну, который вертелся на языке, я спросила:

— Что будет, если не получится починить портал?

— Я почти уверен, что получится.

— А всё же. Ну мало ли что случится.

Юджин всматривался в танцующую толпу, как будто искал знакомые лица. Молодые люди и девушки крутились друг напротив друга, касаясь плечами, спинами, даже грудью, но не используя руки.

— Тогда вы останетесь здесь? Что я могу сказать?

— Останусь здесь... И в каком качестве? Это сейчас я невеста принца, а после того, как наша ложь раскроется, кем я стану?

— Кем захочешь, — прохладно ответил он, не глядя на меня.

— То есть у тебя нет мнения на этот счёт?

— Несмотря на то, что я принц, не в моих правилах указывать человеку на его место.

— Может быть я спрашиваю не принца, а... — Взгляд Юджина всё ещё блуждал по толпе. — Не важно.

Ну а чего я хотела?

— Тебе придется произнести речь на празднике Первой Пролитой Крови.

— Какую ещё речь?

— Ну как же, речь будущей королевы.

— Надеюсь, кто-нибудь мне её напишет. Серджиус, например, он выглядит как человек, который умеет писать всякие скучные штуки.

— Это ещё зачем? Что хочешь, то и скажешь.

И улыбнулся мне, закончив наконец разглядывать других людей, так загадочно-загадочно. Не понимаю я его, честное слово.

* * *

Вероятно, в качестве компенсации за грубость и своеобразного белого флага, с того дня Юджин старался проводить больше времени со мной, хотя он по-прежнему был очень занят. Как я успела заметить, он работал и днём, и ночью: находил несоответствия в законах и старался их исправить, следил за судебными делами, читал все письма, приходившие ему, не доверяя секретарям и советникам, и лично на них отвечал, засыпал над картами, читал свежие научные трактаты, разучивал новые заклинания, сам заряжал свои кристаллы, принимал послов и простых людей. График Юджина меня пугал — как у него ещё крыша не съехала? Но по протоколу в его обязанности входило общение с невестой, а как я уже успела понять, протоколы он предпочитал соблюдать.

Мы прогуливались за территорией замка, смотрели на озёра. Иногда нас сопровождал Конрад, иногда мы оставались наедине. Удивительно, но и здесь на принца с невестой почти не обращали внимания, больше людей привлекал Конрад, поэтому он постоянно отставал, и мы гуляли наедине.

Вокруг дворца была целая куча мостов, все из которых назывались именами королей. Учítывая, что имена королей не отличались разнообразием, запомнить, где именно какой мост находится, было выше моих возможностей. Тем не менее Юджин помнил все до единого и каждый раз назначал встречу на мосту Юджина VI или II, или XIV. Я приходила не туда, и мы кричали друг другу с соседних мостов.

Мы стояли на мосту (не могу вспомнить его правильное название) через особенно красивое озеро. В него так и хотелось нырнуть бомбочкой.

— Здесь можно купаться?

— Нет, это ледяное озеро, — ответил Юджин. — Под землёй протекает холодное течение.

Климат в Эйа был мягким. Почти всегда стояла теплая погода, иногда шёл снег, но он сразу таял, опускаясь на землю. Ветры дули только в горах, а природа была прекрасна — зелёная трава круглый год, разбросанные повсюду озёра, но за всё время пребывания в Эйа я ни разу не видела дерева, одни кусты и клумбы. Когда я пыталась объяснить им, что такое

лес, они приходили в замешательство и думали о грядках с очень высокой рассадой.

— А почему я понимаю всех вас? Я же не знаю языка. Давно хотела спросить.

— Магия, — серьёзно ответил Юджин, сдерживая улыбку.

— Очень оригинальный ответ.

— Нет, это правда. Магия, протекающая под землёй в этих местах, позволяет нам говорить на одном языке. Если отъехать в Северные Королевства, не поймёшь не слова.

— Ланднордурфолки, — похвасталась я знанием древнего языка. Это означало «Северные Королевства».

Ох уж этот древний язык! Мне пришлось зубрить названия, имена, звания, как школьнице на первых уроках английского. Сразу понятно, почему он вышел из употребления. Эйа, например, на древнем языке звучало, как «Ландспасагнаменнирнир», ну и всё в том же духе. Пару раз я слышала, как Юджин с Иоландой разговаривали на древнем языке и, хотя на слух это было ужасно, они с лёгкостью понимали друг друга.

Юджин улыбнулся. Когда он улыбался, казалось, что он становится самим собой, а всё оставшееся время он сильно сдерживает себе, чтобы быть серьёзным, собранным и строгим.

— Ты задаёшь много вопросов.

— Прости. — Я начала закипать. — Ты прав, я буду спрашивать своих учителей. Конечно, ты принц, тебе не пристало отвечать на глупые вопросы.

— Нет! Я... — он начал неловко перемещаться по мосту, как делал всегда, если волновался. — Мне приятно, что тебя интересуется моя страна, наши традиции.

Он всё ходил туда-сюда.

— Знаешь, я немного разочарована в магии, — сказала я, чтобы разрядить обстановку. — В книгах, которые любят у меня дома, тот, кто попал в волшебный мир, сразу же становится сильнейшим магом, избранным, а я не могу осилить задания для детей. Это обидно.

— Мы учимся долгие годы, а маги вроде Иоланды, так вообще с рождения. Поверь, у тебя отлично получается.

У меня действительно получалось неплохо, даже скупая на похвалы Иоланда это отмечала, но ничего из ряда вон выходящего я не делала, никаких сигналов «избранности» не подавала. Зато Вадим оказался прирождённым магом, он колдовала так легко, как будто жил в Эйа с детства. Я злилась на него и почти не разговаривала. Тем более что Конрад, Кайла и даже Юджин в общении были куда приятнее, а с Вадимом нас связывала только далёкая родина.

Какое-то время Вадима не было видно, даже на занятиях магией он не появлялся. Наверное, будь я действительно хорошим человеком, проверила бы, жив ли он, здоров ли. Земляк всё же. И вот в один прекрасный день, нечесаный, помятый и невыспавшийся, он ввалился ко мне в комнату, не озаботившись стуком. Вадим был из той же породы не-совсем-хороших-людей.

— Какой-то ты...

— Какой?

— Накофииненный.

— Есть такое дело, но оно того стоило... Вот, можешь позвонить своим.

И не объясняя, что именно того стоило, он кинул мне свой телефон с небрежностью, как будто он каким-то неведомым образом не настроил мобильную связь с другим измерением, а так, сподобился кнопку «вкл/выкл» нажать.

Всё такой же неприглядный, зато сияющий своей явной победой надо мной — лицо у меня, должно быть, было то ещё — он развернулся и гордо удалился.

— А мы волноваться начали, — первым делом сказала мне мама. Однако голос её отнюдь не звучал взволнованным.

— У меня всё отлично, вот решили с друзьями за город съездить, скоро вернёмся.

— С друзьями? С Павликом, что ли?

— Да ты их не знаешь.

— А живёте где, далеко?

— Ну так, прилично. — Ну а что, действительно далекоовато от дома. — Вы там сильно переполошились из-за меня?

— Поначалу очень, а потом Клава пришла, карты раскинула, сказала, что всё у тебя отлично будет, мужа себе найдёшь красивого-богатого.

— Ясно.

Мама моя, большая любительница гаданий, карт Таро, астрологии и прочих сверхъестественных материй, виделась с Клавой, самопровозглашённой белой колдуньей в седьмом колене, раз в неделю, отдавала ей приличную сумму, а взамен получала ворох радостных предсказаний.

Раньше я считала её увлечения блажью, глупостью, а теперь не была так уверена. Даже захотелось рассказать ей про своё невероятное приключение.

— Не нашла ещё мужа? — нетерпеливо поинтересовалась мама. Неинтересны ей мои дела, если они не касаются предстоящей свадьбы или рождения внуков.

— Ой, мам, давай без этого. Как найду, ты первая узнаешь.

— Ну тогда, давай доченька, до связи, а то я на маникюр записана через полчаса, уже опаздываю.

Красивого-богатого, значит? Интересно, про нимб над головой в предсказании ничего не говорилось?

— Некоторые виды магии требуют полной самоотдачи. Физической, интеллектуальной, духовной... сексуальной, — сказала Иоланда. То есть я предполагаю, что она сказала нечто в этом роде, на самом деле я клевала носом и ничего не слышала из лекции, а очнулась от грохота, с которым локоть Вадима съехал со стола при слове «секс». Вадим издал какой-то сдавленный, едва слышный звук, похожий на последнее издыхание небольшого зверька, Иоланда сделала вид, что не заметила.

Я тоже встрепенулась. Какой ещё секс?

Из-за соседней парты раздался ещё ряд громких звуков: удар коленом о столешницу, скрежет стула. Точно, не послышалось.

— Мне нужно... выйти, — сказал Вадим.

— Мы что, должны что-то такое делать? — спросила я, как только он ушёл. — Друг с другом?

— Нет, — Иоланду вопрос не смутил. — Близость может быть полезна в особо сложных ритуалах, которые проводят жрецы и жрицы Ордена. Пары используют близость для того, чтобы усилить свои заклинания, если хотят, конечно же. Это не сильно распространено.

— Зачем тогда нам об этом знать? Через месяц нас здесь уже не будет.

Естественно, она не смогла ничего ответить, потому что не существовало никакого ответа, но смущенной по-прежнему не выглядела. Она отвернулась к огромному окну и продолжила свою лекцию. Мерный стук её золотых туфель, когда она прохаживалась по кабинету, и монотонный голос действовали на меня усыпляюще.

Прошло полчаса, а Вадим так и не вернулся.

— Пожалуй, мне тоже нужно выйти.

Вадима я ожидала найти в одной из шикарных туалетных комнат (они по площади были как неплохая трёхкомнатная квартира), поэтому удивилась, когда нашла его рядом с учебной комнатой, в большом мягком пуфе. Я под села к нему, подталкивая локтём, чтобы подвинулся.

— Иди обратно.

— Не тупи, пошли вместе.

— Возвращайся одна. И чего ты села сюда, рядом же ещё один стоит?

— Ты совсем ничего не понимаешь? Она же тебя провоцирует.

— Зачем?

Я пожала плечами.

По земным меркам, мы пробыли в Эйа четырнадцать дней. Это срок достаточный для того, чтобы привязаться к новому месту. Свою комнату во дворце я теперь помнила гораздо лучше, чем квартиру, в которой прожила почти два года, а класс для занятий магией со сводчатыми потолками и большими окнами стал роднее, чем аудитории моего универа. Но совсем скоро всё это кончится.

Оставлять комнату особенно не хотелось. Если было бы можно, я бы с удовольствием взяла все вещи с собой, особенно широкую кровать с белыми витыми прутьями каркаса, огромные зеркала, занимающие целую стену, ласковые цветы-лианы, ползающие по потолку, полу, стенам.

— Ещё немного и мы будем дома, — сказала я Вадиму. Его комната была ненамного

хуже моей, отличалась только в том, что касалось половой принадлежности хозяина.

Он посмотрел на меня долгим тяжёлым взглядом и усмехнулся, отворачиваясь.

— Что? — спросила я.

— Ты ещё не поняла? Я не собираюсь возвращаться.

— Но как же? Кто-то же должен тебя ждать дома!

— Не знаю про тебя. Может, смысл твоей жизни — сниматься в массовке тупого кино с плохо приклеенными ушами. А мне жизнь впервые предоставила великолепный шанс стать кем-то, не школьным посмешищем, не жалким помощником костюмера. А я ведь устраивался на должность специалиста по спецэффектам, между прочим, но сейчас не об этом. Мне представился шанс, и, можешь быть уверена, я не собираюсь его упускать.

— Когда решил? Сразу или как...

Из-за поворота показались Конрад и Юджин с коробкой в руках. Я замерла на полуслове, потому что Юджин — красивый, глаза бы мои не видели, до невозможности — смотрел прямо на меня и улыбался.

— Что у нас тут за собрание?

— Мой принц? — Иоланда вышла, почувствовав присутствие Юджина. Меланхолично, чуть печально окинула взглядом нас с Вадимом.

Тут же с противоположной стороны подошёл Серджиус. Теперь это действительно походило на собрание.

— О, все в сборе, — обрадовался Конрад, усаживаясь в наш с Вадимом пуф. — А мы тут как раз принесли торт. Помнишь, Марта, ты говорила, что хочешь попробовать наши местные торты? Серджи, угощайся.

— Да что у вас с личным пространством, люди, — проворчал Вадим, расталкивая нас локтями.

Я взяла кусок торта. Он, кстати, был божественным.

— Боюсь, у меня плохие новости, — сказал Серджиус, не обращая внимания ни на брата, ни на торт, ни на отчаянные попытки Вадима выбраться. Обязательно нужно было испортить момент.

Не сговариваясь, они пошли в одну сторону, и я поплелась за ними. Пока никто не заметил, Вадим улизнул. С него хватило коллективных посиделок, общество большого количества людей напрягало его. Мы тем временем вышли за Дворцовую Стену, но в Город не пошли, а стали обходить Стену вокруг.

— Ты ещё тут? — спросил Серджиус. Никто кроме него моего присутствия не заметил. Юджин рассеянно махнул рукой в его сторону, потому что и я, и всё остальное не имело больше значения, всё померкло рядом с тем, что он увидел.

Ледяной шпиль, воткнутый острым концом в землю, вспорол газон с сочно-зелёной травой, прочертив длинную борозду. Выше глыба льда расширилась, а на самом верху виднелся ломанный край, состоящий из тысячи морозных иголок. В центре конструкции, лицом в небо лежал молодой человек с застывшим, спокойным лицом. За его спиной, тоже закованные во льде, распустились крылья. Это был тот самый рыжий солдат, которого я недавно застала спящим в общей зале.

Парень был очевидно мёртв, но его тело, замороженное в гигантскую льдину, выглядело не страшно, не отвратительно, напротив, пугающе красиво.

— Трогать можно? — спросил Юджин.

Серджиус кивнул.

Несмотря на жаркий день, лёд не таял, даже когда Юджин приложил руку. Чтобы заколдовать такую махину, нужны нехилые магические способности, возможно, несколько человек с нехилыми магическими способностями.

Пока Иоланда молча стояла, прикрыв глаза, Юджин высматривал каждую мелочь. Он выглядел как в одном из тех детективных сериалов, где вокруг головы главного героя крутятся всякие подсказки, а он от них отмахивается. Но голос, зазвучавший первым, принадлежал не ему.

— Послание направили не в Город, а за дворцовые стены. Значит, кто бы это ни был, он не хотел посеять панику среди обычных людей. Послание предназначается нам и только нам, королевской семье, нас хотят запугать. Но что именно нам хотят сказать? Вот в чём главный вопрос.

Регент Рихард подошёл со спины. В его беззвучных шагах сквозила та же неопределённая бледность, что и во внешности. Невысоким ростом, строгими, невыразительными, но правильными чертами лица, бесстрастностью взгляда он резко отличался от обоих своих племянников, а судя по кристальным проекциям, которые я видела, и от братьев. Одевался он достаточно однообразно, преимущественно в наряды серых оттенков. Но когда он говорил, строго и ровно, его слушали. Не из-за статуса, отнюдь, такой человек.

— Нужно сообщить семье, — хрипло произнёс Конрад.

— Я сам, — сказал Серджиус. — Я был его командиром, это мой долг.

— Серджиус, ты займёшься расследованием, — сказал Рихард, после чего направился обратно в сторону Дворца.

За всё время пребывания в Эйа, он одарил меня парой вежливо-презрительных слов и неизменно переставал обращать на меня внимание, как только представлялась возможность. Иногда по вечерам я слышала, что он разговаривает с Юджином в обеденном зале и произносит тихим шипящим шёпотом:

— Юджин, прекращай это безумие.

— Свадьба состоится, дядя.

За общим ужином у них обычно происходил долгий и скучный разговор о свадебных приготовлениях. Поразительно, с какой лёгкостью Юджин врал своему регенту. Он с непоколебимой уверенностью говорил о свадьбе, и на пару секунд даже я забывала, что это фикция. Я представляла себя в короне, горящей огненным нимбом над головой, с королевскими знаками отличия на платье, выступающей перед своим народом с речью. Согласитесь, заманчиво?

За ужином в тот день обсуждался ещё один вопрос, теперь Рихард возмущался по поводу желания Юджина провести своё расследование. То есть он, конечно не возмущался так, как это было принято в моей семье, он тихо и спокойно *запретил*.

Сдвинуть или разморозить льдину никто не смог, вокруг неё поставили охрану, парней из команды Конрада. В своих разноцветных костюмчиках с эполетами и аксельбантами они выглядели слишком парадно для траурной процессии. Непонятно, что и от кого они охраняли, но оставлять мёртвого юношу лежащим во льде было неуважительно.

Как только наступила ночь, я выбралась из комнаты, накинула на плечи плащ и пошла искать приключения на свою пятую точку. А что, мне никто ничего не запрещал. Почему я туда полезла? Во-первых, здесь нет телевидения и детективных романов, так что у меня априори больше знаний о том, как расследовать запутанные преступления. Мисс Марпл и Шерлок Холмс мне в помощь. Во-вторых, я и так попала в волшебный новый мир, это уже сюжет для приключенческой книги, может и неплохая героиня детективной истории из меня выйдет, кто знает. Правильно, никто не знает, пока не попробую.

Перелезая через Стену (занеся одну ногу над перекладиной, я поняла, что можно было просто обойти, но поздно), я увидела ещё фигуру, приближающуюся со сторон ворот. Что же, отступать поздно, я спрыгнула на землю. Как только мои ноги коснулись земли, кто-то схватил меня за руку и резко дёрнул в сторону. Сама не заметив как, я оказалась в узкой выемке в Стене, прижатой к...

— Что ты тут делаешь? — зашипел Юджин в лучших традициях тех историй, о которых я думала чуть раньше. В массовке таких фильмов прошли долгие часы моей студенческой жизни.

— То же, что и ты, но мне, в отличие от некоторых, дядя не запрещал заниматься расследованием.

— Дядя Рихард не может мне ничего запретить, он недоволен, это да, и мне наплевать на его недовольство, — всё тем же свистящим шёпотом продекламировал мой жених.

— Кто-то ещё идёт сюда, я видела, пока сидела на Стене.

Видимо, его впечатлили мои физические возможности. Ну да, не только он выглядит так, будто из тренажерки не вылезает.

— Это дядя. Давай послушаем о чём он будет спрашивать.

Вслушиваясь в то, что происходит за пределами нашего уютного убежища, Юджин положил руки мне на талию, тесно прижимая к себе (чтобы было удобнее, конечно же, потому что спиной я упиралась в жёсткие камни). Через лёгкую ткань его рубашки и моего платья чувствовалось, как тяжело вздымается его грудь, как часто он дышит. Я не ожидала, что это окажется так приятно, так естественно, как будто мы только и делали, что обнимались с момента знакомства. Мне ничего не оставалось, кроме как задуматься над словами Вадима об отъезде. Что держит меня в мире, в котором я родилась? Родители? Они прекрасно переживут моё отсутствие, если будут уверены в моём благополучии. Учёба? Ой, не смещите меня. Друзья? Здесь у меня тоже есть друзья, оставлять которых не хотелось.

Рихард подошёл к охране достаточно близко, чтобы заговорить с ними.

— Дежурите? Молодцы, дежурьте дальше... Кто-нибудь подходил сегодня?

— Коммандер Конрад, сэр, — ответили охранники хором.

— И что хотел коммандер Конрад?

— Спрашивал не нужно ли чего принести, поесть там, попить.

— Кто бы сомневался. И больше ничего? Ничего странного не заметили?

— Нет, сэр.

— Ясно... Вы не обращайтесь на меня внимания, я пока осмотрюсь тут.

Юджин подвинулся, стараясь не дышать мне в висок. Я протянула руку, пытаюсь нащупать выход с обратной стороны. Пальцы наткнулись на сплошную каменную кладку.

— Вот чёрт, придётся ждать, пока он уйдёт. Или можем выйти, твой дядя ничего нам не сделает.

— Лично мне и так неплохо, — сказал этот наглец, сдвигая руки чуть вверх, касаясь моей спины между лопаток там, где сзади начинался вырез. По позвоночнику как ток пробежал, и я не сразу поняла — это что только что было? Неужто флирт? Если так, то заманчиво, но замороженный труп не лучшая декорация к любовной истории.

— Поосторожнее, ваше высочество, я девушка разборчивая, так быстро крепости не сдаю.

— Странно, — он сделал вид, что задумался, — мне казалось, что предложения руки, сердца и трона заодно обычно бывает достаточно.

— Вот как. И на многих подействовал ваш способ?

— Это пока экспериментальный образец.

— Можете записать, что результаты получились неоднозначными.

— Так и запишу.

— Но эксперимента ни в коем случае не останавливайте, мало ли что.

* * *

Наши с Юджином ночные похождения закончились неинтересно. Регент Рихард больше ничего не говорил, улик никаких не нашёл, наши собственные изыскания также ничего не дали.

«Понимаешь, всё в этом деле не так, — говорил Юджин, пока провожал меня до комнаты. — Нам хотят внушить, что Виеллиса убили северяне, но как это возможно, если он не выезжал из Города? К тому же создать нетающую льдину такого размера могли только сведущие в магии люди, очень сильные маги, понимаешь? Ни у революционеров, ни у северян таких нет. Или теперь уже есть? Да ещё крылья. На всех наших военных крыльях стоят сильнейшие противомagicеские щиты, иначе ребята падали бы с большой высоты и разбивались, снять эту защиту ещё сложнее, чем создать льдину. Было бы логично крылья просто снять, но Виеллиса заморозили именно в крыльях. Значит, это важно. Что нам хотят сказать?»

Юджин пришёл к тому же выводу, что и регент Рихард. А мне хотелось первой ответить на вопрос, заданный ими обоими. Мною овладел дух соперничества. Свежим взглядом я могу увидеть то, что не замечают они. Нужно было идти в Город, причём обязательно одной. Не знаю, у кого нужно было спрашивать разрешения и нужно ли вообще, но вроде бы я не пленница и не преступница, поэтому в одно прекрасное утро — ладно, ближе к вечеру, поспать я люблю — собралась и отправилась в Город. В таких случаях я всегда руководствуюсь следующим принципом: пока мне что-то не запретили, это разрешено, а когда запретили, нужно найти предлог, чтобы запрет обойти. Очень просто.

На этот раз никаких модных мест, только суровая городская действительность. Я прошла мимо прозрачной Ратуши, в которой совершались все государственные дела.

Каждого чиновника в его кабинете было видно, как говорится, насквозь, в прозрачных залах проводились собрания. Да, взятку тут не возьмёшь. Зато Орденский Храм без окон и дверей стоял как готовая к обороне крепость.

В бедных районах от крыш валил дым, у тротуаров стояли припаркованные старые машины, которые давно бы пора сдать на металлолом, дети играли в неведомую мне дворовую игру, из окон слышался свист чайников и телефонная трель. Мне вспомнилось детство, прошедшее в таких вот дворах, но в совершенно ином мире.

Через более благополучные районы тянулись ряды ателье, магазинов, ресторанов и кафе, магических мастерских и порталных, галерей, музеев, комисионок. Сложно выбрать из такого многообразия, но меня ноги сами вынесли к рынку.

На городском Рынке многообразие товаров во много раз превосходило то, что продавалось в магазинах. Тут были и не совсем разрешённые магические товары, и не проверенные порталы, которые могли вести куда угодно, самая большая барахолка с вещами из иномирья. Также шла подпольная торговля чертежами и схемами механизмов, в Эйа не существовавших.

Пожалуй, самой приятной находкой дня оказался лоток, на котором большой и широкий мужчина жарил мясо на небольшой печке-болгарке. Во Дворце не ели мяса. Со временем я перестала надеяться, но это не значит, что перестала мечтать о хорошем таком стейке или жирненьком гамбургере. Так что уверена, не надо расписывать, какие эмоции я испытала, увидев хорошо прожаренные куски мяса. Понятное дело, денег у меня с собой не было (я даже не знала, как они выглядят), пришлось снять с руки браслет — всё равно во дворце этого добра столько, что никто не заметит пропажи, — и отдать его торговцу.

Кусок шашлыка на деревянной палочке я проглотила, не отходя от палатки, практически не жуя. Потом вытащила из волос золотую заколку и купила ещё. Подумала принести тайком один шашлычок Вадиму, но пожадничала.

— Откуда у вас мясо? — спросила я на всякий случай, чтобы узнать на всякий случай, где взять ещё еды, если захочу.

— Господин Рейл-ло разводит коз, мировой человек, счастья ему.

А козье мясо, оказывается, очень даже ничего.

— Может быть, господин Рейл-ло поставляет товар кому-нибудь ещё?

Торговец пожал плечами.

— У гномов спросить можно, а наши, если и разводят, то разве что куриц, да этих... такие, на индюков похожи.

Помочь ему не получилось, поскольку я не знала, что за птицы, похожие на индюков, водятся в Эйа.

Пока я ела, вокруг образовалась толпа. Люди суетились, носили какие-то предметы из одного конца площади в другой, устанавливали постамент, сооружали кафедру. Когда приготовления были закончены, на сцену вышла тонкая женщина в длинном чёрном балахоне. Она откинула капюшон, встряхнув головой с короткими светлыми волосами. Ей было к сорока годам, но лицо сохранило юношескую чистоту, гладкость и почти монашеское спокойствие. Она мне понравилась.

— Эх, снова болтать будут, не успокоятся никак, — проворчал торговец мясом.

— А кто это? — спросила я.

— Да ну, эти проклятые революционеры, борцы за свободу магии или что-то такое.

— Вы не согласны с ними?

— А что тут быть согласным? Я попросил у короля, спи он спокойно, разрешение на торговлю — мне выдали, попросил защиты от местной шайки — командер стражи, молодой, улыбчивый такой, сам с ними разобрался, а эти что? Чего им не живётся?

За неимением мнения я пожала плечами.

— Вот и я говорю. Пусть работать идут, тогда не будет времени думать о всякой чепухе.

Женщина начала говорить. Без усилителя звука, без микрофона, даже не особенно громко, но её было слышно по всей рыночной площади. Выступления перед большим количеством людей — к этому либо есть талант, либо нет. Я надеялась, что не посрамлюсь со своей речью, но куда мне до неё, лидера революционеров. Толкать речи я умела, проблема не в этом, в универе нас только этому и учили, но сейчас я в другом мире. Может, я выдам что-нибудь не то, а меня потом казнят. Спасибо, мне моя голова вполне нравится, волосы так особенно.

Она тем временем продолжала:

— Я никого не призываю к насилию. Ни в коем случае! Тот, кто нарушит священное течение Жизни, силой отнимет её у другого, не может более являться нашим союзником. Мы боремся за свои права, данные нам по рождению, а не против прав королевской семьи и их союзников. Мы устали молчать, мы не можем сидеть сложа руки. И мы не позволим окрасить наши руки кровью, пролитой не нами. Наша цель — мир и процветание великого королевства Эйа. Наша цель — всеобщее образование и доступность магии для каждого. Если вам не всё равно, если вы устали смотреть на то, как дети умирают от болезней, которые могут быть излечены, если вас заботит будущее, я обращаюсь к вам. Я не призываю, я прошу вас, как друзей, не стойте в стороне. Учите, проповедуйте, защищайте, отдавайте. Только так мы спасём себя и друг друга. Пусть дом ваш будет полон Жизни.

На обратном пути всё казалось каким-то другим. Городское разнообразие превратилось в критическую разницу между жизнью богатых и бедных, экзотические машины в признак неблагополучия. У них же была магия, что ещё людям надо?

* * *

Возвращаясь, я специально пошла со стороны льдины. Охраны больше не было, один Конрад и безутешно рыдающая семья, женщина лет сорока и пара детей подростков — все рыжие, стройные, изящные, как гибкие ивовые деревца. Конрад не плакал, но глаза у него покраснели, а лицо припухло. Эта часть работы давалась ему тяжело, не то что невинные заигрывания с пожилыми горожанками.

Всю оставшуюся часть дня я донимала знакомых расспросами. От своего жениха я не добилась внятного ответа, почему люди, имеющие возможность пользоваться благами магической цивилизации, ездят на ржавых жигулях, звонят друг другу по дореволюционным телефонам и готовят еду на плитах с газовыми баллонами. То ли он не знал до конца, что происходит за пределами Дворца, то ли не хотел раскрывать все карты, то ли был против того, чтобы я лезла в дела его страны. А я уж было решила, что он смягчился. От очаровашки Конрада удалось узнать и того меньше: он много и широко улыбался, говорил про свободу выбора и прочие мало связанные с вопросом вещи. Кайла улыбалась не менее радостно, но в отличие от Конрада, который всё же человек военный, даже не пыталась сделать вид, что говорит по теме.

Все эти милые люди (в случае с Юджином — относительно милые) меня разочаровали, и тогда я пошла к тому, кто не станет миндальничать, выдаст всю правду-матку, не боясь потревожить мои нежные чувства.

— Я занят.

Серджиус не был занят. Подложив руки под голову, Серджиус спал на диване в приёмной Юджина прямо посреди дня. Аккуратно сложенные крылья стояли прислонёнными к стене.

— Почему в городе ездят старые машины, которые давно пора сдать на металлолом?

С недовольным вздохом он сел.

— Потому что покупать мобиль на магическом ходу слишком дорого для бедных людей, порталы стоят дешевле из-за своей непредсказуемости и нестабильности.

— То есть машины покупают в других мирах?

И любой старый жигулёнок вполне мог когда-то обитать в гараже моего дедушки?

— Не покупают. Скажем, одалживают на время.

— И вы это не контролируете?

— Каким образом?

— Законом? Не знаю, я же не прокурор. У вас что, разрешено воровство?

— Ну так и я вроде не прокурор, насколько помню. Конечно нет, но как прикажешь расследовать дело о краже из другого мира? Ни улики, ни свидетелей, доказать, что кража имела место, практически невозможно.

— ... Ну, по крайней мере спасибо за честность.

— Это всегда пожалуйста, а теперь, извините, леди Марта, прошу оставить меня наедине с этим прекрасным диваном.

Он уже отвернулся к стене, а я открыла дверь, когда с другой стороны в приёмную вбежал растрёпанный, слегка безумный Юджин. Плащ колыхался за его спиной, как парус.

— Я дописал! Оставалось придумать диспозицию, и я наконец-то понял, в чём там дело.

Он помахал бумажкой.

Я закатила глаза — закон они писали! Два молодых парня сочиняли закон. Вот скажите, чего они могли умного насочинять? Или, может, так и должно быть, а старцы, просиживающие штаны в кабинетах, не понимают ничего в современной жизни? Что-то меня в последнее время потянуло на вечные вопросы.

— О, Марта, — сказал Юджин, как будто только теперь меня увидел. — Раз уж ты здесь. Подожди секунду, я кое-что принесу.

Серджиус яростно тёр глаза. Ему было неважно, что там Юджин собирается достать, смертельно хотелось спать. Он даже прилёг немного, бочком прислонившись к спинке дивана. Я немного позлорадствовала, теперь, когда не нужно вставать к первой паре, не надо морозиться на съёмках, я наконец-то, наверное, впервые в жизни, высыпалась.

Вернулся Юджин с небольшим изящным медальоном, овальной формы из чёрного серебра с зеленоглазым вороном — символом королевской семьи — в середине и витыми ветвями по краям. Тёплый от его рук кусочек металла легко лёг в мою ладонь.

— Это медальон моей матери, королевы Луизы. Я должен отдать его своей невесте, и раз уж ты... Во время речи лучше появиться с ним на шее.

Серджиус тихонько захрапел. Юджин посмотрел на него с нежностью, после чего с тем же выражением улыбнулся мне.

— Извини, — сказал он шёпотом, — мне нужно работать.

Однако поспать Серджиусу долго не удалось. Через пару часов меня обуял приступ тревожности, и я пошла снова будить его.

— Да ты издеваешься, — сказал Серджиус, резко поднимаясь.

— Ну извини. А чего ты спишь в приемной у Юджина? Вдруг сюда нагрянет толпа страждущих?

— На приемную наложено заклинание, через эту дверь могут пройти только «свои», те, кто исключен из заклинания, — проворчал он, как старый дед. — По какой-то нелепой причине Юджин решил, что тебе тоже нужно открыть допуск.

— Мне показалось, холодок в наших отношениях сменился оттепелью.

— Тебе показалось.

Вот интересно, каково быть плохим братом-близнецом? Его родители любили меньше, чем Конрада, что ли? Как вообще могут люди, выросшие в одном доме, настолько кардинально отличаться? Да, я всегда задаю слишком много вопросов, как однажды заметил Юджин.

— Чего тебе стоит написать за меня речь? Самому же спокойнее будет.

Я же видела, что он нервничает из-за этой проклятой речи не меньше меня, в случае чего разгрести придётся именно ему.

— Правда, — Серджиус поджал губы, — но Юджин запретил мне даже консультировать тебя.

— А если сделать так, чтобы он не догадался?

— Мы с семи лет списывали друг у друга сочинения, он догадается. Решай свои проблемы сама.

И посмотрел на меня ещё так нехорошо, что у меня вырвалось:

— Ну и пожалуйста. И имя у тебя идиотское.

— Эй! Мало того что спать мне не даёшь, так ещё и гадости говоришь. Между прочим меня назвали в честь великого героя, который освободил первых поселенцев от нападков гигантов. — Это правда, имя Серджиус в Эя очень распространено. — А Мартой у нас называют сорную траву.

На этом и закончили. Поговорили, называется.

* * *

Эту часть истории я помещаю здесь хронологии ради. Безусловно, сама я, только попав в Эя, понятия не имела, что в моем родном мире происходят события, о которых я собираюсь вести рассказ далее. Узнала я всё это гораздо позже, в порядке достаточно хаотичном. Тем не менее попробую составить из разрозненных кусочков одно целое, ведь без истории ребят, наши приключения представляют собой лишь часть целого, более глобального действия. Спасибо Клименту за его маниакальную склонность всё записывать (которая, кстати, можно сказать помогла спасти мир), а Юльке — за эмоциональную составляющую, которую она стремилась вспомнить досконально. Постараюсь как можно меньше влезать со своими комментариями в стройную канву истории, заботливо, с любовью

воссозданную моими друзьями, но ничего не обещаю.

Пожалуй, стоит описать моё первое впечатление от ребят, которое было поистине неизгладимым. Климт выглядел лет на двадцать шесть, но возможно, люди в его мире старели быстрее или медленнее. Сам он не признавался, сколько ему лет, а сломленные напором его обаяния мы не настаивали. Что за мир, в котором он родился, выяснить тоже не удавалось. Темноволосый и бледный, высокий, зеленоглазый, Климт мог бы сойти за классического вампира-соблазнителя, если бы не мальчишеская, дерзкая улыбка, всегда блуждающая на его лице. Кожа у него настолько белая, что почти синюшная, сосуды просвечивают. У обычных землян так не бывает, хотя люди настолько слепы и глухи к потустороннему, что списывают неестественную бледность на генетику, плохую экологию или недостаточное питание.

Юлька в контраст к Климту смуглая, маленькая, темноглазая, вместе они составляют очень гармоничную пару. Черты лица у неё в противовес высокому лбу и широкой челюсти Климта мелкие, но хорошо вылепленные, подбородок острый, губы тонкие, подвижные, глаза тёмно-коричневые, как очень крепкий кофе. Добавлю лично от себя, что в ней проглядывалось что-то от гибкой, компактной, но дикой кошки.

Шагнув на серый бетонный пол недостроенного здания Москва-Сити, они оказались в другом мире и тут же вздохнули полной грудью, несмотря на то, что качество воздуха было, мягко говоря, не самое лучшее. Не то, что в элитных оранжереях Эйа. И всё же дышится легче, чем в бункерах СКМП (Службы Контроля за Межпространственными Перемещениями), которая находится на планете полностью непригодной для проживания всех без исключения биологических видов. Именно за это качества Дельту-Икс выбрали в качестве штаб-квартиры — никто не помешает, никто не предъявит права на территорию. Бункеры, конечно, оборудованы системой подачи кислорода, но ничто не идёт в сравнения с настоящим воздухом.

В Сити у Юли с Климтом был целый офис — небольшая квартира со всем необходимым. Строго говоря, офис принадлежал СКМП и мог быть использован кем угодно из организации, но в нашем мире работали преимущественно именно Юля с Климтом, остальные оказывались в Москве крайне редко. Одна из башен Москва-Сити была выбрана, во-первых, за свежую энергию, которая вследствие новизны постройки не успела испортиться (та ещё энергетика, скажу я вам), а во-вторых, за удобное расположение относительно всех главных силовых точек и проведенных порталов. Кроме того ни у кого не возникнет сомнений относительно того, что происходит в одном из бесчисленных безликих офисов. Обстановкой квартиры Юля занималась лично. Здесь было всё необходимое, но без излишеств: маленькая кухня с микроволновкой и кофеваркой, две спальни, кабинет, гостиная с телевизором. Впрочем, всё в достаточно минималистичном стиле, со светлыми стенами и большим количеством свободного пространства.

— Если бы вместо коз были овцы, мы бы с тобой были совсем как в том романе Мураками, — сказала Юля об их новом деле. Она ещё не успела изучить вопрос до конца, но похоже, им придётся искать пропавших коз одного незадачливого фермера.

Климт угукнул без особого энтузиазма. Большого ожидать не приходилось, он не проявлял интереса ни к какому из видов искусства, даже к картинам своего однофамильца он остался равнодушен. Там, где он прожил большую часть жизни, люди не занимались творчеством вообще.

Дело действительно касалось коз, как бы глупо это не звучало (ну а что, не все дела,

расследуемые СКМП угрожают мировой безопасности), и в итоге тоже привело к раскрытию глобального заговора. Само задание заключалось в следующем: в Подмоскowie у одного фермера начали пропадать козы. Никто бы и не связал этот факт с межпространственными кражами, если бы не усиление порталной активности в тех же местах.

Открыв дверь офиса, Климт сразу же метнулся к кофеварке. Любимый Юлин чай он не пил, а вот кофе обожал, хотя на Земле, а именно в Лос-Анджелесе, жил только до семи лет. И непонятно, кто поил мальчика этой гадостью (выражение Юли, я против кофе ничего не имею). Как именно Климт оказался в Штатах, он не объяснял, улыбался загадочно и умело переводил тему. Меня загадочность в мужчинах никогда не привлекала, но я знаю многих девушек, которые со мной не согласились бы. Тем более что Климт обладает сверхъестественной привлекательностью.

На кухонной полке Юля нашла пустую коробку со своим фруктовым чаем. И ведь не выяснить, кто это делает.

— Опять, сволочи, выпили весь мой чай, — причитала она. — Нет, чтобы купить, они выпивают и оставляют пустую коробку.

— Главное, что мой кофе не берут, — заметил Климт. И действительно, те из их коллег, кто гостил в офисе, явно предпочитали чай.

Юля толкнула его плечом.

— Эгоист.

— Сама такая.

Наш мир, кстати, в СКМП принято именовать «пустынным». Дело отнюдь не в пустынях, а в полном отсутствии магического потенциала. Увы, это не значило, что магическая преступность была на нуле, как раз наоборот. Преступники частенько проникают в наш мир через портал и, пользуясь тем, что люди не знают о существовании всемирья, тырят всё, что плохо лежит.

Климт с целым ведром кофе заперся в кабинете изучать свои бесконечные записи, а Юля осталась в гостиной тестировать новый гаджет, выданный Цыпой, их координатором. Собственно, «Цыпа» не настоящее имя. Цыпой они с Климтом звали его из-за привычки кс всем людям вне зависимости от пола, возраста и прочих антропологических признаков обращаться именно таким образом — «подай-ка мне вон те клеммы, цыпа», «как идёт расследование, цыпа?», «эй, цып, чего приуныла?»

Настоящее имя Цыпы им было неизвестно, ещё при первом знакомстве он заявил, что они не выговорят его из-за хилых связей.

— И как нам тебя звать?

— Как хочешь так и зови.

— Василь Петрович, — вырвалось у Юли.

— Вот и отлично. Что означает?

— Ничего. Просто имя. Уважительная форма, так сказать.

— Уважительная — это мне нравится.

С тех пор его звали Василь Петровичем в глаза и Цыпой между собой.

Гаджет представлял собой визор в форме стильных солнцезащитных очков-авиаторов, с помощью которого видно воздействие портала на энергетическое поле. Климту гаджеты не давались принципиально, он умудрялся регулярно ломать не только сами порталы (из-за чего им частенько приходилось с приключениями выбираться из всяких разных миров), но и элементарные переводчики, которые даже настраивать не нужно, — простой чёрный

браслет, который при контакте с кожей автоматически подстраивает мозговые волны на нужную волну.

Юля надела очки, оглядела комнату — ничего, напрямую в офис портал не проводили специально, чтобы спутать следы. Походила по комнатам, повалилась на кровати, посмотрела в окно и не выдержала, стала скрестись в кабинет, где заседал Климт.

Наверное, дело в том, что гармоничную пару они составляют не только внешне, а также в том, что они давно друг к другу притёрлись; Климт сдался, и они приступили к обсуждению дела, после чего пообедали скудным содержимым холодильника. Надев чёрный костюм с узкими брюками и длинным пиджаком, белую рубашку и удобные туфли на высоком каблуке, накинув пальто, Юля стала ждать Климта, одетого похоже. Для «пустынного мира» они всегда выбирали эту форму одежды, людям она напоминала фэбээровцев из детективных сериалов, и они с удовольствием выкладывали всё, что знали.

Вместе закончив Климтов кофе, они поехали в Подмосковье.

Хорошо возвращаться в родной город с деньгами и в хорошую погоду. С последним Юле как-то не повезло — шёл мокрый снег, дул промозглый ветер — зато с первым проблем не возникло. Обычно у неё в карманах валялись смятые рублёвые купюры на случай внезапного приступа ностальгии. Вот и сейчас, выудив из недр пиджака пятитысячную, она смогла обеспечить им комфортабельный проезд на такси вместо ужаса метро и электричек. Тосковать по родной земле в кожаном салоне мерседеса гораздо приятнее и, пожалуй, намного проще, нежели в семичасовой давке, уткнувшись в плечо давно нестираного пальто, принадлежащего кому-то столь же усталому, как и ты.

— Скучаешь по дому? — спросила Юля у Климта.

— Я не считаю место, где я родился, своим домом, — ответил он с улыбкой, которая как-то не вязалась с тем, что он сказал.

В паре сотен метров от того места, где голубыми ошмётками в воздухе болталась порталная активность, находилась съёмочная площадка какого-то второсортного фэнтезийного фильма, а сама ферма оказалась неприбранной, маленькой, фактически деревенским домом с хлевом, где обитали громко блеющие козы. Хозяин, мужчина с жидкой седой бородёнкой, сам чем-то похожий на своих питомцев, встретил гостей, как родных — угостил чаем и сливовым вареньем в липкой пятилитровой банке. Убедившись, что угощение пришлось по вкусу (оно не пришлось), он начал свой рассказ:

— Я уж сижу, не хожу никуда, только козочек своих стерегу, но только выйду, простите меня великодушно, облегчиться, как они хватъ козу, да и след простыл.

Климт раскрыл блокнот размера А4 и принялся записывать показания. Их подход к опросу свидетелей выработался сам собой и действовал, надо заметить безотказно. Пока Климт увлечённо строчил в своём гигантском блокноте, похожем на древний гросбух, Юля смотрела опрашиваемому прямо в глаза на протяжении всего разговора.

— Кто они? — спросил Климт.

Мужчина захлопал глазами и переспросил:

— Они?

Климт уставился в свой блокнот и серьёзно процитировал:

— Вот вы говорите: «... они хватъ козу...» О ком вы?

— Так это... — он растерялся. — Чупакабры.

Юля закатила глаза. Только любителя Секретных материалов им не хватало.

К концу третьего дня Иоланде с помощью десятка младших жрецов удалось разморозить льдину. Тело юного военного отдали родителям для сооружения посмертного кристалла. Мне ещё предстояло впервые увидеть эту прекрасную, леденящую душу традицию прощания с мёртвыми.

Иоланда несколько дней на занятиях не появлялась, её вообще не было видно во Дворце. Пока не было Иоланды, Вадим не показывался из своей комнаты, поэтому я в одиночку изучала геральдику эпохи Периитов и прочую нудную чепуху. Когда Иоланда наконец вышла из своей комнаты, она выглядела нездоровой, утомлённой, казалось, что сильна магия вытягивает из неё красоту. Может, так оно и есть. У всего есть своя цена. Какую приходится платить за местное колдовство, я пока не познала на себе.

Расследование при этом никуда не двигалось, по крайней мере Серджиус ничего нового не сообщал. Он важно вышагивал по дворцовой территории, просвечивал что-то кристаллами, опрашивал людей, но рот держал на замке. Однажды за общим ужином я не выдержала. Когда Кайла ушла, я тут же спросила:

— Виеллиса убили революционеры?

— Да, Серджиус, ответь нам на сей животрепещущий вопрос, — поддержал меня регент Рихард. Отложив приборы и скрестив руки на груди, он выжидающе вперился взглядом в Серджиуса.

Юджин строго посмотрел на дядю, как будто был недоволен, но решил пока не вмешиваться. Иоланда, не любившая конфликты, пыталась спрятаться за кувшином в форме кристалла.

— Нет, революционеры его не убивали, — без доли сомнения ответил Серджиус.

Юджин продолжал есть бледно-зелёный банановый суп. А мне вспомнилось выступление лидера революционеров на площади, её слова о крови, в которой хотят испачкать их руки.

— Откуда такая уверенность? — усомнился Рихард с сарказмом в голосе.

— Дядя, — предостерегающе сказал Юджин, до этого момента сохранявший нейтралитет.

— Тебе известно что-то неизвестное нам? — не унимался Рихард. — Или может быть, у тебя есть связи в сопротивлении?

Серджиус напрягся, то есть напрягся ещё сильнее обычного своего состояния сжатой пружины.

— Я что, как советник принца не могу иметь собственные проекты?

— Конечно можешь, советник. — Рихард над ним смеялся.

Уверена, что если бы я ушла, они бы поругались. Я покинула зал последней, съела столько бананового супа, что смотреть теперь на него не могу.

* * *

К процессу создания наряда для выступления я привлекла Кайлу, чрезвычайно довольную своей ролью. Какой пятнадцатилетней девочке не хочется стать экспертом моды?

Следует отдать ей должное, каждый наряд Кайлы представлял собой маленькое произведение искусства. Больше всего она любила шлейфы и длинные, до пола рукава.

Платье для выступления должно быть сногшибательным, ведь встречаются по одежке в любом мире, и даже если я вдруг ляпну глупость, зато выглядеть буду хорошо.

Вместе мы нашли достаточно плотную, непрозрачную ткань белого цвета, которую я с помощью магии, предварительно потренировавшись на тряпках, украсила узором из ярко-зелёных листьев, у ювелира заказали пояс с пряжкой в форме ворона, похожей на того, что изображён на кулоне.

— Почему я не нравлюсь Серджиусу? — спросила я у Кайлы, когда мы красили платье. Ей идея с узорчатой одеждой пришлась по вкусу, она торопилась скорее закончить с моим и побежать разрисовывать свои наряды. Вот ведь как жизнь повернулась, у меня появился шанс стать законодательницей моды.

— Ему никто кроме Юджина не нравится, работа такая.

— Что за работа?

— Как бы объяснить... — руки Кайлы рассеянно перебирали ткань. — Вроде тени.

Мне почему-то стало жутко от этого заявления. Что за должность такая? И зачем Юджину тень? Я бы ещё долго думала на эту тему, если бы Кайла не огорошила меня вопросом:

— Ты действительно любишь Юджина?

— Да-а, да-а.

Было неловко оттого, что я обманываю эту искреннюю, светлую девочку.

— Это хорошо, а то я правда думала, что он со своими странностями не сблизится ни с кем.

— Странностями?

Моя рука соскользнула, и лист получился кривым. Знаем мы эти странности — читали, смотрели.

— Папа с мамой с детства внушали Юджину, — пояснила Кайла, — что он принадлежит своим людям и не принадлежит себе, все подданные полностью находятся в его власти, он не имеет права просить у них больше, чем ему необходимо. Бла-бла-бла, всё в этом роде. Ну и он вбил себе в голову, что никто не может ему отказать, поэтому просить непорядочно. Я Юджину всегда говорила, что он дурак, если так думает.

Фу-ух. Можно выдохнуть.

— Не думаю, что это глупо, скорее благородно.

— Да кому нужно благородство?

Юная принцесса топнула ножкой. Её, выросшей в окружении до зубовного скрежета благородных мужчин, хотелось побывать в обществе нахалов, грубиянов, обаятельных подлецов. Это нормально для пятнадцатилетней девушки, а вот мне уже больше нравилось проводить время в компании вежливых и честных рыцарей.

— Но Южин сильно изменился с твоим появлением, — сказала Кайла с горящим взглядом. — Наконец-то думает не только о работе. Вот Серджиус и бесится. Его-то главная задача делать Юджина хорошим правителем, более серьёзным, а любовь, — тут она подетски захихикала, — сводит все его старания на нет.

Ох, как я надеялась, что она воображает то, чего нет на самом деле. Я же именно на это надеялась, да?

Когда я вышла на специально оборудованную площадку на Дворцовой Стене и осмотрела толпу, перед которой предстояло выступить, ноги немного подкосились. Не из-за страха сцены, просто слова, что я должна была произносить, были неправдой (нет даже не так, это была наглейшая ложь), ведь я не собиралась становиться их королевой.

Было бы здорово, конечно, сымпровизировать, сказать речь от сердца, но в сердце у меня было подозрительно пусто, а с головой ещё хуже.

Разношёрстная толпа смотрела во все глаза, позабыв о своих повседневных проблемах. Они встречали свою новую королеву, ту, что будет оберегать их и направлять, ту, с кем они будут разделять радости и горести, будут слушать её, затаив дыхание, следить за каждым выходом в свет и любым намёком на будущего наследника. Они встречали свою новую родственницу, богиню, воплощённую в человеческом теле, но увидели лишь меня. Боже, какая ответственность! За моей спиной стояли Юджин и Кайла, Рихард, Конрад и Серджиус. Иоланда, парочка министров. Им всем потом жить с моей ложью.

И всё же я заговорила: представилась, сказала, что не так давно живу в Эйа, но уже очарована красотами их природы, благородством традиций, отзывчивостью и добротой жителей.

— Я не буду ничего обещать. Вы не услышите от меня клятв. Не скажу также, будто знаю, что делаю. Будем честны друг с другом, многие ли на самом деле знают, что они делают? Думается мне, не слишком. Это безусловно не относится к вашему принцу, моему жениху. Он знает всё обо всём. И это ещё не самое лучшее его качество. — Тут я стратегически повернулась к Юджину, улыбаясь, он кивнул в ответ. — Иногда мне кажется неважным, какой будет будущая королева, потому что с таким королем, страна будет счастлива. Времени проведенного мною в Эйа недостаточно, чтобы полностью и окончательно стать одной из вас, но Юджин любит каждого из своих подданных, а я... люблю его, и поэтому для меня нет ничего важнее благополучия каждого, кто сейчас слушает меня. Ваше благо — моё благо, а за своё, поверьте на слово, я готова бороться до последнего. Я не жду вашей любви, не смею просить покорности, я лишь хочу, чтобы вы дали мне шанс. Пусть дом ваш будет полон Жизни.

Оглядев толпу, я обернулась назад. Конрад с Кайлой прослезились. Министры мужественно хмурили брови, чтобы не расчувствоваться.

В тот момент всё сказанное мной было правдой. Я любила этих незнакомых людей и желала им самого лучшего.

Юджин подошёл ко мне, взял за руку и наклонился, не прикрывая глаз. Его губы коснулись моих всего на пару секунд, большее было бы неприличным, мы всё же пока не женаты и не должны прилюдно проявлять чувства. Вдруг всё исчезло, затуманилось, смазалось. Юджин отпустил меня, ободряюще пожав перед этим мою ладонь.

Я справилась. Я молодец.

Конечно, это всё было для толпы, которая на нас смотрела, но взгляд, которым Юджин обжёг меня перед поцелуем, был настоящим, сыграть такое нельзя. Ну и попала же я.

В тронном зале освободили место для большого количества людей, вдоль стен стояли стойки с напитками и закусками, кристаллы источали свежий воздух, мягкий свет и музыку. По стенам медленно ползали лианы с белыми цветками. Конрад с Кайлой танцевали под пронзительные, будто завывания ветра, песни северных народов. Кайла с раннего детства занималась танцами и, как сообщила мне по секрету, одно время собиралась сбежать из Дворца и посвятить себя любимому занятию в одной из её обожаемых клубов-оранжерей. Не знаю, кто выбил из девочки эту дурь, но подозрения имеются. Регент Рихард разговаривал с министрами, а я с оставшейся компанией, то есть с Юджином, Серджиусом и Иоландой (Вадим не появлялся в поле моего зрения уже пару дней, стыдно признаться, но я забыла о его существовании) подошла к стойке с напитками, где высились разноцветный кристаллы-кувшины, тонкие стеклянные стаканы, на тарелках лежали горькие леденцы, орехи Мамбо с соусами.

Юджин выглядел таким довольным, что аж неловко было. Вроде бы я к этому причастна, но как бы и ничему особенно радоваться. Ему так точно.

— Ты действительно поверил, что я предварительно не прочитал речь Марты? — спросил Юджин у разъярённого Серджиуса.

— Представь себе, да...

Значит, он читал мои записи! Уже готовясь сказать ему, что его королевское высочество редкостный негодяй, я остыла, мой праведный гнев быстро испарился, тем более что вместо меня усердствовал Серджиус, который многословно рассказывал о том, почему это подло, низко и гадко, но я его не слушала, только пила вишнёвку, горькую как настойку из редьки. Напиток невкусный, зато от него так хорошо (причём тут вишни, я не знаю)... Юджин увёл подальше от меня этого внезапного скандалиста, оставив нас с Иоландой наедине. На адреналине после успеха, с головой затуманенной поцелуем и омерзительной на вкус вишнёвкой, я не заметила, как со мной заговорили.

— Что, прости? — переспросила я.

— Я просила прощения за то, — спокойно повторила Иоланда, — что починка портала затягивается. Из-за непредвиденных обстоятельств у меня не было достаточно времени...

— Да о чём речь.

Я махнула рукой. Нужен мне теперь этот портал. Наблюдая за лианой, ползущей по стене, я ощущала некоторую неловкость. У нас с Иоландой пока не складывались отношения. Я её не понимала, и она, вероятно, не понимала меня.

Иоланда затихла, её взгляд прочертил неуверенную кривую по всей зале, и она сказала не своим, бесстрастным холодным тоном, а жалобным, срывающимся голосом:

— Спасёшь его дважды, а на третий не сможешь.

У меня по спине пробежало целой полчище мурашек. Я отставила стакан на столик, чтобы ненароком не уронить. Ну, не стала бы она меня пугать просто потому, что мы стояли в неловком молчании.

— Что ты сказала?

Она повторила свои слова про портал как ни в чём не бывало.

— Нет, после этого!

Иоланда удивлённо моргнула.

— Ничего, больше ничего я не говорила.

— Это было похоже на предсказание, — я возбуждённо взмахнула руками, — ты сказала что-то про чье-то спасение.

— Ах, это... — она меланхолично вздохнула. — Не обращай внимания. Я очень слабый предсказатель, меня за это и не стали удерживать в Храме, а отдали служить во Дворец.

Кажется, это большее количество личной информации из того, что она сообщила о себе за всё время. Меня это в некоторой степени восхищало, поскольку я-то не умею держать при себе никакую информацию, всё умудряюсь растрепать. Словом, шпиона из меня не вышло бы.

Хотя Иоланда и не склонна к лукавству, слабо верилось, что она не может предсказывать будущее. Её магическая сила была невероятно велика, Иоланда могла убить человека с помощью одной чистой силы, без заклинаний и подручных средств — просто раздавить, загасить тлеющий огонёк жизни. И вдруг она чего-то не может? Невероятно. И что она имела в виду? Это было предсказание? Кого я не спасу? Юджина? Отчего?

— Не обращай внимания, — ещё раз сказала Иоланда, — я же говорю, мои предсказания сбываются очень редко.

Есть же те люди, с которым случаются все те вещи, которые происходят «редко», «в исключительных случаях», «если очень не повезёт». Так вот я тот самый человек, и не обращать внимания не выходит!

И я вышла из Дворца, чтобы охладиться. На улице стояла жара, что впервые заставило меня мечтать о снеге, который, должно быть, уже выпал в Москве.

* * *

Вроде бы прошло только несколько дней, а первая девчонка, которую я увидела в Городе, была одета в платье с крупным цветочным узором. Её ярко-синие глаза были того же цвета, что и цветы, похожие на пышные астры, на её платье. Она узнала меня и в знак приветствия дважды хлопнула правой ладонью по левой. Так здоровались с людьми издалека. Я смиренно, как полагается будущей королеве, чуть склонила голову, отчего девушка заулыбалась от уха до уха, с гордостью расправляя юбку.

Девочка с астрами оказалась первой, но не последней. Столица сходила с ума. И с ума она сходила по мне. Приятно, чёрт возьми. Женщины всех возрастов соревновались в оригинальности, чего только не было изображено на их нарядах — птицы, цветы, животные, кто-то развлекался абстракцией и, честное слово, их творческие экзерсисы могли посоревноваться по оригинальности с тем, что обычно бывает выставлено в музее современного искусства.

Теперь люди меня узнавали, но подходить близко стеснялись. Это мне понравилось. Правильно, уважение к ближним — это очень хорошо, не то что наши беспардонные папарацци, преследующие знаменитостей, когда те выходят из автомобилей, демонстрируя то, что обычно не демонстрируют, когда жуют обед или совершают утреннюю пробежку. Это всё я, конечно, знаю не по личному опыту. Моя жизнь раньше принадлежала только мне.

Видимо, это был день открытий, потому что у входа на рыночную площадь слонялся самый настоящий гном со здоровенной секирой. Гном был рыжим, бородатым, носатым и пузатым, в сапогах, отороченных мехом, и козлиной шкуре, повязанной как кушак, то есть именно таким, каким я представляла себе этих мрачных обитателей подземелий. Один из подчинённых Конрада в ярко-зелёном кителе терпеливо втолковывал гному, что с оружием

такого размера нельзя появляться на общегородских территориях. «Льдину тебе в задницу», — сказал от души гном и плюнул рядом с сапогами бравого защитника столичного спокойствия.

Пока я глазела на гнома, ко мне подбежал чумазый мальчишка, сорвал медальон с моей шеи и дал дёру. Ясное дело, пришлось пуститься в погоню. Во Дворце за утрату семейной реликвии, возможно и не накажут, но совесть моя в тот момент визжала истерическим голосом. Всё-таки память Юджина о погибшей матушке.

Скажу я вам, бегать в этих их римских тогах сомнительное удовольствие, подол платья путался между коленками, часть накидки колыхалась за спиной, будто парус. Неудивительно, что девушки, чьи профессии связаны с физической активностью, предпочитают иные наряды. Тем не менее мальчонку я догнала — спасибо зверским зачётам по физкультуре в универе — и схватила за шиворот. От неожиданности он упал, жалобно пискнув, а я навернулась следом, основательно ободрав коленки.

В общем медальон я отвоевала, но это был далеко не конец приключениям. Как только мальчишка убежал, утирая сопли грязным кулачком, мне на голову надели мешок и потащили в неизвестном направлении. Я была слишком довольна победой, чтобы заметить, что ко мне кто-то подбирается сзади.

Вонючий мешок пах картошкой, от пыли и духоты я пару раз чихнула, но стоит заметить, несли меня достаточно аккуратно, что вселяло надежду. Раз соблюдают аккуратность — не хотят повредить. Не хотят повредить — может быть, не собираются убивать или, что ещё хуже, пытаться. Создавалось впечатление, что похитители, а их явно было несколько, — люди чрезвычайно неуклюжие, но старательные. Меня то и дело подбрасывало на неровных участках дороги, после чего все злодеи разом удручённо вздыхали. Потом тряска закончилась, после неё было топанье, мои похитители шли по каменному полу и делали это очень громко. С лязгом открылась дверь (ну, я так предполагаю), с тем же мерзким звуком она закрылась, и с меня наконец сняли картофельный мешок.

Передо мной стоял гном, тот самый, скандаливший на площади, а также гномы поменьше — не такие рыжие, бородатые и пузатые. Все они смотрели на меня с опаской и чем-то, что мне показалось благоговейным трепетом. Здорово? Могло быть и хуже.

Самым странным было то, что меня усадили на кровать. Жесткую, без постельного белья, но по гномьим меркам прямо-таки королевскую, они-то сами спали где придётся.

— Хотите есть? — спросил у меня главный гном.

Гномьи голоса мне доводилось слышать только в записи знаменитых горных баллад, в реальность они оказались резче, с призвуком скрипящего металла, неприятным для человеческого слуха.

Я взвесила все за и против, ответила, стараясь всячески сохранить достоинство. Ну не отравят же они меня в самом деле.

— Допустим, хочу.

— Чего изволите? — с готовностью спросил младший гном с жиденькой серо-жёлтой бородёнкой и полным ртом искусственных кристаллических зубов сине-зелёного цвета.

— Изволю мяса. Козьего, — добавила я, чтобы уж наверняка наестся, а то принесут ещё какую-нибудь неведому зверушку.

Когда они вернулись с ржавыми подносами, главный гном озабоченно сказал:

— Вы только скажите принцу Юджину, что мы с вами хорошо обращались, и колени это вы сами разбили, без нашей, так сказать, помощи.

— Если вам так важно расположение принца, зачем вы похитили его невесту? — спросила я, параллельно окидывая взглядом содержимое подносов. Что-что, а готовить эти ребята умеют. Запах жареного с травами мяса проник мне в самую душу, и плевать я уже хотела, что нахожусь в незавидном статусе пленницы. Гном всё же ответил, несмотря на то, что моим вниманием окончательно и бесповоротно овладела еда:

— Нам жизненно необходимо понижение налогов на добычу кристаллитов.

Отобедав, я стала думать. Понижение налогов не слишком принципиальный вопрос, тут даже не будешь драматично заламывать руки, умоляя Юджина не жертвовать ради меня... казёнными деньгами? Ну нет, так дело не пойдёт. Пусть уж раскошеливается. На площади перед всем честным народом целовал? Целовал. Вот и спасай теперь свою принцессу из заточения.

Умирая от безделья, я постаралась открыть медальон. С первого раза он не поддался, но сломав нготь, я в итоге преуспела. Сначала из медальона ударил луч света, потом появилась

изображение, как из кристалла. На меня смотрел большеглазый мальчик лет десяти. Его темно-каштановые волосы знакомо вились на висках. Красивый, весёлый ребёнок. На этой небольшой кристаллической проекции Юджин улыбался той самой детской улыбкой, которая бывает у человека до тех пор, пока с ним не случится первой горе. И сколько всего с ним случилось потом, страшно подумать, а теперь ещё вот я, невеста-самозванка.

Слёзы выступили у меня на глазах. Захотелось никогда не возвращаться домой и в то же время вернуться прямо сейчас, не попрощавшись ни с кем, сбежать, не предупредив никого во Дворце. Домой хочу — в Москву, в ноябрь, к мокрому снегу и круглосуточной темноте.

Тем временем снова появилась делегация гномов, снова с подносами, поеденными ржавчиной. Перерывы между приёмами пищи у них маленькие, прямо как я люблю. Никогда ещё душевные переживания не мешали мне насладиться вкусной едой, поэтому и сейчас я отужинала с аппетитом.

* * *

Гномы, не имевшие доступа к магии напрямую, видимо, плохо разбирались в её возможностях, их план похищения был, мягко говоря, непродуман. За тот короткий срок, что мне читали курс лекций по всему, что существует в этом мире, психологии гномов было отведено совсем мало времени, а если быть точной, то этому меня не учили совсем. Может, у них у всех проблемы с логикой? Или решение украсть меня было спонтанным? Допустим, увидели меня такую раскрасавицу на площади и не смогли удержаться.

Поев во второй раз, мы с моим мозгом, решили, что достаточно, и вспомнили о магии, первое правило которой гласило: чем больше предмет, тем легче на него воздействовать. Стена в моей тюремной камере была немаленькой и, судя по ровной кирпичной кладке, построенная не гномами, а людьми, соответственно, за ней не гора и не пещера, и я смогу добраться до Города. Несли они меня не долго, через час буду дома (не у себя дома, конечно, а во Дворце).

Был некоторый соблазн дожидаться, пока Юджин героически сверкая мечом ворвётся в мою темницу и спасёт от заточения, а я упаду ему в объятия, красиво лишившись чувств, но я его пересилила.

Второе правило магии гласило, что только результаты человеческого труда поддаются магическому воздействию, то есть травинку или былинку не заколдуешь, а вот кирпичную стену вполне. Вспомнив простенькое заклинание, которое я про себя называла «магнит» и использовала когда было лень подниматься, чтобы взять какую-то вещь, я сжала руку в кулак и потянула на себя, как будто в руке была верёвка. Я мыслила в правильном направлении, но кое-что не предусмотрела. Нужно было использовать обратный «магнит», чтобы стена вывалилась наружу, вместо этого меня сперва обдало облаком пыли, а после на ногу упал кусок из десяти кирпичей. Больно. Очень.

Ладно, это всё мелочи, главное — я сумела сама освободиться. Не нужно мне никаких принцев на белых конях, я сама не хуже.

Гномы от грохота всполошились, но я была уже далеко, ноги-то у гномов короткие и бегают они медленно. Однако если вы думаете, что с меня хватит на сегодня, то вы сильно заблуждаетесь.

Перед выходом в людное место, оценив ущерб, нанесенный моему платью, я

постаралась привести себя в божеский вид, а то ещё скажут, что невеста принца таскается неведомо где, одетая в грязную рванину. Подол пришлось оторвать, магическими «ножницами» — подправить край, кое-как оттереть лицо от пыли. Посмотреть на себя возможности не было, оставалось надеяться на лучшее.

Опасливо озираясь по сторонам в ожидании того, что меня схватит люди в форме и отругают за уход в самоволку, я дошла до стеклянного здания ратуши, переливавшегося в свете заходящего солнца, как огромный солнечный заяц. Неподалёку, у входа в небогатый трёхэтажный дом из камня, замазанный сиреневой краской, Серджиус разговаривал с девушкой, внешний вид которой не позволял мне определить род её занятий — маленького роста, чуть пухловата, слишком дорого одета, чтобы принадлежать к низшим слоям, но чересчур бледная, чтобы быть из знати Эяа. Иностранка, наверное. Сам Серджиус был без крыльев и своего обычного обмундирования — мечей, арбалета, с которыми он напоминал небольшой, серебристый танк. Без этой амуниции он выглядел не таким огромным, а вполне обычного, человеческого размера. Его беспокойный взгляд всегда сновал по часовой стрелке, туда-сюда, проверяя, нет ли вокруг опасности. Вот и сейчас скрыться мне не удалось. Он отослал куда-то девушку и направился ко мне стремительным шагом.

— Где крылья забыл? — спросила я, чтобы успеть до того, как на меня польётся обвинения во всех смертных грехах, ну или их местных, не библейских аналогах.

— У меня выходной, — мрачно ответил Серджиус. Его не очень-то радовало, что в свободный от работы день придётся нянчиться со мной.

— А я думала, ты даже моешься в них, только чтобы поспать снимаешь.

На это Серджиус ничего не ответил.

— Что ты здесь делаешь одна?

— Ты не знаешь?

— Не знаю чего? — От разговора со мной он явно испытывал какие-то ужасные душевные мучения.

— Меня похитили. Разве всю стражу не поставили на ноги?

— Похитили? — спросил он скептически, нахмурившись. — И кто же осмелился?

Кажется, он считал мою компанию сомнительным удовольствием, а потому плохо представлял кому и зачем могло прийти в голову меня похитить. Обидно.

— Гномы. Они хотели, чтобы Юджин снизил налог на добычу кристаллитов.

Он тяжело вздохнул.

— Вот же им неймётся. Ладно вручу тебя в целости и сохранности в руки жениху.

Слово «жених» Серджиус произнёс с таким пренебрежительным сарказмом, как будто я у него мужа отбила и теперь тащу под венец.

— Чтобы тебе достались все лавры за моё спасение.

— Очень надо.

Мы молча шли по раскалённым улицам Города.

Рядом с магазином магических товаров вертелась магическая проекция Конрада, который с залихватским видом раскручивал меч, а после клал его на плечо и подмигивал, будто бы каждой девушке конкретно. Ни разу не видела меч у него в руках, даже в тренировочном зале, но выглядело это очень круто.

— Всё же удивительно, насколько Конрад популярен у горожан, — сказала я.

Серджиус посмотрел на проекцию и ехидно усмехнулся.

— Это не Конрад, это я.

— Но тут же написано, — я показала пальцем в угол проекции, — и форма Конрада. Да что я не различаю вас, что ли.

— Он в тот день заболел, — Серджиус пожал плечами, — пришлось подменить.

Сомнения обуяли меня при внимательном рассмотрении хмурой физиономии Серджиуса, как вдруг он преобразился — улыбнулся во весь рот, расслабил плечи, взмахнул руками. И действительно, совсем другой человек.

— В детстве вы наверное частенько этим пользовались, чтобы избежать взбучки от учителей.

— Мы с Конрадом не учились вместе... — ответил он, возвращаясь к своему обычному виду. — Мы не виделись на протяжении семи лет — с восьми до пятнадцати.

Это меня потрясло. Как же так? Что такое должно было случиться, чтобы близнецов в детстве разделили?

— Но почему?

— Такова была воля короля, — сухо сказал Серджиус.

По его лицу я не смогла понять, что он испытывал по отношению к произошедшему, зато я была в ужасе. Смогла бы я подчиниться королю с такой волей? Получается, что даже в этом прекрасном, сверкающем, тёплом мире, полном магии, идут войны, проворачиваются политические интриги, цветёт неравенство, а короли жестоки и порой совсем не справедливы. Вся свою не слишком длинную жизнь я старалась не забивать себе голову подобными вещами, а тут... почему-то не получалось остаться равнодушной. Пожалуй, всё же хорошо, что мне не быть королевой.

Когда мы подошли к Дворцовой Стене, уже стемнело.

Как вдруг закатный фиолетовый туман прорезала вспышка выстрела. Судя по звуку, стреляли из обычного оружия — обреза или ружья.

Первым порывом Серджиуса была попытка взлететь, понятно, неудачная, после он потянулся к мечу, обычно висевшему на поясе, но и тут его ждало разочарование. Ни меча, ни арбалета. Сей факт меня озадачил. Проблема в том, что меня не учили боевым заклинаниям. Ну, в самом деле, зачем. И сейчас сперва я не испугалась, поскольку рядом с Серджиусом мне ничего не угрожало, конечно, при условии, что он во всём своём танковом великолепии. Однажды я слонялась по Дворцу и набрела на тренировочный зал, где Юджин с Серджиусом молотили друг друга что есть мочи. И если Юджину сила позволяла справляться с неприятелями без помощи подручных средств одной лишь магией, то Серджиус такими впечатляющими способностями не обладал, даже в обычный рабочий день он ходил обвешанным оружием: помимо тяжелых, сложных в управлении крыльев, обязательной части военной формы, на нём висело два меча, здоровенный арбалет, из которого можно медведя завалить и, вероятно, что-то ещё спрятанное от постороннего взгляда. Но самое удивительное не это, с помощью особо редкого чёрного кристаллита инкрустированного в широкий золотой браслет, зараженного Верховным Жрецом Ордена, у Серджиуса появлялось три дополнительных руки. Увидев это впервые, мы с моим мозгом временно отключились, оставшись с одной лишь мыслью — почему рук нечётное количество. Наличие лишних рук вообще в тот момент меня почему-то не волновало.

Без оружия Серджиус не был совсем уж беззащитен, он владел всеми доступными видами боевой магии, но я бы всё равно предпочла его усовершенствованную версию.

Серджиус «включил» свои дополнительные руки и пошёл на стрелявших врукопашную, предварительно остановив пули заклинанием заморозки. Противников было слишком много,

в темноте я не могла разглядеть точное число, но точно больше десяти. Хотелось как-то помочь.

Не стремясь к оригинальности, я снова воспользовалась «магнитом» — где-то я такое видела, может в фильме о супергероях? — и вырвала оружие из рук его обладателей. Оно вразнобой полетело ко мне — уже спасибо, но видимо это заклинание отменило заморозку и дробь полетела в Серджиуса. Он увернулся, сделав сальто назад, от неожиданности теряя из виду нескольких нападающих, тех что подходили к нему сзади. Оставшись без обрезов, они не смутились и достали ножи, похожие на наши «бабочки», но с большим количеством лезвий.

Одно из лезвий почти вошло Серджиусу под коленку. Дальше всё было как в замедленном действии. В панике я схватила первую попавшуюся пушку из тех, что валялись у меня под ногами, в два прыжка преодолела расстояние между нами и выстрелила. Руку трянуло, повело, заряд дроби впился нашему неприятелю в плечо. Я вообще-то целилась в голову, но ничего, так тоже сойдёт. Не тратя времени на то, чтобы перезарядить патроны, взяла другой обрез и выстрелила ещё раз. На этот раз в воздух.

Наши недруги обратились в бегство. Рассерженный Серджиус кинул в них каким-то заклинанием.

— Юджин будет вне себя, когда узнает, что его невеста использовала огнестрельное оружие, — сказал он, отряхиваясь.

— А мы ему не скажем.

Промолчав, Серджиус поджал губы. Его лицо, проглядывающееся сквозь фиолетовый туман, выглядело недовольным. Я спасла ему жизнь, так что теперь придется считаться с моим мнением.

В мрачном молчании мы наконец-то преодолели Дворцовую Стену. Серджиус шёл еле-еле, хромя и сильно крелясь в левую сторону, сказывалось ранение в ногу. Но жаловаться было не в его правилах. Меня тоже качало от усталости и пережитого шока. Только теперь до меня дошло, что вообще-то сегодня я могла умереть несколько раз. Это намного превышает ежедневную норму, которая обычно равняется нулю.

Снова захотелось домой, там меня не пытаются убить, и там есть люди, которым действительно не всё равно, жива я или нет, а Серджиусу абсолютно всё равно, он старается защитить, потому что это вошло у него в привычку, защищать — его главный инстинкт. Уж не знаю, родился он таким или был сделан королём, или может быть тут замешана магия, не такая светлая, которую я привыкла наблюдать в Эйа. Он герой поневоле, обременённый своей тяжкой ношей с самого детства. И все они — Юджин, Рихард, Иоланда, даже радостно-восторженный Конрад — неуловимо, одинаково искалечены жизнью, лишены чего-то даже сперва незаметного, но очень естественного. Что станет со мной, если я останусь? И с чего я вообще решила, что останусь? Разве меня кто-то просил, разве обрадуется этому кто-то, кроме девушек в узорных платьях, которым нужна фигура для подражания, а не королева. С чего вообще у меня возникла мысль, что я стану хорошей правительницей?

Наверное, мне не шло на пользу продолжительное общение с Серджиусом, иначе я никак не могу объяснить этот приступ пессимизма.

Фиолетовый туман постепенно рассеивался, мне стало лучше видно побледневшее лицо Серджиуса, искажённое гримасой боли.

— И что это было? — спросила я у него, до этого момента надеясь, что он сам как-то прокомментирует ситуацию.

Серджиус прочистил горло, но всё равно ответил хрипло:

— Покушение.

Спасибо, без него никогда бы не догадалась. А всё-таки... На нас ведь напали не гномы, а обычные люди, да ещё и с оружием, которое в Эйа запрещено.

— То есть хотели убить меня?

Он поморщился.

— Нет, скорее меня.

— Или Конрада. — Заметив его удивлённый взгляд, я попыталась объяснить. — Ну, ты без формы.

— При всём моём скептицизме даже я не могу представить, кто мог желать смерти моему брату.

Эти слова сказали мне больше, чем любые другие. Несмотря на своё отвратительный характер, Серджиус очень любил брата.

— У Конрада совсем нет врагов?

В это верилось с трудом. Иногда у хороших людей больше неприятелей, чем у плохих, ведь люди, живущие по чести, не идут на сделки с совестью, а это очень многим не нравится.

— Его злеющий враг — школьный друг, с которым они боролись за право защитить девчонку, вечно попадавшую в неприятные истории.

Всё же как-то тяжело он говорил о Конраде, что-то такое произошло между ними, что сковывало обоих и мешало их нормальным братским отношениям. Мне резко захотелось сменить тему.

— У вас случайно нет такого обычая, что за спасённую жизнь поступаешь в услужение к спасителю?

Серджиус посмотрел на меня уничижительно, всем своим видом показывая, что он предпочёл бы смерть, если бы не пришлось выслушивать этот идиотский вопрос. А я что, просто попыталась разрядить обстановку.

* * *

Следующим утром на выходе из спальни меня сбила с ног Кайла, растрёпанная, босая, что, напомним, считается в Эйа верхом неприличия, в ночной рубашке, парусом развевающейся за её спиной.

— Я слышала про гномов! — возбуждённо сказала она. — Это так ужасно! Так ужасно! Они тебя не мучили?

Кайла заправила за уши густые каштановые кудри, ореолом окружавшие её загорелое, красивое лицо. За такой короткий срок я умудрилась полюбить эту умную, весёлую девочку, сама себе удивляюсь.

— Нет, они были... — сказала я, пытаюсь подобрать слова. — Достаточно милые.

— Пошли, пошли, там Юджин уже бушует вовсю.

В тронном зале, где королевская семья собиралась только по исключительным случаям, было шумно. В углу, на большом диване из упругой светлой материи вроде искусственной кожи, регент Рихард читал, не обращая внимания на суету вокруг. Суету создавал в основном Конрад, который таким образом проявлял заботу, нервируя взвинченного Юджина ещё сильнее. Серджиус на повышенных тонах разговаривал по кристаллу-фонографу с кем-то из подчинённых. Ворон Гидеон летал туда-сюда, каркая, изредка присаживаясь к кому-нибудь из присутствующих на плечи.

— Кайла, оденься! Что за вид?

Я впервые слышала, чтобы Юджин делал сестре замечания.

— Твою невесту похитили, а ты думаешь только о приличиях. Бессердечное животное, вот ты кто! — театрально воскликнула Кайла и пошлёпала босыми ногами переодеваться.

— Кто-нибудь ещё желает поистерить? — Юджин строго оглядел собравшихся. — Просьбы? Претензии? Предложения?

Рихард оторвался от чтения:

— Все собравшиеся уже насладились вашим с Кайлой дуэтом, но может быть, обсудим более насущные проблемы.

Вот интересно, склонность к драматизму передаётся на генетическом уровне или это следствие жизни во Дворце? Любого из моих новых знакомых королевской крови можно было представить декламирующим Гамлета с его сакраментальным вопросом. Кайла ответит утвердительно — быть, обязательно быть; Юджин сначала проанализирует, что будет лучше для его народа, и только потом решит; Рихард тяжело вздохнёт и скажет, что лучше не быть, чем терпеть весь этот бардак, который оставил ему брат с женой. А я... как все мои соотечественники, я привыкла жить назло неприятелям, так что не дождётесь.

Когда Юджин узнал, в чём дело, он жутко разозлился и приказал вызвать к себе гномьего принца Штрерра. В ожидании он нервно бродил от одного угла кабинета к другому, сопровождаемый Иоландой и Серджиусом. Рихард ушёл, когда понял, что ничего серьёзного не произошло — так, какая-то нелепая стычка с гномами, которые вечно выдвигают свои нелепые требования. Я в этих бдениях тоже не участвовала — хватит с меня гномов. Мне было приятно, что Юджин так остро среагировал, значит, ему не всё равно. Несмотря на нежелание когда-либо видеть гномов, когда делегация во главе с принцем прибыла во Дворец, мне всё же пришлось присутствовать.

На голове Юджина горела корона, на плечи была наброшена мантия из чёрных перьев с застёжкой-вороном. «Вороний принц» так его называли в народе. Он сидел в своём кресле-троне и не поднялся, когда делегация вошла в тронный зал. По придворному этикету это означало, что королевская особа не довольна действиями гостей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кроме дивана, на котором разместились мы с Серджиусом и дворцовый секретарь, записывающий на кристалл все официальные мероприятия, всю мебель, которую можно было использовать для сидения, намеренно вынесли, чтобы гномам было неудобно. Тоже придворная уловка, хотя в общем-то не только придворная, не даром же учителя заставляют учеников отвечать стоя.

Принц (его высокое происхождение я поняла по каменной короне с резкими зазубринами, прочно сидящей на его крупной голове) не оправдал моих ожиданий. Он был меньше всех гномов, с которыми мне пришлось пообщаться, крепкого, жилистого телосложения с очень белыми зубами и ярко-рыжими, почти оранжевыми глазами. Лицо его больше остальных походило на человеческое, по нашим меркам оно казалось почти правильным, без свойственным гномам преувеличенных черт и резких углов. Улыбался принц обаятельно, почти как Конрад, вот уж чего я не ожидала от гномов, так это учтивости.

Юджин, напротив, был мрачен и не скрывал этого от гостей. Услышав велеречивые приветствия, он попросил перейти ближе к делу. Наверное, его тошнило от всех этих церемониальных условностей.

— Мои подданные были несказанно рады познакомиться с будущей королевой Великого и Полного Жизни государства Эя, — сказал принц, ничуть не смутившись. — У вас отменный вкус, ваше высочество. Леди Марта красива, как принцесса, храбра, как воин, и прожорлива, как гном.

Сидящий рядом со мной Серджиус желчно усмехнулся. Юджин его веселья не разделял. Я тоже! Сначала украли, а теперь ещё и прилюдно оскорбляют.

— Не морочьте мне голову, принц Штрерр, ваши люди похитили члена королевской семьи. Для начала я требую объяснений... а дальше посмотрим.

— При всём уважении, леди Марта пока не является членом королевской семьи, хотя мы со своей стороны надеемся, что это недоразумение будет исправлено в самое ближайшее время, — сказал Штрерр с поклоном в мою сторону.

— Своим несговорчивым поведением вы вынуждаете меня применить силовое воздействие, — Юджин продолжал гнуть свою линию, — которое, поверьте, ни мне, ни особенно вам не нужно.

Я-то понимала, что его высокомерие и ленивое презрение — впопыхах нацепленная маска, он бы с большим удовольствием кинул в кого-нибудь столом или проорался бы вдоволь. Но гномы этого не знали.

— Конечно, ваше высочество, готов пойти на любые ваши условия. Виновные будут наказаны, вопрос о налогах подниматься больше не будет. Можем передать ответственных за похищение в ваше распоряжение.

Юджин поморщился.

— Давайте без пошлости, мы не звери и ваши преступники нам ни к чему.

Далее беседа продолжалась в том же духе: Юджин выражал недовольство, гномы заискивали и оправдывались, что не прибавило моего к ним уважения, которое после похищения и так упало ниже некуда. Что за дикость, в самом деле, — красть человек среди бела дня? А если уж решились, то ведите себя соответствующе, доказывайте свою правоту.

От скуки я на какое-то время отключилась (очень пыталась не заснуть, поэтому прокручивала в голове модную северную песенку), а когда пришла в себя, гномья делегация собиралась отправляться восвояси.

— Вот ведь... — Юджин сдержал порыв грязно выругаться, когда в зале остались только свои, принадлежащие к ближней стае. — Что за народ бессовестный? Будь моя воля, я бы заключил договор с Воздушными Людьями и погнал бы гномов в их горы.

— Мой принц, — сказала незаметно вошедшая (я даже вздрогнула) Иоланда, — сделать это как раз таки в вашей воле.

— Спасибо за твой вклад, Ио, — саркастично ответил Юджин. — Он был крайне полезен.

— Кстати, — Серджиус неловко прокашлялся. — В тот злополучный день случилось ещё кое-что.

Мы вроде бы условились ничего не говорить об этом! Предатель.

— Если мне нужно отчитывать ещё кого-нибудь, я отказываюсь слушать.

— Отчитывать пока некого. По пути ко Дворцу на нас с Мартой напали.

— Что-о?! — Он так и сказал, растягивая «о». — Ио, останови гномов! Я их уничтожу. — Но тут же смущённо добавил. — Уничтожу морально и политически, конечно же, не физически.

Юджин терпеть не мог насилия. Эта черта характера плохо сочеталась с его титулом и набором умений, в которые входит владение всеми видами оружия.

— Гномы тут не причём, — сказал Серджиус. — Мы не видели нападавших, было темно, но они были обычного роста, как мы с вами.

— Что было дальше? — нетерпеливо спросил Юджин.

— Ну а что дальше... — Серджиус, будто бы заранее не придумал, что будет говорить. — Дальше я спас Марту, буквально защитил её своим телом. Вот даже ногу поранил.

Ещё пару дней назад я бы разозлилась, но сейчас стала понимать, что Серджиус не пытается возвыситься за мой счёт, у него такой дикое чувство юмора, а ногу ему, кстати, вылечили в тот же вечер. Чудеса магической медицины.

— Марта? — сказал Юджин.

— А? А, ну да. Серджиус вёл себя как настоящий герой, — я ударила его кулаком в плечо, — и спас беспомощную меня из рук этих сволочей.

— Вот это вот. — Юджин прочертил в воздухе линию между мной и Серджиусом и обратно. — Мне не нравится. Или у меня паранойя, или вы темните.

Иоланда склонила голову набок и едва заметно пожала плечами. В вопросах человеческих эмоций она профан.

— Дорогой Юджин, — сказал Серджиус, положив руку ему на плечо. — Ты слишком много работаешь, тебе нужно расслабиться.

Я подошла с другой стороны и взяла его под локоть.

— Абсолютно согласна. Даже принцам нужно отдыхать. Особенно принцам.

— Вот это единокордшие меня и пугает, — обречённо сказал Юджин, не пытаясь вырваться из нашей хватки.

* * *

Юджин пообещал разобраться с этим тоже, хотя что-то в выражении его лица (или, быть может, я придумывала) говорило мне о неуверенности. По-моему, он не знал, что делать, причём не конкретно с насущными делами, а в более глобальном смысле — на него разом слишком много всего свалилось. Отсюда и странные скачки настроения, когда периоды мрачности сменяются деятельной доброжелательностью, враждебностью, чередующаяся с почти детской искренностью и ранимостью. За недолгий срок нашего знакомства я успела понять, что он личность куда более цельная и, в данном случае это является комплиментом, простая, чем кажется на первый взгляд. Непомерная ответственность, долг, с рождения вбитый в голову единственной благодетель, заставили его выставить десятки щитов, срастись с одними, сгибаться под тяжестью других. Короче говоря, корона сжимала Юджину голову стальным, горящим обручем.

В моём мире парни его возраста сидят на шее у родителей, делают вид, что учатся, играют в видеоигры и не думают искать работу. Эти невесёлые мысли привели меня к двери, ведущей в комнату к единственному моему «соплеменнику».

— Твою же мать!

Вадим дёрнулся, как будто его током ударило. За то время, пока мы не виделись (дней десять от силы), волосы у него отросли длиннее всякого мыслимого предела, из них можно было сделать причёску вроде моей, но в отличие от меня у него в комплекте с шевелюрой шла борода, достойная послушника любого монашеского ордена.

Комната Вадима была такой же большой, как моя, но обставлена иначе. Вместо белого цвета в интерьере главенствовал тёмно-коричневый, почти чёрный, лиан не было, стены выглядели голыми. Зато на полу чего только не лежало. В основном детали каких-то механизмов, провода и платы, эти хаотичные кучи периодически мигали, светились и издавали подозрительные звуки.

— Я постучалась между прочим... — Я оглядела горы хлама, наскоро распиханные по углам. — Чем занимаешься? Давно тебя не видно.

Он воодушевлённо порылся в одном из ящиков и вытащил оттуда коробочку с проводами.

— Узнаешь?

Я пригляделась.

— Ну модем это, кажется. В моё детство у нас дома такой стоял, он ещё звуки дикие издавал.

Звуки всплыли в памяти так ясно, как будто я только что слышала их, похожие то ли на ржание металлического коня, то ли на экзорцизм. Ещё помню, что не всегда эти звуки вели к выходу в интернет, иногда соединение прерывалось звонком телефона или вообще без

какой-либо причины.

— Нашёл его на барахолке, — пояснил Вадим, — отдали мне даром, потому что не знали, что с ним делать.

Правильно, в Эйа модем чуть более, чем полностью бесполезен. И что с ним пытаются сделать этот доморощенный гений механики?

— Пытаешься настроить здесь интернет?

— Мне нужна только точка доступа в тот мир (он так обжился здесь, что называл наш мир «тем»), а рабочий портал найти не могу. Хрен его знает, куда они все ведут, владельцы так объясняют, что чёрт ногу сломит. Говорят, например, про горы. И непонятно, Урал это или Альпы, или Карпаты, а может какой другой мир. Не хотите ли провести выходные на Марсе?

Когда Вадим говорил о том, что его интересовало, он почти не казался мне неприятным. Всё же увлечённость, особенно помноженная на талант, делают самого обычного человека привлекательным.

— О тебе Иоланда спрашивала, — сказала я, намеренно провоцируя его на откровенность.

(Она не спрашивала.)

На секунду взгляд Вадима зажёгся, расправились плечи, но он тут же распознал подвох и подозрительно сощурил глаза.

— Врёшь.

— А если нет.

— А если да?

Я пожала плечами.

— Как тебя земля носит? — он сокрушённо покачал головой.

— Уже не носит, вытолкнула в другой мир, не выдержав великолепия... Домой всё ещё не собираешься?

— Теперь мой дом здесь, — ответил он с нажимом. Я кивнула. Это его выбор.

— Насчёт модема. Возможно, я смогу помочь.

Была у меня одна идея, но для этого нужно поймать его королевское высочество. О том, зачем я пришла изначально (хотела домой позвонить), я забыла напрочь.

* * *

Но планируемый разговор с Юджином не состоялся.

Меня разбудил хор голосов, напуганный, чем-то встревоженный, раздающийся из окна моей спальни. Натянув закрытый халат поверх ночной рубашки, закрепив волосы в пучок, который даже на моей родине посчитали бы не слишком опрятным, я бросилась к дверям. Туфли пришлось надевать, пока сбегала по лестнице. Найти источник шума не составило труда, пока я собиралась, он усилился.

И снова всё действие разворачивалось у Дворцовой Стены, теперь с её южной стороны. На ноги подняли всю охрану, военных, сонно озирались по сторонам вытащенные из тёплых постелей министры. Дворцовые жители выглядывали из окон, выбегали, как и я, на улицу, чтобы своими глазами увидеть, что происходит. В толпе я разглядела Конрада — хотя точнее было бы сказать застывшую статую Конрада — он пребывал в оцепенении, вообще не

шевелилась, и я не сразу поняла почему. Рядом с ним стояла Иоланда, набросившая на плечи массивный плащ, буквально утонувшая в нём, и Кайла, которая снова была не одета, с распущенными, непричёсанными волосами, босая, в халате, полы которого шлейфом волочились за ней на пару метров. У неё на плече сидел ворон Гидеон, его карканье тогда показалось мне особо жутким, предвестником чего-то дурного — мороз по коже. Сиреневый свет метался из одной стороны в другой, то и дело высвечивая отдельных людей. Все они были напуганы. Даже бесстрастное лицо Иоланды изменилось — губы дрожали, как будто она вот-вот заплачет. Кайла прижималась к ней в полуобъятии, рыдая в три ручья. Я и прежде отмечала, что она умеет влиять на настроение других людей, наверное неосознанно, но так явно видела это впервые. Кайла плакала и вместе с ней пыталась не расплакаться Иоланда. Серджиус командовал оцеплением, попутно пытаясь вернуть Кайлу во Дворец. Он вроде как находился везде сразу, но поймать его взглядом при этом не получалось. Не обращая внимания на остальных, Юджин с Рихардом тихо переругивались у самой Стены.

Даже Вадим, почти не выходявший из комнаты, присоединился к суматохе. Его глаза, устремлённые вверх, подсвеченные искусственным кристаллическим светом, выглядели фиолетовыми.

— У меня галлюцинации, или он подозрительно похож на этих... которые двое из ларца.

И тут я тоже это увидела. Тело, повешенное на стену, принадлежало солдату из числа подчинённых Серджиусу, как и тогда, но на этот раз его сходство с близнецами на выборе карьерного пути не заканчивалось — высокого роста, со светлыми волосами, даже причёска была похожа, видимо, парень искренне восхищался своим командиром.

Тело казалось нетронутым, во всяком случае никаких повреждений видно не было. За спиной у солдата развевались тяжёлые коричневые крылья в неестественном состоянии, как будто он в тот самый момент пытался взлететь. На таком расстоянии его вполне можно было спутать с Серджиусом, разве что у последнего форма и крылья другого цвета. Ещё одно неудавшееся покушение? Предупреждение? Угроза? Послание. Во всяком случае так говорил Юджин, но ни он, ни Серджиус, ни Рихард не поняли, о чём именно нам (им) хотят сказать.

— Отчего он умер? — спросила я у Вадима.

Он пожал плечами.

— Сам только пришёл.

Я стала протискиваться сквозь толпу, то сливавшуюся в одно тёмное пятно из лиц, то освещённую жутким фиолетовым светом. Когда я наконец-то добралась до Юджина и положила руку ему на плечо, он резко обернулся, словно ожидая нападения, и посмотрел на меня пустым невидящим взглядом, от которого меня пробрало холодом до самых костей. Как будто он меня не знал или не узнавал. Из оцепенения меня вывел громовой голос Серджиуса: «Не подходите ближе!» Юджин тоже вздрогнул, бросил мне непонятно что означающее «не сейчас» и отошёл.

* * *

Признаться честно, я ожидала чего-то подобного и пыталась из всех сил морально подготовиться, но в кабинете у регента Рихарда я впала в ступор. Он выглядел устрашающе в своей особой, интеллигентно-холодной манере. Таких как у меня на родине принято

называть «серыми кардиналами», и именно они представляют обычно самую большую опасность. Пугало всё — его изящные руки, недвижно лежащие на столе, его светлые глаза, буравящие в голове дырку, кабинет этот жуткий, весь заставленный книгами и кристаллами, но при этом создающий впечатление стерильности. Я давно научилась не бояться мужчин больших и сильных, настоящая угроза редко кроется в них. Высоченный, вооруженный до зубов Серджиус мог навредить мне лишь по чужому приказу, да и то без особого удовольствия, истинной злости, агрессии в нём не было ни капли, только дурной характер. Широкоплечий, заряженный магией под завязку Юджин предпочёл бы своей силе нечто совсем иное, я пока не до конца не разобралась что именно. А вот Рихард с самого начала казался мне тем, кто направляет чужой кулак, тем, кто действительно может уничтожать.

Не думаю, конечно, что в данном случае он намеревался причинять мне физический вред, но ощущения были не из приятных. Допросов со мной ещё не случилось.

— Как вы научились пользоваться огнестрельным оружием?.. — спросил Рихард, не отрывая взгляда от меня, моргая редко-редко. — Или правильнее спросить — где?

— Серджиус рассказал вам.

Нет, ну а чего я ожидала? — в который раз задаюсь этим вопросом.

— Конечно, он же не идиот. Как только произошло второе убийство, он сразу же пришёл ко мне. Теперь расскажите мне, Марта, откуда вы к нам прибыли. Желательно без сказочек про путешествующую иностранку, которыми меня кормил племянник на протяжении времени вашего пребывания во Дворце.

Я похолодела от затылка до пальцев ног. Всё очень плохо. Врать вроде бы бесполезно, но непонятно, как он отреагирует на правду! Хотя Юджин знает всё обо мне и не даст казнить меня за государственную измену или что-то в этом роде. Я надеюсь, что не даст. Тем более у меня не было ответа на его вопрос. Нигде я не училась, так, пальнула на удачу.

— Я никогда не училась пользоваться огнестрельным оружием, но в моём мире все знают, что если нажать на курок, ружьё выстрелит. Мне повезло, что оно оказалось заряженным.

— Расскажи про свой мир. — Он откинулся на спинку кресла, не убирая рук со стола.

Я постаралась рассказать как можно чётче и безобиднее.

— В моём мире нет магии и никто не знает о существовании других миров, поэтому я никак не могла оказаться в ваших владениях намеренно. Так что сюда я попала случайно, наткнувшись на портал в форме зеркала. Потом меня нашёл командер Конрад, которого как раз отправили на поиски невесты для Юджина. И всё так совпало, что я подходила под описание невесты, которое наугад сочинил Юджин.

Вроде бы эта информация его не слишком заинтересовала. Наверняка всё это он и так знал от Серджиуса.

— Это ваш настоящий цвет глаз?

Ещё спросил не ношу ли я парик и не крашу ли волосы.

— Да, у нас достаточно распространены зелёные глаза.

— М-м, и как вам у нас? — неожиданно спросил Рихард, фальшиво улыбнувшись.

— Я ожидала, что вопросы будут касаться нападения.

— Хотите о нападении, давайте о нападении. Вам удалось разглядеть нападавших?

Он так легко согласился изменить тему, я невольно напряглась. Он удовлетворён моими ответами? Или только сделал вид?

— Нет. Было темно.

— Сколько их было? Примерно.

— Человек десять. Может больше.

— И всё же что-то вы, наверное, видели. Серджиусу удалось подметить некоторые вещи.

Какие именно вещи, разглядел Серджиус, Рихард не уточнил. Я напряглась. Было темно. Их было много. Выстрелы. Вспышки...

— Они показались мне слишком тепло одетыми.

— Северяне, значит?

— Может быть. А может быть и нет. Насколько я знаю, могу ошибаться, с теплообменом у северян всё так же, как и у нас, зачем им зимняя одежда в тёплом климате. А вот тот, кто пришёл через портал из другого мира, где холодно, может не успеть переодеться.

Эта мысль появилась в моей голове совершенно внезапно, раньше я как-то об этом не думала.

— Любопытно. — Он внимательно на меня посмотрел. — А теперь расскажите, леди Марта, как вам живётся в наших гостеприимных стенах.

— Хорошо? — у меня почему-то получилась вопросительная интонация. — Хорошо.

— Какие планы?

— В смысле? — я не поняла. — Я собиралась сходить в кристаллохранилище. Или вы не об этом?

— Планы на будущее. На жизнь. Как долго собираешься у нас гостить? Или вы с Юджином уже что-то решили?

— Как только Иоланда починит портал, отправлюсь домой.

Рихард рассмеялся, что выглядело странно. Это был громкий, искренний, но злой смех. Мне стало неудобно.

— Дома вас ждёт большое будущее? — спросил он, приподняв брови.

— Разве можно точно знать, что будет дальше, — я решила ответить уклончиво.

— Вполне. Оставшись, станете королевой. Есть варианты лучше?

— Можно, я пойду? — сказала я и пошла, не дожидаясь разрешения.

С тех пор, как Рихард начал расспрашивать про мою жизнь в Эйа, меня не покидало ощущение, что он запланировал принести меня в жертву какой-нибудь страшной, неведомой силе, требующей крови, — роль, которая меня совершенно не устраивала. Быть жертвой — в своей истории или в чужой — я отказываюсь.

Бессонную ночь спустя, за которую я успела придумать несколько планов побега разной степени абсурдности (они варьировались от попытки самостоятельно починить портал до ухода к гномам), буря на время улеглась. По крайней мере моя личная буря, для Юджина всё только начиналось.

Рихард вёл себя так, как будто мы с ним теперь лучшие друзья, поклявшиеся на крови или что-то в этом роде. Он без конца улыбался и вежливо интересовался моими делами. Роль доброго дядюшки давалась ему из рук вон плохо, я бы его даже в массовку не взяла. Двойка за актёрское мастерство, товарищ регент!

Серджиус с Иоландой за ужином отсутствовали, вероятно, их *попросили* заняться иными делами, таким образом ужин я проводила в кругу «будущей семьи». Юджин сидел, как замороженный, и машинально поглощал блюдо из крошечных тыкв и розоватых огурцов под

молочным соусом. Кайла надувала губы и тяжело вздыхала, изображая скуку всеми доступными ей способами, когда тишину наконец нарушил регент Рихард:

— Меня беспокоит подготовка к свадьбе.

— Да? — недовольно сказал Юджин, резко выходя из оцепенения.

— Точнее её отсутствие, — пояснил Рихард.

Что-то я не поняла. К чему этот цирк? Вроде бы мы условились, что я уезжаю. Быть может, Рихард не стал сообщать Юджину о нашем разговоре, но Юджин всё равно знал, что я собираюсь уезжать. Или не знал? Может, он надеется, что я останусь. Да, конечно, держи карман шире — у принца есть более интересные темы для размышления, чем место моего проживания.

— Дядя, я не понимаю, чего ты от меня добиваешься. Не так давно ты мечтал о расторжении помолвки.

Это уже был голос человека, близкого к истерике. Глаза Кайлы от удивления едва помещались на лице, а я снова стала подумывать о побеге к гномам. Там хоть кормили хорошо.

— Мечтал. Но раз уж ты решил жениться, отнесись к этому ответственно. Не понимаю, чего ты ждёшь. Ставишь бедную девушку в неловкое положение.

Когда речь зашла обо мне, я попыталась изобразить, что моё положение очень ловкое, самое ловкое из всех возможных, никаких претензий.

— Моих людей убивают, — тихо, но яростно говорил Юджин. — Жестоко и показательно. Кто это делает, мы не знаем. Лично я не уверен, что убийства связаны с революционерами. Сами революционеры беспрепятственно выступают на площади, и наши люди готовы их слушать. Гномы, наши ближайшие союзники, выражают недовольство, и теперь не только на словах. Ситуация гораздо хуже, чем была перед смертью родителей. Неужели ты не понимаешь, что мне сейчас не до свадьбы. Что я не хочу строить семью, когда рядом текут реки крови, а противники жаждут смерти, моей и моих близких. У меня нет... времени.

Он хотел сказать, что у него нет сил. Я чувствовала, он ужасно устал.

— Тебе пора начать думать как король, мальчик.

И вот тогда начались приготовления к свадьбе, которая не должна состояться. Пожалуй самым абсурдным является тот факт, что все действующие лица знали о происходящем фарсе, но некоторые тем не менее старались больше других. Регент Рихард, например, очень старался, я — тоже, потому что никогда ещё не готовилась к свадьбе, а я ведь, несмотря ни на что, девушка в самом расцвете сил и не равнодушна к магии белого платья, мендельсона и прочих обычных человеческих радостей. Зато некоторые (подчёркиваю это с особым неудовольствием) относились к своим обязанностям жениха (ну и что, что ненастоящего?) без должного энтузиазма (подчёркиваю дважды жирным карандашом). Похоже, меня постигла участь всех наших русских невест, избранники которых не торопятся идти под венец и чуть ли ни в обморок падают при упоминании о свадебной организации.

Юджин вёл себя пассивно-агрессивно, иначе не скажешь. Больше он не жаловался, но невербально демонстрировал, что очень хочется.

В тот день в тренировочном зале Иоланда заряжала свадебный кристалл, который во время праздничного ужина должен находиться в центре торта, и когда верхний слой торта будет съеден, то на поверхности возникнут фигуры танцующих жениха и невесты. Красивая традиция, одна только загвоздка — чтобы изображение появилось в памяти кристалла, нам нужно было станцевать, а мне эта наука упорно не давалась. Скажите пожалуйста, как можно танцевать медленный танец, стоя вплотную к партнёру и совсем не трогать его руками? Нужно же как-то зацепиться! И они точно используют магию, чтобы просчитывать шаги друг друга, потому что иначе это невозможно.

Иоланда села на пол в позу лотоса, без видимых усилий сложив свои длинные загорелые ноги, установила перед собой кроваво-красный кристалл размером с грейпфрут.

— Можете пока потренироваться, — сказала она, очищая кристалл от предыдущего воздействия.

Одну из стен тренировочного зала занимало зеркало, как в зале для гимнастики или танцев, или фитнеса. На других стенах висели орудия всех форм и мастей. Специально для нас все военные и стражники внутренней охраны очистили помещение, а слуги принесли лёгкие закуски и напитки для нашего удобства. Хорошо всё-таки быть невестой принца.

Юджин в белой рубашке, в начищенных до блеска сапогах, выглядел так, что хоть сейчас выходи замуж. Плащ-накидку он оставил на вешалке у входа.

— Ты маленькая, — внезапно выдал он, когда мы встали в начальную позицию. Его лицо расслабилось, как будто бы помолодело на несколько лет, сбросив всё напряжение, взгляд смягчился; он выглядел совсем мальчишкой.

Там, где я родилась, мой рост считался вполне себе среднестатистическим, и никогда раньше мне не говорили, что я маленькая, однако слова Юджина вызвали во мне резкое желание спорить и доказать, что ничего я не маленькая.

— Я нормального размера, это вы, ваше высочество, со своими... приятелями огромные, — ответила я, смутившись. Что тут вообще можно сказать? — А раньше ты моего роста не замечал, что ли?

— Нет, замечал конечно, просто...

Неспокойной рукой он поправил медальон, перекрутившийся у меня на груди... Когда нам помешал вошедший Серджиус — сонный, усталый и недовольный, белые крылья за его

спиной шелестели как-то зловеще. Даже Иоланда была расстроена, не говоря о нас с Юджином. Это был замечательный момент, вот просто пять с плюсом, и его обязательно нужно было испортить. Лучше бы Кайла сказала, что работа Серджиуса не быть тенью, а портить романтические моменты. Так было бы точнее.

Романтика сразу же улетучилась, и мы вернулись к суровым будням. Всё с тем же недовольным видом, что и прежде, Юджин танцевал, одёргивая мои руки, морщась, когда я наступал ему на ноги, и параллельно обсуждал с Серджиусом доклад какого-то генерала относительно границ с Воздушными Людьями, которые якобы проседают. Это было невыносимо скучно, а от сочетания музыки — не скажу, чтобы очень приятной — и громкого голоса Серджиуса, ещё менее приятного, болела голова.

— Чего они хотят? — раздражённо спросил Юджин. — Их поселение опускается, пусть они и позаботятся об этом.

— Да, — не менее раздражённо ответил Серджиус, — но если Облачный Город опустится окончательно, он упадёт нам на головы, и они это прекрасно понимают. Королева Л'лэй считает, что в наших интересах оказать им посильную помощь, и предлагает нам с помощью магии помочь им держать Город на уровне.

— Что за бред? Как они себе это представляют?! Отошли сообщение дяде Гидеону. — Он устало провёл рукой по лицу. — И ни в коем случае не говори об этом дяде Рихарду. И при Кайле эту тему не поднимай, она обязательно всем растреплет.

Вот это я понимаю семейные драмы, любой бразильский сериал отдыхает. Братья не общаются друг с другом, каждый отвечая за свою страну, а Юджину приходится метаться между молотом и наковальней.

Я снова наступила ему на ногу и упала лицом ему в грудь.

— Не расстраивайтесь, леди Марта, — неожиданно сочувствующе сказала Иоланда, видимо, ощутила моё смущение. — Мало кому удаётся постичь науку танца так скоро.

И строго посмотрела на Юджина, чтобы тоже что-то сказал.

— Правда, — подтвердил он, избегая моего взгляда, глядя куда-то в угол на потолке. — Первое время учителя даже не разрешали мне танцевать с девочками, боялись, что я кого-нибудь покалечу, таким я был неловким. Поэтому моим первым танцевальным партнёром был Серджиус, который был в этом деле так же плох, как и я, если не хуже.

Я представила себе их в детстве — серьёзный мальчик с сурово сдвинутыми на переносице светлыми бровями, боящийся покалечить своего друга и сюзерена, и темноволосый всклокоченный принц, шумный и весёлый, оттаптывающие друг другу ноги.

— Ну покажите мне мастер-класс, что ли, — попросила я их. Может, если посмотрю со стороны, станет легче.

Без тени смущения они подошли вплотную друг к другу, встали грудью к груди, началась музыка, и они плавно вошли в танец. Мне сложно представить, чтобы кто-то из моих друзей мужского пола так же свободно, без насмешек, танцевал с лучшим другом. А в сущности, что тут такого? В их танце не было ни грамма эротизма, но им определённо было комфортно друг с другом.

И всё же у меня в груди разлилось какое-то ужасное пятно, словно нефтяной танкер протёк в чистых океанских водах, как предчувствие большой беды. С тех пор, как я оказалась в Эйа, меня частенько посещали странные, мне не принадлежащие, чувства, предвидения, сны и прочее.

— Десять лет назад мне не нужно было задирать голову, — сказал Юджин со смешком,

отвлекая меня от тяжёлых мыслей. Серджиус, как и многие высоченные парни, вырос резко, а до этого был скорее низкорослым.

— Простите, мой принц, но если я правильно помню... — начала Иоланда. Серджиус понял, о чём она хочет сказать, и начал смеяться так, что не смог продолжить танец. — На первом балу вам всё же пришлось задирать голову... когда вы танцевали с девушками.

— Я же не виноват, что все придворный девочки были старше меня на несколько лет, — сказал глубоко оскорблённый Юджин. Серджиус продолжал беззвучно хохотать, у Иоланды иногда дёргался кончик рта, но в остальном она сохраняла поистине монашескую сосредоточенность. Я тоже еле сдерживала смех.

— Марта, защитите своего будущего мужа от жестоких нападков этих ужасных людей, — обратился он ко мне. — Унижение чести и достоинства членов королевской семьи у нас карается законом.

— Конечно, сейчас схожу за командером Конрадом, пусть арестует брата. Уверена, это будет интересная сцена.

— Ни на кого в этом проклятом Дворце нельзя положиться, всюду ложь и предательство, — сказал Юджин с той же интонацией, что обычно устраивает свои представления его сестра.

— У меня ещё десять докладов, — вмешался Серджиус, испортив прекрасный момент второй раз за день. Никак идёт на рекорд.

Спустя пару часов безрезультатных мучений к нам присоединились Кайла с Конрадом, возмущенные тем, что их, гуру танцев, не позвали на это знаменательное событие. Ну ладно Кайла, она не знала, что мы изображаем деятельность, но Конрад-то понимал в чём дело! Они бодренько продемонстрировали на что способны: Конрад с помощью магии перекидывал Кайлу через своё плечо, крутил как волчок, они делали головокружительные поддержки, и всё без помощи рук.

— Нет, ну я конечно могу сделать так же, но... — сказал Юджин, неопределённо помахав в воздухе рукой. И за эту неопределённость я была ему благодарна.

Не знаю, сколько прошло времени. Много. Зарядить кристалл всё ещё не получилось.

— Может, ей руки связать за спиной, — предложил Серджиус.

— Давайте не будем озвучивать свои эротические фантазии, — возразила я, — а то вы к моим, боюсь, не готовы.

Юджин довольно хмыкнул. Конрад с Кайлом рассмеялись.

В этом шуме мы не сразу заметили, что в зал залетел ворон, деловито покружился и уселся Юджину на плечо, переступая лапками по его рубашке, как делают гуси, когда кружатся вокруг своей оси, после чего начал громогласно каркать. Таким образом он привлекал к себе внимание, вполне успешно, надо заметить, потому что не обращать внимания на этот истошный птичий крик невозможно. Серджиус с Иоландой переглянулись, у Юджина покраснели уши.

— Мы поняли, — строго сказала Кайла. — Не нужно постоянно это повторять.

Ворон возразил хозяйке. Кайла нахмурилась. Юджин покраснел сильнее.

Они понимают птиц?! По какой-то причине этот момент прошёл мимо меня.

— Я пошёл, — не выдержал Серджиус. Уходя, он пробурчал нечто не слишком цензурное на древнем наречии.

— Вы понимаете его? — ошарашенно спросила я. Это что, получается, как тот случай, когда я спросила про часы, а никто даже слова такого не знал и после моих объяснений

ничего не поняли. Оказалось, что в их мире люди с рождения чувствуют время, поэтому посторонние приборы для его определения им попросту не нужны, и когда я прислушалась к себе, то почувствовала, что совершенно точно знаю, который час, как если бы только что взглянула на часы. Я снова прислушалась к карканью — и нет, ничего.

Они все уставились на меня, как будто не слышали ничего глупее за всю свою жизнь.

— А ты нет?

Я помотала головой. Юджин облегченно выдохнул, явно не желая, чтобы я была в курсе речей королевского питомца.

— О чём он говорит?

Они снова начали переглядываться, и я впервые пожалела, что с нами нет Серджиуса, уж он-то не стал бы наматывать сопли на кулак.

— Гидеон чувствует сильные эмоции.

— О! — я так и стояла с открытым ртом.

* * *

Той ночью, после танцев, я великолепно проспала часов десять, не меньше, потом с удовольствием позавтракала фруктами и булочками, тщательно выбрала платье из тех, что ещё не надевала — аквамаринное, с короткой накидкой, крыльями развевающимися за плечами, новая служанка, миловидная, но печальная рыженькая девушка, заплела мне в причёску цветы. Это было непринято в Эйа, но я собиралась это исправить. В приподнятом настроении я пошла искать кого-нибудь, готового составить мне компанию.

В длинной стеклянной галерее, ведущей из жилой части в административную, Серджиус с Юджином смотрели запись с портативной кристаллического пада. Серджиус хмурил брови, наблюдая за сменой картинок, а Юджин... спал, прислонившись бочком к стеклянной стене. Я поспешила к ним.

— Он что, спит стоя?

Серджиус посмотрел на меня мутным взглядом, заторможено повернулся, чтобы увидеть Юджина.

— Когда вы спали последний раз?

— М-м... — промычал Серджиус и надолго замолчал, я подумала, что он тоже уснул. — давно.

— Юджин! Эй! — я щёлкнула пальцами перед его лицом.

— Нет, я не сплю. Слушаю. Возмутительная наглость. Возмутительная.

Ну что за люди? Они точно не ложились с тех пор, как мы виделись в последний раз, и уже тогда Серджиус едва держался на ногах. Как дети малые, честное слов. И как они без меня?

— Пошли, братцы. Пошли-пошли.

Они послушно побрели за мной, как уставшие дети или утята за мамой-уткой. Серджиусу я указала на его любимый диван в приёмной, он чуть было не лёг прямо в крыльях. Я сняла с его спины эту махину, аккуратно поставила рядом. Тяжесть жуткая. Он рухнул и тут же засопел. И ведь даже благодарности от него не дождёшься.

Юджин тем временем прошёл в кабинет и упал в стоящее там кресло, которое, как я успела узнать, с помощью магии раскладывалось. Наверное, я переборщила, потому что

кресло превратилось в огромную кровать с балдахинном.

Я собиралась уйти, но Юджин схватил мою руку, тут же одёрнул её, предоставляя мне выбор, и я не удержалась, прилегла рядом. Кровать получилась настолько большой, что мы находились на расстоянии вытянутой руки. В тот момент я дышала так медленно, с таким усилием, как будто пропускала воздух не через лёгкие, а сквозь заржавевший от старости механизм. Юджин потянулся к моим волосам, вслепую, не открывая глаз, нащупал пальцами лепестки, вплетённые в мою причёску, задержался возле уха, и вдруг посмотрел на меня с кристальной ясностью, как будто он не засыпал только что стоя. От этого взгляда мне стало одновременно очень хорошо и катастрофически плохо, но ярче всего я ощущала страх — бесконечный и нет, не животный, а самый что ни на есть человеческий, страх самой себя. Его тяжёлая рука давила на мою голову, так же как его взгляд — на душу. (О Господи, похоже, чрезмерная драматичность передаётся воздушно-капельным путём.) Но это правда было тяжело. Нет, я не против отношений, допустим, даже любви, но вот это... нечто слишком большое. Больше, чем я или моя жизнь, или даже наши с ним жизни вместе взятые.

— В детстве, — начал Юджин тем голосом, которым обычно рассказывают глупые, но при этом важные секреты, — когда мне рассказали, что у каждого человека, владеющего магией, есть один какой-нибудь магический фокус, дающийся ему без усилий, естественно, как часть его самого, я мечтал читать мысли, чтобы знать, о чём думает мама или дядя... — Я не понимала, к чему он клонит. — Теперь я думаю, что эта самая ужасная способность из всех, потому что если бы я узнал, что ты чувствуешь ко мне то же, что и я к тебе, мне никогда не стать хорошим королём... никогда не выполнить свой долг перед народом.

«Какого чёрта вы делаете?!» — верещал в моей голове голос, подозрительно похожий на Серджиуса (вместо «чёрта» голос использовал другое слово), и был прав, потому что надо было уже что-то делать и в таком случае оставаться здесь навсегда, или не делать ничего и возвращаться домой.

Юджин ждал моей реакции. На какой? подтверждения? опровержения? И вопрос ещё сложнее — чего хотела я?

Пока я думала, что сказать, Юджин уснул. Может быть, это к лучшему. Когда я уходила, из его кулака торчали белые лепестки.

* * *

Пока я сомневалась в своих чувствах и намерениях, Юля с Климтом продолжали расследовать дело о пропавших козах.

— Что за Чупакабра? — недоуменно спросил Климт, когда они возвращались к ожидающему их такси.

— Монстр, высасывающий кровь из коз, — пояснила Юля. — Страшилка для детей. Что-то вроде снежного человека или Лох-несского чудовища. — Про снежного человека я, кажется, слышал.

Нахмурившийся Климт погрузился в собственные мысли. Его познания в жизни «пустынного» мира были весьма скудны, но если учитывать, что он покинул мир в семилетнем возрасте, то даже этот объём знаний удивителен.

Разговор с потерпевшим ничего не прояснил, за исключением, пожалуй, того, что мужчина очень хотел верить в сверхъестественную причину исчезновения его мелкого

рогатого скота. А это, как известно, первый признак отсутствия хоть сколько-нибудь сверхъестественного.

До офиса доехали молча, потом разошлись по своим комнатам. Юля снова надела визор и лежала в нём на своей огромной кровати, наблюдая за тем, как колышется голубые всполохи вокруг Климта, беспокойно прохаживающегося по кабинету.

Они задержались в офисе до вечера, чтобы с комфортом поужинать и помыться. Какими бы они оба ни были аскетами, общие душевые СКМП не нравились никому, да и качество еды в столовой оставляло желать лучшего. Всё приготовленное холодными автоматами.

По прибытии в бункер СКМП, где их ждало суточное дежурство, Юлю с Климтом настиг Цыпа. Несмотря на его спокойствие (а спокоен он был всегда), Юля поняла, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Вас ждут! — сказал он шёпотом, как ему казалось, на самом же деле Цыпин шёпот больше напоминает рёв клаксона.

— Кто? — удивлённо спросил Климт.

Посетитель в СКМП? Крайне редкое событие, их организация считалась засекреченной. Естественно, о ней знали все, кому положено знать, но таких людей было немного.

— Важная пташка, — ответил Цыпа всё так же громко.

Цыпа — мужчина средних лет, большой как в высь, так и в ширь, с густой чёрной бородой. На нём всегда был надет рабочий комбинезон, что делало его похожим на Карлсона-переростка. Ну и куда же без целого сонма отвёрток, шестерёнок, плат и прочей технической ерунды, которая окружала его, как спутники окружают планету.

Он легонько толкнул Климта с Юлей в сторону дежурки, а сам испарился, видимо, пошёл за важной персоной. Они обменялись подозрительными взглядами и, тяжело вздохнув, что получилось почти синхронно, уселись за стол, похожий на тот, что стоят в комнате для допросов в иностранных сериалах про полицейских, даже зеркальное стекло с односторонней видимостью имелось. Климт открыл блокнот, приготовившись писать, Юля тёрла глаза, чтобы взгляд был не таким усталым, но делала только хуже. Нужно было поспать перед дежурством, но не получилось, её мучило предчувствие чего-то большого, предчувствие приключения, которое перевернёт её жизнь. В общем-то Юле и так было неплохо, пять лет назад её выдернуло из привычной, скучной до зубовного скрежета, колеи учёба-работа-дом расследование СКМП, проходившее под окнами её дома, в ходе которого выяснилось, что по ряду сложных критериев, связанных с ДНК и строением нервной системы, она подходит к межпространственной оперативной работе. Тогда же ей в напарники определили Климта, и с тех самых пор они занимались мелкими правонарушениями, совершаемыми преимущественно в «пустынном» мире. Ничего особенно интересного, но всё лучше, чем учиться в институте на неинтересную специальность, работать на ненавистной работе и прозябать дома за экраном монитора.

В дежурку вошла женщина. Дверь перед ней открыл один из её слуг, другой зашёл следом за ней. Они молчали, не поднимали глаз от пола и были похожи на тени. Цыпа маячил где-то в конце всей этой процессии. Женщина была красивой, хотя это слово описывало её не в тех красках, скорее она казалась вызывающе шикарной, как голливудская дива конца тридцатых. На её плечах небрежно накинутой лежала шуба из серебристого меха, её волосы завивались в идеальные локоны цвета бронзы, в её ушах болталось целое состояние, можно продолжать до бесконечности, но всё это не имело значения, потому что

глаза-то в глазах у неё была пустота, какая-то невероятно засасывающая и бесконечная, будто чёрная дыра.

— Как мы можем к вам обращаться? — сказал Климт, расплывшись в улыбке. Он включил свою программу обольщения, от которой женщины таяли и выкладывали ему всю информацию на блюдечке с голубой каёмочной.

— К сожалению, мой титул не может быть назван, поскольку положение обязывает меня обращаться к вам в качестве частного лица. — Ответив на Климтову улыбку, она смотрела на него в упор, долгим взглядом, медленно соблазнительно моргая длинными ресницами. — Можете звать меня Кэт.

— Меня зовут Климт, это моя напарница Юлия. — Сочетание звуков «ия» упорно не давалось ему. — Чем можем быть полезны?

Он закинул ногу на ногу, Кэт уставилась на него с жадностью.

Это было отвратительно. Юлия ненавидела то, как женщины смотрели на Климта, как будто он сочный кусок мяса, и они не могут дождаться, когда вонзят в него зубы, как будто не видят в нём человека, а только игрушку для сексуальных утех. Климта с его нечеловеческой притягательностью она тоже временами ненавидела, но совсем по-другому, конечно. Её раздражало то, что он так ведёт себя, как будто ему это не отвратительно, как будто он не задумчивый, глубокий, умный парень, а действительно лишь жалкий, никчёмный плейбой.

— Я бы хотела просить вашей помощи в поиске моего пропавшего сына и её подруги, — сказала Кэт глубоким, грудным голосом. Не хватало только сигаретки и вуали, закрывающей половину лица для пущего драматизма.

— Мы не занимаемся поиском сбежавших по собственной воле, — вмешалась Юлия.

— Официально — нет, — Кэт повела рукой, — но, как мне объяснили, у вас достаточно времени и ресурсов, чтобы заниматься этим в свободное от работы время. Естественно, за достойное вознаграждение.

Дело было не в деньгах, конечно же не в них. Зарплаты агентов С.К.М.П. хватало, чтобы жить, не думая о подработке на стороне. Нет, роскошь всегда оставляла Юлю равнодушной, её душа жаждала приключений. А что может быть увлекательнее, чем поиски монарших отпрысков (как вы могли догадаться, женщина была королевой в одном из многочисленных населённых миров), сбежавших в порыве запретной страсти в иной мир, уж точно не дело о краже коз.

— Мы согласны.

Несмотря на негативные эмоции, которые она испытывала по отношению к Кэт, Юлия не могла отказаться, это было выше её сил. Такой шанс выпадает раз в сотню лет.

Прижав блокнот к груди, Климт смотрел в одну точку под потолком, его желваки явственно проступили на скулах. Но говорить он не решился. Они *никогда* не спорили при других людях, это было их главное и единственное непреложное правило, а Юлия сейчас бессовестно им воспользовалась.

* * *

Первые четыре часа дежурства Климт молчал, показывая, что он не разговаривает с ней, но на пятом часу непрерывного времяпрепровождения вместе, он не выдержал.

— Ты согласилась, не посоветовавшись со мной.

Зевнув, Юля отмахнулась от него.

— Ну, ты сидел рядом, мог бы возразить, если не согласен.

— Заметь она, что между нами существуют разногласия, сразу же впились бы в тебя как пиявка и стала действовать в обход меня.

Слишком хотелось спать, чтобы придумать достойный ответ, и Юля просто пожалала плечами, снова зевая. Они поняли друг друга, что, впрочем, не значит, что согласились.

Чтобы не уснуть, Юля перебирала в памяти информацию, предоставленную Кэт о пропавших ребятах. Детройт (да, как город в Штатах) и Делайла были избраны при рождении для великой миссии (какой именно не уточнялось), к которой должны были приступить по достижении семнадцатилетия, но накануне общего дня рождения парочка подростков сбежала в другой мир. Предположительно, в тот, что называется «пустынным». Из рассказа логически следовало, что Кэт приходилось матерью Рою (она называла сына именно так) и королевой в своём мире, а король, не являвшийся мужем Кэт, был отцом Делайлы. Может, это и правильно, что король с королевой связаны только общим долгом. Может, такая власть крепче. Однако ничего не может помещать подросткам взбунтоваться, никакая власть, ничто. И они взбунтовались.

Юля смотрела на фотографии, сделанные втайне от ребят. Делайла выглядела крошечной, по-птичьи худенькой, с оранжевым, как морковка, нимбом волнистых волос, с почти прозрачным взглядом, но было в ней что-то выдающее её внутреннюю мощь. Такая девочка не стала бы бунтовать ради самого бунта, подумалось Юле. Рой, наоборот, выглядел так, как будто перечить родителям было смыслом его жизни. Ржаво-рыжие волосы (по всей видимости, этот цвет встречался в их мире чаще остальных, Кэт, как и сын, была рыжеватой шатенкой), с большими ушами и широкими, можно сказать непропорциональными, руками, с хитрым прищуром и смутьянской улыбкой. Высокий, но не очень хорошо сложенный, чуть сутулый. Видно, что пока не совсем мужчина, ещё немного ребёнок.

Засмотревшись на фотокарточки, Юля заснула. Климт накрыл её, сидящую опустив голову на руки скрещённые на столе, пледом и продолжил дежурство в одиночестве. На дежурствах никогда и ничего не случалось, всё самое интересное происходило внезапно.

* * *

Цыпа позвал их в свою мастерскую рассказать о действии визора, но закончилось это как обычно небольшой попойкой. У Цыпы они всегда пили то, что хозяин упорно называл солодовой водкой, хотя на самом деле это было слабенькое, почти безалкогольное пиво. Климт, не привыкший к алкоголю (в его мире спиртное было запрещено), пьянел от первой пары глотков, его бледно-прозрачная кожа расцветала ярким румянцем, ребяческая улыбка расплывалась прямо-таки в чеширский оскал.

— Я, чесслово, не буду больше переводчик ломать, — говорил он заплетающимся языком, полусидя-полулёжа на столе.

— Эх ты, цыпа, дурная голова, — покровительственно говорил Цыпа. Он как будто бы расстраивался из-за Климтовой неспособности выпить больше бокала «солодовой водки».

Юля выпила уже две пинты и ничего ещё не почувствовала. Она рассматривала стеллажи с приборами всех мастей и сортов — браслеты трекеров и порталов, коробочки

противомагических щитов, миниатюрное оружие, броши с заклинаниями невидимости, кислородные маски для миров, где плохо с воздухом.

— Как думаешь, я неправильно поступила, согласившись искать этих ребят?

— Поживём — увидим, — сказал Цыпа. — Найдёте их, а потом сами решите, сдавать родителям или нет. А пока подумай, с чего начать.

В Юлиной беспокойной голове уже созрел план.

* * *

Несмотря на недовольство Цыпы, Климту всё же выдали визор. Думаю, никого не удивлю, сказав, что в конце концов Климт визор сломал.

Они отправились в мир, который его жители называли Миром перевёрнутого конуса. Термометры в приборной комнате показывали, что в этом мире глубокий минус. Нарядившись в суперутеплённые пуховики, в которых ученые работают в Антарктиде, Юля с Климтом ходили по горам четыре дня перед тем, как достичь какого бы то ни было результата. Чтобы обойти Вечные Горы у основания требовалось около двенадцати часов. В высоту они была примерно как Килиманджаро, плюс дворцовые помещения и иные сооружения, которые тоже требовалось обойти. Визор находил остаточную порталную активность в нескольких местах, в основном в тех, которыми порталом пользовалась Кэт, чтобы договориться с СКМП, но вот одно место казалось подозрительным. Во-первых, переход совершало не меньше двух человек, а может быть и трое. Во-вторых, слишком далеко от населенных областей.

Дворец был частью Гор, вырезанный из горной породы, утеплённый и освещённый магическими заклинаниями.

Зубами Юля сняла дутую варежку с руки, чтобы освободить на своём запястье трекер, похожий на часы без циферблата. На диске крутились буквы, обозначающие место назначения портала, которым пользовались в этом месте. «Москва. Пустынный мир». Чем дальше в лес, тем больше странных совпадений.

На этом, собственно, Юлин запал закончился. И что дальше? Как искать двух подростков в огромном городе? Кстати, не факт, что они остались в Москве, а не переехали куда подальше, чтобы скрыться. Если бы Кэт пришла сразу после исчезновения, то ребят можно было бы отследить по остаточной порталной активности, но теперь найти её будет проблематично.

— Мы в тупике. Ладно, не совсем в тупике, а в тупичке... Давай представим, как Рой и Делайла могли действовать после того, как оказались в новом мире. Есть ли у них сообщник? Как в их мире одеваются? Должны ли они были приобретать новую одежду? Что мы вообще знаем об этом Мире перевернутого конуса?

Они стояли в супермаркете у стенда с чаями. Зависнув с протянутой к верхней полке рукой, куда Юля не могла достать ввиду маленького роста, Климт уставился на нее как на безумную.

— Что? У меня что-то на лице?

Юля ощупала своё лицо. Климт продолжал смотреть на неё диким взглядом.

— То есть как — что мы знаем? — наконец сказал он. — Ничего конечно же.

— Почему так категорично? Достань мне вот ту, с ежевикой, чего застыл.

— Потому что о нём знают только те, кто там живет.

— Тогда мы должны узнать.

Климт молча положил упаковку чая в тележку, потёр переносицу указательным пальцем, смотря в пространство.

— Как?

— Не знаю, — сказала Юля, — сходить в библиотеку или где хранится такая информация.

— Этого места не существует в природе, — терпеливо пояснил Климт.

— Подожди, я не совсем тебя понимаю. Точнее я совсем тебя не понимаю.

— Юль, нет никакой базы данных по всем существующим мирам.

Их, зазевавшихся, растолкала бойкая женщина, покупавшая сто пакетиков растворимого кофе «три в одном».

— И что, никто не пытался? — спросила Юля, когда они уже стояли в очереди в кассу. Несмотря на поздний час, посетителей было много.

— Пытались, но никого из них уже нет в живых. Считается, что самую полную карту всемирья собрала королева Луиза, но её восемь лет как убили.

— Известно, кто это сделал?

— Считается, что революционеры, борющиеся в их мире за свободу магии, но...

Кассир пробивала их покупки. Климт надолго замолчал.

— Но что? — поторопила его Юля.

— У меня по этому поводу есть сомнения. Вот скажи, стали бы революционеры скрывать своих намерений навредить власти? Нет, не стали бы, а они не согласны с обвинениями в убийстве короля и королевы.

— Хочешь сказать, что некто настолько могуществен, что может дотянуться своей длинной рукой до любого мира?

— Именно.

— Но зачем?

— Информация — ключ к власти. Люди, бродящие впотьмах, не представляют угрозы. Они только сталкиваются друг с другом лбами и расшибают себе голову об асфальт.

Они вышли на улицу. Холодный воздух холодил шею, забирался за ворот, гулял по телу. Пакет с шелестом колыбался в руках у Климта. Тепло нагретого такси приятно контрастировал с погодой на улице.

— Неужели с этим нельзя бороться? — спросила Юля.

— А ты готова? — спросил Климт с усмешкой, но вся его напряженная поза выражала надежду и ожидание. Глаза в темноте слегка светились, ещё одно напоминание о его неземном происхождении.

— Честно? Наверное, нет.

Не могу точно сказать, что я делала следующие несколько часов (дней?). Помню только, что несколько раз приставал Вадим со своим «магическим интернетом», ему я отвечала, чтобы подождал, Конрад показывал свадебные мобили, которые я не могла перестать называть каретами, а Кайла принесла целый ворох тканей для платьев и сложила его на полу у меня в комнате. И кареты, и ткани отлично отвлекли меня на время, но в конце концов, как бы я не старалась этого избежать, всё же пришлось увидеться со своим «женихом». С помощью всей своей силы воли я буквально выволокла своё сопротивляющееся тело из комнаты. Юджин торопился, шёл почти бегом, и неудобно было его отвлекать, но так редко удавалось поймать его без сопровождения, обычно за ним ходило сразу несколько человек с вопросами, не терпящими отложения. Мы поздоровались, он даже потряс мою руку — не совсем рукопожатие, но уже почти — но взгляда моего избегал. Не смущался, скорее не знал, как себя вести.

— Извини меня, пожалуйста, — сказал он наконец. — Я не хотел слишком давить, Марта, клянусь. Нехорошо получилось.

— Ничего страшного. — Я попыталась улыбнуться, не знаю, получилось ли. — От недосыпа люди делают странные вещи, мой друг Павлик, например, однажды после ночной смены в баре вынес из соседнего супермаркета с десяток пачек кошачьего корма. Кошки у него нет и никогда не было — аллергия.

— Что такое супермаркет? — он нахмурился.

— Это как...

Меня прервало отчаянное карканье. Знаю, знаю, я испытываю сильные эмоцию из-за предстоящего разговора, у меня сердце стучит, как отбойный молоток, причём почему-то в ушах, а не там, где положено, но не обязательно же сообщать об этом всем вокруг. Так на моей голове расположился ворон, каркая и переступая лапками по причёске, над созданием которой две служанки трудились целый час. Ульсия — так звали рыжеволосую новенькую — волшебным умела управляться с волосами. Даже обидно, что нельзя её взять с собой домой вместе с платьями и каретами.

Было жарко. Юджин держал свой плащ в руке вместе с кристаллическим падом и щурил глаза от яркого солнца, бьющего ему прямо в лицо. Дайте мне силы кто-нибудь, пожалуйста.

— В данный момент мне очень некомфортно, мало того что на моей голове птица, так еще я теперь знаю, что она разговаривает, и я не понимаю ни слова, но я вообще-то хотела поговорить. И не о Павлике, конечно же.

— Да.

На лице Юджина появилось странное выражение, какой-то двойственности — он разрывался. Я хотела ему помочь, избавить от всех сомнений. Для этого нужно было уехать. Насовсем.

— Я собираюсь домой, — выдавила я из себя.

— Да... — он опустил голову, — да, конечно.

— Нет, ты не понимаешь. Я действительно хочу домой, Юджин. И как можно скорее.

— Неужели наше общество тебе настолько отвратительно?

Скрестив руки на груди, Юджин скривил губы, совсем как Рихард. Неприятно. Я никогда больше не хотела бы видеть этого выражения на его лице. Сквозь слёзы, вдруг

почему-то застилающие глаза, я увидела, что к нам приближается Конрад. Юджин махнул ему рукой, чтобы не подходил, не мешал этой глупой сцене. Гидеон наконец прекратил терзать мою причёску и успокоился (подслушивал, гадкая птица!).

— Не в этом дело, — ответила я, облизывая пересохшие губы. В горле тоже было сухо, почти больно.

— А в чём же тогда?

— Мне здесь не место.

— Что за глупость?..

Он явно собирался сказать что-то ещё, но я перебила его.

— Я знаю про порталы. Они ведь есть у каждого бедняка, я бы хотела опросить людей, найти портал, ведущий в мой мир.

— Как тебе будет угодно, — сухо сказал Юджин, после чего церемонно поклонился и больше не смотрел в мою сторону.

Да, я считала, что будет лучше, если я уеду, но при этом я отчаянно хотела, чтобы он меня остановил, чтобы попросил остаться или хотя бы намекнул, что не хочет моего отъезда. В какой-то момент я перестала понимать сама себя. Но вместо того, чтобы хоть как-то обозначить свою позицию по вопросу моего отъезда, Юджин сделал знак Конраду, чтобы подошёл ближе, а сам направился в сторону Дворца.

Может быть, я совершила самую большую глупость в своей жизни, зато сохранила спокойствие в целом государстве.

* * *

По моей просьбе Юджин созвал тех из своих подданных, кто имел во владении исправный портал. Люди тянулись к Дворцу активным ручейком, с энтузиазмом рассказывая всё, что бы мы с Вадимом не спросили. Он, кстати, был благодарен мне за помощь с порталами и вёл себя почти что как нормальный человек. Иногда к нам присоединилась Кайла с горящим обручем на голове, скорее от скуки нежели по другой причине. Она думала, что я налаживаю дипломатические отношения с другим миром, а не сбегая от её брата. Некоторые парни приходили поглазеть на принцессу, простояв в очереди и промямливая что-то нелепое перед нами, они признавались, что портала у них нет. Тогда Кайла хитро улыбалась, задирала вверх острый подбородок и уходила, махнув напоследок длинным шлейфом. Кроме неё иногда приходили Конрад с Серджиусом, обычно по отдельности. Первый приветливо встречал горожан, беседовал с ними, отвечал на бытовые вопросы, приносил обеды и воду всем желающим. Серджиус обычно стоял у меня за спиной и молчал, изредка задавая пару вопросов особо подозрительным личностям. Его расследование никуда не двигалось, как я понимаю, поэтому он использовал неожиданно предоставившуюся ему возможность просмотреть и прослушать большую часть горожан. На мой взгляд никто из тех, кто пришёл к нам с порталами, не знал ничего об убийствах, многие даже не были в курсе, что кого-то убивают. Их вообще проблема революционного движения волновала только в том свете, что агитационные речи раздражают их и вызывают изжогу.

Из тронного зала на время убрали трон, зато поставили кресла для нас и парты для горожан, из-за чего помещение превратилось в студенческую аудиторию. К счастью, мне не пришлось ни учиться, ни учить кого бы то ни было, это явно не моя стезя.

В общем и целом это было утомительно. Как и говорил Вадим, догадаться, куда ведёт портал было практически невозможно. Особенно не обладая отличным знанием географии. Стоит ли уточнять, что я ими не обладаю? Журналисты знают всего понемногу, и географии я знаю совсем-совсем немного, то есть в курсе, что Париж — город, а Франция — страна, но не более того.

Для придания происходящему хоть какой-нибудь упорядоченности, каждый день мы с Вадимом отбирали по несколько человек, в рассказах которых проскальзывало что-то знакомое. Обычно это были описания мегаполиса с кучей народа и шумными улицами, но это вполне могло быть как Токио, так и Нью-Йорк. Иногда люди говорили то, что по их мнению мы хотели услышать. В один прекрасный день, например, состоялся вот такой диалог с одной симпатичной, но туповатой поварихой:

«Я: Вы случайно не видели бегущего по фиолетовой траве коня с рогом между ушей в упряжке с бороатым толстяком в красном костюме?

Повариха: Именно это и видела, леди Марта. Жизнью клянусь.

Вадим: Сие действие не сопровождалось ли радугой?

Повариха: Вот вы прямо как говорите, так и есть.

Вадим: Маленькие зелёные...

Я: Хватит».

О чём думала эта женщина? Если бы из-за её портала будущая королева провалилась бы в какой-то непонятный мир, ей бы пришлось несладко. К тому же эту дикость услышал Серджиус, который тут же вышел из зала, не сказав ни слова. Никогда ещё в своей жизни я не видела, чтобы брови человека находились так высоко на лбу, а лицо выражало такую глубокую разочарованность во всём человеческом роде.

В день, когда мы наткнулись на Рейл-ло, Вадим уже впал в то состояние, когда глаза стекленеют и не слышишь ничего из того бреда, что тебе пытаются впарить, а у меня наоборот случился прилив. Нам сказочно повезло, что наши ритмы не совпадали. Перед нами сидел зажиточный мужчина, круглый, загорелый и румяный, с тонкими светлыми волосами, через которые просвечивал розовый череп, в длинном фиолетово-бордовом плаще-халате, с золотыми застёжками. Абсолютно невозмутимый, сонно-довольный он держал пухлые руки, унизанные кольцами, на животе. Хитрый кот, выжравший всю сметану в доме и чрезвычайно довольный собой, вот кого он мне напоминал. При всей своей толстоте и детском румянце он был достаточно привлекателен, как и все жители Эяа. «Господин Рейл-ло», — сказал нам маленький человечек, с подобострастным видом усаживающий своего хозяина на место. Где-то я уже слышала это имя.

— Ваш... — я силилась подобрать слово, — бизнес связан с другим миром?

— В некоторой степени, — гордо ответил господин Рейл-ло. — Я развожу коз.

— Расскажите, пожалуйста, о месте, куда ведёт портал. Как можно подробнее, если вас не затруднит.

«Если вас не затруднит» — тьфу, гадость какая. Будущая королева любезничает с мужиком, крадущим в соседнем мире коз, абсурд какой-то. Наверняка в одном из его многочисленных колец — кристалл с заклинанием значительности. Грязный приём, приличные люди такими вещами не пользуются. Далее последовал многословный, невыносимо скучный рассказ о том, как происходило становление животноводческого бизнеса этого значительного товарища. Мой мозг расплавил бы сам себя, лишь бы не слушать эту ересь, но предчувствие зудело у меня в груди, говоря, что цель близко.

— Ваша история невероятно... интересна, господин Рейл-ло, уверена, историки найдут её не только увлекательной, но и полезной для будущих поколений. — Как сказала! Жаль, что никто, кроме козовода, не слышал. — Однако же меня в первую очередь интересует место, куда ведёт портал.

Ещё немного о себе любимом, и Рейл-ло выдал наконец то, что я от него ждала: «Сначала никого не было, поле, а вдалеке город, но потом появились люди, большое скопление людей. Одни были в странной одежде, тогда ещё не тёплой, но странной, а сейчас ходят кто в шубах, кто в надутых куртках, но другие в такой, как у нас. Жена моя говорит, что платья ихние давно не в моде, но это она у меня по первой моде одета, не все же такие, правда? Что ещё вам сказать... Крик стоит — кошмар, воздух ужасный — в носу щиплет, глаза слезятся».

Я врезала Вадиму локтём под рёбра, чтобы слушал внимательнее. Он протёр глаза, проморгался.

— Это наша съёмочная площадка, — прошептала я ему на ухо.

— Серьёзно, что ли?

Я кивнула. Рейл-ло заметил наше оживление, весь аж залоснился от удовольствия, как круглая жирная булочка.

Это, конечно, было потрясающим везением. Мы надеялись найти портал, ведущий в любую точку России, ведь ни документов, ни денег у нас не было, а по России как-нибудь добрались бы до дома, но найти портал, находящийся в трёх километрах от Москвы — неслыханная удача.

Окрылённые успехом, мы с Вадимом пошли праздновать в Город. Научившись на своих ошибках, я в этот раз изменила внешность и без риска быть узнанной с удовольствием глазела по сторонам. Горожане готовились к коронации, к свадьбе, к присяге, все три события должны были произойти в течение недели и отмечаться с особой пышностью. На улицах и площадях крутились проекции — Юджина, Кайлы, королевского символа, проекции Конрада (то есть на самом деле Серджиуса) продолжали залихватски раскручивать свои мечи. Продавались флажки и вымпелы с воронами, сувениры, прочая декоративная чепуха, которую дети клянчили у родителей и пытались украсть с помощью магии. Люди выглядели счастливыми, их не заботили ни убийства, ни покушения, ни революционеры. Платья мои окончательно вошли в моду, чему нельзя было не порадоваться, даже мужчины украшали теперь узорами свои плащи. А что, может остаться в качестве модельера, а не супруги короля? Но увы, для Юджина это будет слишком, а я, принимая решение, руководствовалась в первую очередь его интересами.

Мы побродили немного по Городу, Вадиму удалось незаметно затащить меня на рынок, где он долго и шумно торговался с продавцом кучи спутанных проводов, потом я продемонстрировала свою главную находку — стойку с жареным мясом. Блаженство, написанное на лице Вадима, когда он откусил первый кусок, было неповторимым. Несмотря на то, что мы теперь знали источник этого божественного мяса, а именно жалкого, мелкого человечка Рейл-ло, наслаждению это почему-то не мешало. Синдром корпораций, не иначе, вроде бы и знаешь, что огромная корпорация обкрадывает простых людей, а не платить им деньги не можешь, потому что и качество лучше, и стоит дешевле.

Одно из немногих кафе, не находящихся в оранжерее, было стилизовано под гномий грот. Не то чтобы мне или Вадиму нравился подобный стиль, но от распыляемого в оранжерях воздуха у нас, москвичей, генетически привыкших к выхлопам, кружилась

голова. Стены в кафе были украшены искусственным камнем, столы напоминали уменьшенные копии Стоунхенджа. Вместо изящной посуды нам принесли грубые тарелки из глины, железные стаканы и никаких приборов. Есть полагалось руками. Официанты носили густые бороды и затупленные секиры на поясах, выглядело это вполне колоритно.

— Я решил пройти рыцарское испытание, — сказал мне Вадим, отпив из полуторалитрового стакана с пенящимся напитком яростно-розового цвета. Что-то вроде пива, но более крепкое.

— С ума сошёл? Ты вроде бы интернетом занимаешься.

— Буду совмещать. — Он пожал плечами. — Хочу взять от новой жизни всё.

— Не понимаю, чего именно ты хочешь взять от рыцарского испытания. Меч Серджиуса в бок?

Я, понятное дело, драматизировала, и Серджиус не зарезал бы претендента на должность офицера в армию под своим началом, но нужно же было остудить пыл этого новоиспечённого героя. Не все, кто попадает в другую реальность, является избранным, поэтому ненужно сразу же подставлять свою голову под меч.

— Не получится, попробую ещё раз.

— Как вообще тебе пришло в голову, что ты сможешь выдержать хоть минуту наедине с Серджиусом и всей его амуницией?

Снова вспомнив Серджиуса с его дополнительными руками, мечами, арбалетом, да и попросту богатырской силой и долгими годами тренировок, у меня мурашки по коже побежали. Какую нужно иметь смелость, чтобы решить с ним сразиться. Смелость или восхитительную глупость.

— У меня есть небольшой козырь в рукаве, — сказал Вадим и подмигнул мне.

— Как бы тебе не отрубили руку вместе с рукавом до того, как ты успеешь достать козырь.

Повторюсь, кровожадностью Серджиус не отличается, да и рыцарское испытание давно стало данью традициям, исход поединка решался заранее в зависимости оттого, хотел Серджиус принимать в своё войско того или иного человека или нет. Вадим знал нечто, чего не знала я, а главное — не знал Серджиус. Словом, для последнего поединок мог обернуться конфузом.

— Ты же не собираешься серьёзно покалечить Серджиуса? — уточнила я на всякий случай.

Он поморщился.

— За кого ты меня принимаешь?.. Так, может врежу в нос. Это уж он точно заслужил, думаю, ты не будешь спорить.

— Пфф, — я фыркнула и с чувством выполненного долга отпила от своего напитка, куда менее экстравагантного, чем у Вадима.

Конечно Серджиус заслужил расквашенный нос. Ещё как. От его самодовольства у меня во рту кислый привкус появляется. И естественно, я должна буду при этом присутствовать.

* * *

Пока я гуляла и отмечала свою маленькую победу, оказалось, что Юджин потерял меня и поднял на ноги всю дворцовую охрану. Конрад метался по Городу, как загнанный щенок,

который не может найти хозяина, но очень старается. Я встретила его на пороге — красного, запыхавшегося, он где-то потерял свой китель. «Иди скорее!» — пробормотал он, силой впихивая меня за двери. Когда я вошла во Дворец одна (только заприметив проблемы, Вадим быстренько ретировался, чтобы тоже не попасть под раздачу) и в полном недоумении, что случилось, Юджин живописно всплеснул руками, изображая одновременно недовольство и облегчение.

— Где ты была?!

— Не помню, чтобы от меня требовался отчёт, куда и с кем я хожу.

Он отступил на шаг назад с таким выражением лица, как будто я глубоко оскорбила всех его родственников до десятого колена, плюнула на их могилы и обозвала его самого тем ругательным словом на древнем наречии, которое иначе как шёпотом не говорили даже самые отчаянные смельчаки.

— Никто и не говорил об отчёте, Марта, но в свете похищения хотелось бы, чтобы ты сообщала... не обязательно мне, если не хочешь, кому угодно о своём местонахождении.

— Ладно. Тем более что скоро такой проблемы не будет. Мы нашли нужный портал.

Юджин дёрнулся. «Так скоро?», — говорил его взгляд. Но когда он заговорил, голос был относительно спокойный и будто бы безразличный.

— Что ж, поздравляю. Не понимаю, правда, к чему такая спешка. Почему ты хочешь скорее уехать?

Нет, вот что он пытается мне сказать? Что я должна выйти замуж за едва знакомого человека и править страной, в которой я не прожила и трёх месяцев?

— А чего хочешь ты, Юджин?

Он отвёл взгляд.

— Мои желания не имеют равным счётом никакого значения.

Я вспомнила слова Кайлы, когда она разоткровенничалась о брате, и в очередной раз поняла — это философия его жизни. Он не привык делать что-то для себя, не привык просить ради себя и совсем не умеет о себе заботиться. Ему нужен тот, кто будет делать это за него, но не я, я не готова к такой ответственности.

С превеликим удовольствием оставлю историю о портале и Рейл-ло с его козами на потом, поскольку произошедшие тогда же события представляют куда больший интерес, нежели капризы зажиточного бизнесмена или причуды юного принца Великого и Полного Жизни государства Эя. Несмотря на то, что во владениях этого самого склонного к чудачествам юноши у меня оставалось лишь одно дело, оно-то неожиданно и разорвалось мне снарядом прямо в лицо.

Билеты на рыцарское испытание были розданы в первые два дня, и я вместе со всем честным народом предвкушала развлечение. Везде люди готовы смотреть на публичное побоище, а ещё лучше если имеется возможность поболеть за одну из участвующих сторон. Специально для этого народу раздавали флажки и вымпелы, кто-то предпочитал хорошо знакомого, железного рыцаря, верного их возлюбленному Вороньему принцу, других восхищал смелый чужеземец, бросивший вызов искуснейшему воину королевства. Что касается меня, то не скажу точно, чьё фиаско порадовало меня больше, любой исход событий будет более чем удовлетворителен. В это-то и вся прелесть! Ну не могу же я в самом деле уехать не дождавшись грандиозного провала Серджиуса или Вадима. Оговорюсь, что не желаю зла ни одному из них и не хочу, чтобы они серьёзно покалечились, но характер обоих заставлял отчаянно желать о незначительном публичном унижении.

С помощью магии на главной площади установили трибуны из чёрного камня, они как будто сами выросли из брусчатки. Окинув взглядом получившуюся конструкцию, я заметила Конрада и его «группировку», наблюдающими за порядком с верхних рядов. Как только один из зрителей начал проявлять нетрезвую активность, пятнышко красного кителя Конрада метнулось в ту сторону и вежливо, с улыбочкой, под локоток увёл буйного товарища за пределы площади. По трибунам прогуливались красивые улыбчивые девушки в одинаковых чернично-чёрных платьях со стеклянными фигурками воронов в высоких причёсках, они раздавали заткнутые за пояс флажки с королевской символикой всем желающим, в основном детям, и провожали зрителей на места. Брусчатку на арену засыпали блестящим, мелким песком, похожим на чёрные пепел. Когда маленький мальчик с трибуны бросил соску, на арене мигом очутились специально обученные люди, подобрали соску, пригладили песок и вернули пропажу малышу, предварительно очистив её магией.

Кайла пришла раньше всех из нашей «королевской» ложи, ей доставляло ничем не сравнимое удовольствие наблюдать за юношами, которые из-за неё спотыкались на пути к своей скамье. Она снисходительно улыбалась им одними уголками губ, и каждому мерещился некий тайный знак, призрачный кивок, одним словом, надежда на большее. Белое платье принцессы расположилось на три дополнительных места: шлейф — на одно заднее, и рукава, спускающиеся до пола, — на два сбоку. По перекладине, огораживающей ложу, туда-сюда прохаживался Гидеон, который в честь мероприятия был наряжен в праздничную треугольную шапочку. Когда пришла я, рядом с Кайлой, в середине ложи, сидел Рихард, с пристрастием разглядывая разномастную толпу своих подданных. По правую руку от него было место Юджина, которое пришлось занять мне, сам принц где-то пропал. Рихард источал недовольство по этому поводу и не сказал мне ни слова, хотя пару дней назад мы были чуть ли ни лучшими друзьями, вместе планирующими свадьбу.

За пару секунд до официального начала поединка Юджин всё же объявился в компании

с Иоландой, оба чем-то серьёзно озабоченные. По трибунам прошёлся любопытный шепоток, Кайла подняла одну бровь, вопросительно глядя на Рихарда, тот промолчал. Мне же совсем не интересно, чем он занимался. Совершенно не интересно.

Иоланда устроилась с левой стороны от Кайлы, с особым тактом не задев её платья, но и себе не причиняя дискомфорта, усаживаясь на самый край, — скамейка с помощью магии удлинилась.

А я наконец рассмотрела Юджина, которого первый раз видела в форме, сперва его наряд вызвал у меня смех. Чёрная прилегающая броня, цветом слегка отдающая металлом, похожая на очень плотный спандекс — двубортная короткая шинель с золотыми пуговицами и брюки, заправленный в высокие сапоги, широкий меч в золотых ножнах, тщательно убранные со лба волосы. На плечи наброшена накидка с эполетами из крупных иссиня-чёрных перьев. Когда первый порыв рассмеяться прошёл, у меня горло сжало от какого-то непонятого мне пока чувства. Светящаяся корона отбрасывала глубокие тени, сильное, резко очерченное лицо Юджина выглядело почти неживым, как профиль на монетах или статуя в тронном зале. Почему я постоянно забываю, что он не просто парень, в которого я имела неосторожность немного влюбиться, а самый настоящий, «всамделишный» правитель огромного государства. «Вороний принц», с почтением шептали обычные люди.

Он сел рядом со мной, хотел что-то сказать, но передумал, немного поёрзал, потом замер и просидел в одной позе слишком долго для того, чтобы это могло быть удобным, и всё же, не выдержав, заговорил:

— В вашем мире много воинов?

— Как бы тебе сказать...

— Но у Вадима же есть боевой опыт?

— Если размахивание деревянной палкой в компании других задротов считать боевым опытом, то несомненно.

Юджин рассмеялся и сокрушенно покачал головой.

— Это закончится катастрофой.

Вот не надо говорить таких вещей. Никогда!

— Серджиус не станет никого калечить на виду у всего Города.

— Ну-у, — с сомнением протянул Юджин.

— Уже были прецеденты?

Ответа я не услышала, потому что раздался громовой рокот фанфар. Усиленным с помощью магии голосом регент Рихард объявил о начале поединка, попросил Кайлу подойти к краю трибуны и подарить участникам по поцелую наудачу. Принцесса кокетливо чмокнула обоих в щёку под одобрительный рёв толпы, Вадим смутился и слегка покраснел, у Серджиуса это событие не вызывало никаких эмоций, как будто его поцеловала пожилая родственница, а не молодая красивая девушка. Кайла тихонько хихикнула и, гордо задрав подбородок, села на своё место.

Юджин перестал дёргаться и ёрзать, застыл в одном положении с выпрямленной спиной и задранном кверху подбородком, прямо как у сестры, но для меня его присутствие рядом, в такой близости, само по себе было чем-то слишком осязаемым, как будто каждый его вздох отзывался во мне. О чём бы я ни пыталась подумать, на чём бы ни старалась сосредоточиться, все ощущения сводились, как в точке фокуса, на нём, на его полыхающих волосах, тяжёлом профиле, вздымании и опускании стиснутой бронёй груди. Может быть, эта мука и есть то, что называют любовью?

Серджиус вышел в центр арены. Он был без крыльев, с одной парой рук (видимо, чтобы уравнивать шансы), в каждой из которых он держал по мечу с белым лезвием, в своей серебристой военной форме с погонями из белых кристаллов, возвышающимися над его плечами небольшими башенками. К нему подошёл Вадим, подстриженный, гладко выбритый, в болтающейся броне — тёмно-серой, новичковой, сшитой не на него, с длинным мечом в нетвёрдой руке. Классические мечи в Эяа были относительно коротким — они ковались для каждого воина лично в зависимости от длины руки от локтя до кончиков пальцев. Прозрачный шлем на голове у Вадима делал его похожим на начинающего роллера, который боится размозжить голову об асфальт, но упрямое, практически злое выражение его лица убивало желание рассмеяться. Их с Серджиусом разница в росте и телосложении выглядела комичной, как в басне про слона и моську, однако в данном случае моська вполне могла покусать слона.

Они коснулись ладонью об ладонь в знак взаимного уважения. Рука Серджиуса в тонкой белой перчатке задержалась в контакте с нетвёрдой рукой Вадима в чёрной кожаной перчатке. Он волновался или, может быть, пребывал в том приподнятом возбуждении, которое обычно преследует человека перед важным событием, способным изменить его жизнь.

Гонг возвестил о том, что можно начинать побоище. Не дожидаясь первого хода от противника, Серджиус взмахнул мечами, которые выглядели продолжением его рук, Вадим с трудом блокировал выпад, отклонившись назад. Он явно держал меч не в первый раз, но до мастерства Серджиуса ему было далеко. Слева от меня Рихард скучающе вздохнул, Кайла строила глазки кому-то на противоположной трибуне, Юджин вообще не смотрел на арену, напряженно вглядываясь в небо (чего он там не видел?), когда случилось кое-что, намертво приковавшее внимание даже самых безразличных зрителей. Вадим выставил вперёд ладонь, как будто хотел остановить Серджиуса с помощью магии (он, как и я, пока не научился колдовать без помощи рук), и... Серджиус замер. Никогда не забуду его взгляд, одновременно испуганный и удивлённый. Ещё секунда и остриё меча оказалось бы у него под подбородком, но он вовремя высвободился из транса, и отбил удар. Вадим взмахнул руками, и оба меча отлетели на пару метров. Кто-то на трибуне громко охнул. Юджин чуть было не встал, он испугался за лучшего друга. Может быть, зря я не сказала про то, что Вадим что-то задумал. Само по себе заклинание левитации легче некуда, тем более что мечи тяжёлые и хорошо поддаются воздействию, но боевое оружие, особенно используемое солдатами королевской армии, специально для таких случаев защищается всеми возможными щитами против магических атак. То, что сделал Вадим, невозможно. Юджин впился в своё колено железной хваткой, от напряжения его челюсть образовала прямой угол.

Мотая головой, чтобы сбросить заморозку, встряхивая плечами, Серджиус еле-еле поднял руку с браслетом, в котором был чёрный кристалл, вызывающий дополнительные конечности, посмотрел на него как на предавшего друга, и тяжёлым движением — таким тяжёлым, что казалось, сейчас скрип послышится — взял висящий на спине арбалет (я ещё подумала — он что, собирается стрелять в упор?), размахнулся и со всей силы ударил Вадима по лицу. Это был грязный ход, ненужное проявление жестокости. Его можно было понять: Серджиуса тренировали с раннего детства, каждый бой для него — на смерть, сработали рефлекс, когда противник загнал его в угол. Но ход был всё равно грязный — арбалет тяжёлый, удар, нацеленный не остановить, а изуродовать. Голова Вадима дёрнулась, словно и не была прикреплена к телу, на чёрный песок закапала кровь. Он упал на колени,

ощупывая одной рукой пострадавшую щеку, а другой останавливая Серджиуса. На этот раз заклинание сработало в полную мощь, Серджиус не мог пошевелить ни одним мускулом — застыл его рот, искривлённый злобой, яростный взгляд повис в воздухе кинжалом. Мне вдруг стало невыносимо его жаль. Лучшего солдата обезоружил какой-то нелепый чужеземец в броне с чужого плеча. Так опозориться перед людьми, защите жизни которых он посвятил всего себя!

Когда Вадим отнял руку от лица по трибуне прошёлся испуганный вздох, правая сторона превратилась в кровавую кашу, шлем в этом месте раскрошился и прозрачными осколками впился в истекающую кровью массу. Он поднялся, не обращая внимания на боль, глядя вперёд невидящим взглядом. Серджиус продолжал стоять, не шевелясь. Грязный, в багровый потёках, арбалет повержено валялся у его ног. Медленно, как будто бы лениво, улыбаясь нетронутой половиной рта, Вадим поднёс остриё меча к груди Серджиуса, который смотрел на него, пытаясь убить взглядом.

Напряжённый Юджин посмотрел сквозь меня на дядю. Рихард объявил победителя. Вадим выронил меч, Серджиус упал на землю как тряпичная кукла, оба выглядели выжатыми до предела, едва живыми. Девушка в чернично-чёрном платье вынесла в центр арену заранее подготовленные крылья серого цвета, положенные по протоколу младшим офицерам. Вадим смог приподняться на одном локте, вддел руку в крепление, но окончательно сесть не смог, перья окропились кровью, но даже эти небольшие неудобства не смогли унять энтузиазма толпы. Гонг обозначил перерыв. Трибуны шумели как в разгар футбольного матча, у горожан появилась отличная тема для сплетен на обозримое будущее. Столько легенд они смогут придумать о загадочном чужаке, владеющем магией на уровне первых орденских Жрецов. Его теперь наверняка назовут избранным, на рыночной площади поставят проекцию, запишут в исторические книги. Ну что же, Вадим исполнил свою главную мечту — стать кем-то значимым. Я хотела порадоваться за него, но почему-то не получалось. Тем временем Серджиуса под руку двое Жрецов отвели в лечебный шатёр, скрытый под нижним навесом трибун.

— Как такое могло случиться? — беспомощно спросил Юджин.

Я пожалала плечами, не глядя на него, но и он обращался не ко мне. К нам подошла Иоланда. Впервые я заметила в её больших тёмных, как спелые черешни, глазах беспокойство.

— Ты знаешь как, — ответила она.

Юджин тяжело вздохнул. Меня по-прежнему беспокоило каждое его движение, между нами незаметно образовалась странная, напряженная почти физическая связь. Он разрывался.

— Мы доверяем ему? — спросил он у Иоланды.

— До сих пор я не заметила в мыслях у Вадима ничего опасного, однако он мог заблокировать моё воздействие.

— Марта? — с надеждой спросил Юджин.

— Я знаю его на два часа дольше вашего.

Точно, Вадим теперь представлял угрозу государственной безопасности, а я всё о сбывшихся мечтах и пережитом позоре думаю. Пожалуй, я должна была предупредить Серджиуса, но он вообще-то пострадал в меньшей степени. Ничего страшного пока не случилось.

По традиции в следующем этапе поединка принц должен был сразиться с одним из

своих высокопоставленных офицеров, таким образом доказав, что несмотря на наличие проигравших и победителей, главный воин в этом королевстве — он. Обычно они с Серджиусом проводили образцово-показательный поединок — зрелищный, полностью постановочный, судя по голографическим записям, что мне удалось посмотреть, завораживающе красивый, со взлётами, пируэтами, двойными сальто и тем самым звуком, которым меч разрезает воздух «вуууш». Но сейчас Серджиус был не в том состоянии, чтобы прыгать через голову, свою или противника. Вместо него на арену вышла высокая светловолосая девушка со строгим, почти хмурым лицом, в серебристой форме с белыми кристаллами на погонах, что выдавало в ней не последнего человека в армии, в руках она держала два остроконечных меча, больше похожих на небольшие шпаги. За её спиной белели два массивных крыла, которые делали воительницу похожей на грозного ангела мщения. Даже прозрачный шлем на ней не смотрелся как на пугливом любителе роликовых коньков.

Перед тем, как покинуть трибуну, Юджин поцеловал мои руки, как требовал того этикет, под громкий одобрительный гомон, и я чуть было не остановила его. Какая глупость эти поединки! Кому хочется смотреть на то, как любимый человек уходит? Его пальцы, ещё не затянутые в перчатки ободряюще сжали мой локоть, и я почти успокоилась, когда смотрела на его фигуру, удаляющуюся от меня чёрной скалой.

Когда Юджин прошествовал к середине площадки, теперь уже в полном обмундировании, у меня снова перехватило дыхание. На голову он надел шлем, покрытый чёрными перьями, заострённый в форме клюва, чёрные крылья беспокойно шелестели на ветру, золотой меч с чёрной рукояткой и чёрным же кристаллитом приглушённо светился. Только бы в его жизни никогда не случилось повода одеваться во всю эту красоту, чтобы пролить чужую кровь.

Он взлетел легко, как птица. Меч прочертил в воздухе чёрную светящуюся дугу. Кто-то из нашей ложи обратился ко мне, но я не могла слушать, в уши будто воды налили. Противница Юджина тоже поднялась ввысь, но чуть ниже, она раскрылась для удара, отводя мечи в стороны. Она взмахнула крылом, оборачиваясь вправо и выбросила руку в атаку, которую Юджин отбил перекувырнувшись вниз головой, заняв позицию пикирующей хищной птицы. После этого Юджин ещё пару раз атаковал, но девушка использовала неизвестное мне заклинание, благодаря которому закружилась волчком, так и отбивая все удары из своего кокона из перьев и стали.

Юджин взлетел ещё выше, и толпа, устремившаяся взглядами за его силуэтом, испуганно взревела.

На нас падало небо.

Вот уж не знаю, как бы красиво описать падающее небо... Думаю, что ничего не идёт в сравнение с монументальностью фразой «небо упало». Белые пушистые овечки уже не казались такими же безобидными, они стали боевыми гигантскими овцами; небесная синь старалась залить нас наподобие океана. Это вообще сильно напоминало океанский шторм с его пенистыми волнами и синими покровами. Ощущение стихийного бедствия накатывало со всех сторон, люди начинали сходить с ума, разбегаясь в разные стороны.

С усилием отодрав взгляд от катастрофически приближающегося к земле небосклона, я сразу же нашла глазами Юджина. Он крикнул Иоланде что-то на древнем наречии, из чего я поняла только самое простое «иди». Я повернулась к ней, но увидела лишь её быстро удаляющуюся спину. Рихард подозвал к себе Конрада, быстро, пулемётной дробью выдал ему указания, и они разошлись. И Рихард, и команда Конрада, и девушки с фигурками воронов на голове организовывали людей. Серджиус, на ходу высвобождаясь из пут лечебных заклинаний, отряхивая их, как паутину, выбежал на арену к Юджину. Оставив недоумевающую и перепуганную Кайлу с её громоподобно каркающим питомцем, я перепрыгнула через ограду трибуны (куда менее изящно, чем требовал от меня этикет) и ринулась к Юджину. Когда я добралась до середины, где он уже не понимал происходящего, сидя на коленях в магическом трансе. Нимб светился над головой, под закрытыми веками золотым горели глаза, словно оттуда текло жидкое золото. Он держал небо!

До сих пор я слышала о силе Юджина, пожалуй, что даже чувствовала её, но не имела возможности лицезреть вживую. Господи, он держал небо в одиночку.

Серджиус посмотрел на меня напуганным, жалким взглядом, который появлялся на его неприспособленном для страха лице второй раз за день, будучи относительно слабым магом, он ничем не мог помочь Юджину. Если не рассчитать свои силы, можно рассыпаться под напором магии, треснуть, как хрупкая стеклянная песчинка, и если не умереть, то навсегда остаться овощем. То, на что решился Юджин, требовало невероятного мужества, а он сделал это, не задумываясь. Ради благополучия своих людей он готов умереть и готов остаться инвалидом. Как я могла подумать, что у меня получится оставить его?

Иоланда, наверняка, побежала за подкреплением из Храма, который живёт сам в себе, не видя ничего вокруг за своими глухими стенами. Ещё минут десять ждать от них помощи не приходится.

— Давай, — Серджиус кивнул. Не знаю как, но я поняла, что он имел в виду, но в тот момент я ни секунды не сомневалась.

Я опустилась на колени перед Юджином, взяла его за руки и положила голову ему на плечо. Я рухнула в его магически раскрытые объятия, он не обнял меня, но я почувствовала какое-то более глубокое единение — он принял меня всю, как часть себя, часть своей магической сущности. Руки путались в перьях, перья лезли в глаза, но я прижималась крепче и крепче. Медальон у меня на груди потеплел, качнулся и прилип к груди Юджина, как примагнитился. Я отдавала всё, что могла, все силы, о наличии которых я знала, и даже те, о которых раньше не подозревала, всё то бессмысленное, что копилось девятнадцать лет и не находило выхода.

А потом чёрные крылья накрыли нас обоих с головой и стало темно.

Вроде бы помню, но как бы и нет, как прибыли Иоланда с Орденом, восстановили контроль над положением Облачного Города, как обмяк в моих объятиях Юджин и погас медальон, как нас доставили во Дворец, не расцепляя. Всё это происходило как в тумане. Некоторое время мы лежали на излюбленном диване Серджиуса в приёмной, полуживые, жавшиеся друг к другу, как новорожденные слепые котята. Юджин уткнулся носом в мою ключицу, я просунула руку к нему под броню, чтобы прижаться к тёплому боку.

Первое, что я увидела, когда очнулась было серьёзное лицо Серджиуса. Я лежала, не в силах пошевелиться или приподнять голову, смотрела на усталый профиль Серджиуса, и готова была разреваться. Так глупо, чего тут плакать? Теперь уже всё хорошо, но слёзы упрямыми ручейками текли по моим щекам.

Это был момент истины. Я любила Юджина — нет, не с первого взгляда и не с первого сказанного слова. Я полюбила, ступив на эту землю, почувствовав, что он здесь, что всё закончилось, можно больше не бояться — *он здесь*.

— Твои эмоции могут ещё некоторое время быть чуть сбиты, преувеличены, — сказал Серджиус, заметил водопады, текущие с моего лица. — Оно и понятно, через тебя прошла мощная магическая волна.

Удивительно, он упустил момент поиздеваться надо мной. Неужели я была настолько жалкой?

— Почему ты здесь? — спросила я, пробуя голос, работает ли.

— Юджин прислал меня. Сам он прийти пока не может.

— Как он?

— Не плохо, но и сказать, что хорошо, я тоже не могу. Могу сходить за кристаллофонографом, поговоришь с ним, когда он проснётся.

— Почему он прислал именно тебя?

— Думаю, ты знаешь ответ.

— Ну ладно, допустим. Как твоя уязвлённая совесть?

Он поморщился.

— Тяжело, но мы с ней справляемся. Кроме того способность Вадима к блокировке магии будет мне очень-очень полезна, — тут его лицо приобрело хищное и мстительно выражение. — Раз уж он сам вызвался вступить в армию под моим командованием.

— Спуску ему не дашь?

— Можешь не сомневаться.

— Вот скажи мне — почему Юджин должен был делать это? Да ещё и в одиночку?

— «Это» в смысле держать Облачный Город? — Я кивнула. — Он сильный маг, сильнейший в своём поколении, так уж вышло, что он по совместительству будущий правитель.

— Он тоже сейчас рыдает? — спросила я сквозь слёзы, которые никак не желали прекращаться.

— Нет, в Ордене учат контролировать... даже не сами эмоции, а то, что маг демонстрирует окружающим. Внутри у них творится тот же раздрай, что и у тебя сейчас. В этом есть какая-то печальная ирония, — он вдруг разоткровенничался. — Самый сильный маг поколения единственный, кто не может вступить в Орден. Юджин — их главное

разочарование.

Кристалл-фонограф, принесённый Серджиусом, работал плохо, видимо его сбивали мои бушующие эмоции. После единственного нелепого разговора с Юджином, которого я еле-еле слышала и не поняла до конца ни одного предложения, я снова уснула.

То, что это сон, я поняла сразу. В первую очередь потому, что наша с Юджином свадьба происходила в районном отделении ЗАГСа. Наверное, в этом следует винить мою не до конца развитую фантазию, которая не смогла придумать ничего более оригинального: вроде свадьбы во время прыжка с парашютом или на пляже. Во всяком случае мы были счастливы, и остальное не имело значение. Моё белое платье со шлейфом, который мог бы соперничать с теми, что хранятся в гардеробе Кайлы, выглядело отлично. Гости были веселы и довольны. Я немного волновалась, опасаясь, что нечто пойдёт не по плану. После обязательной программы в виде Воробьевых Гор и памятника Неизвестному солдату, мы поехали на Чистые пруды, которые несмотря на хорошую погоду, были мрачноваты в своей интеллигентной кленовой меланхолии.

Со светлой, чистой радостью, подобной которой я никогда не испытывала в жизни, я смотрела на тонкие ободки колец у нас на пальцах, на горящий взгляд Юджина, на белую розу в его петлице и булавку для галстука с вороном. «Ты никогда не будешь одна», — сказал он и крепко сжал мою ладонь — ещё чуть-чуть и было бы больно.

Как вдруг вся свадебная процессия, которой я, надо сказать и раньше не замечала, пропала. Я крутилась, как заведённый волчок, но никого не было. Пруды отражали солнечный свет, скамейки ждали уставших путников, мимо неслись машины.

Серджиус полусидел, полулежал, как узник в карцере, который после пыток не имеет сил, чтобы сесть. Его руки были испачканы кровью, он постоянно касался лица, оставляя и на нём багряные разводы. Тут он увидел меня. Это рабское выражение лица вызывало отвращение, как будто он стал менее человеком, чем раньше. По его красному лицу текли слёзы, глаза вылезали из орбит. «Убей меня! Я тебя умоляю, дай мне умереть!»

— Ты видела сон обо мне, — бестактно сказал настоящий Серджиус, всё ещё дежуривший у моей кровати. Он не оторвался от книги, чтобы посмотреть на меня, но каким-то образом знал, что я проснулась.

Я по-прежнему чувствовала жуткую слабость и желание рыдать навзрыд, которое в этот раз мне удалось худо-бедно побороть.

— Думала, что ты будешь сидеть у постели Юджина и держать его за руку.

— Он попросил меня посидеть у твоей постели, насчёт рук никаких указаний не поступало, — отметил он с тенью улыбки на лице.

— Будешь уговаривать меня остаться?

— Зачем, если ты уже приняла решение?

— Но Юджин прислал тебя именно за этим.

— Юджин прислал меня потому, что он волнуется за твоё самочувствие, остальное для него не так важно.

На этом мы закончили прощупывать друг друга, и общение пошло куда лучше, мне почти расхотелось плакать.

Когда я смогла встать, первым делом попросила отвести меня к Юджину. Он тогда ещё ходить не мог.

Юджин сидел в кресле, на его коленях были разложены бумаги, но он смотрел в окно.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось участвовать в этом. Ты не должна была, — сказал он, разворачиваясь ко мне всем корпусом.

— Мне очень хотелось помочь, — беспомощно сказала я.

— И ты помогла. Даже не представляешь себе насколько сильно.

Меня снова начали душить слёзы. Осознание того, что Юджин испытывает сильное облегчение, видя меня, и не менее сильную благодарность, подарило мне крылья. Я хотела взлететь.

С того дня я проводила в комнате Юджина долгие часы. Вставать он уже мог, но ходил плохо. Мы превращали кресло в удобный диванчик, и часами могли проваляться скрутившись клубком. Мы смотрели в панорамные окна на бескрайние зелёные просторы, которые спустя пару недель перейдут во владения Юджина, слушали музыку, смотрели фильмы на кристаллических проигрывателях. Он рассказывал о жизни во Дворце, я тоже пыталась вспомнить какие-нибудь забавные случаи из детства. Обнимались, целовались, естественно — всё, как положено. У нас случился внезапный медовый месяц до свадьбы.

— Расскажи о своём первом настоящем бое, — попросила я, обхватив рукой золотой браслет на его руке, такие давались лишь побывавшим в битве.

— О, это был ужасный позор, — Юджин легко рассмеялся, так, как будто выпустил напряжение, скопившееся в его груди за век. — Но это был позор не только для меня, иначе бы Серджиус с Иоландой разболтали всё до последней подробности. Мне, значит, было пятнадцать, Серджиусу — шестнадцать, Ио — семнадцать. Битва была пустяковая, горцы стали напирать с северо-запада, наша помощь была не нужна, но дядя Рихард решил, что пора. Это решение, кстати, тогда прибавило ему полголовы седых волос, а ему-то и тридцати не было по тем временам. Итак, началось. Мы, перепуганные, не знаем, что делать. Иоланда перепутала все заклинания, которые только можно было перепутать. Серджиус вырубил себя своим же заклинанием, и провалялся в канаве всю битву. А на меня начал напирать один горец, уж не знаю, преувеличиваю я или нет, но тогда он казался мне нечеловеческих размеров лохматой громадиной. Он оттеснял меня к лесу, теснил-теснил, но тут я его и пырнул мечом в бок. Рана, думаю, не смертельная была, но долго бежать за мной он не смог. В итоге я оказался один в лесу. Дядя, узнав о том, что наследник пропал, едва ухом не двинулся. Я пришёл во Дворец на вторые сутки сам, патруль меня не нашёл. Грязный, голодный, насупленный... Вот времена были, ни за что бы не хотел повторить.

Я тоже рассмеялась. Они трое казались мне такими серьёзными, недостижимыми, узнать об их мелких неудачах, детских причудах, помогало воспринимать их обычными людьми, просто обличенными чуть большей властью.

— Когда ты понял, что влюбился? — я спросила напрямую, с Юджином мне не хотелось юлить и увиливать, строить из себя кого-то, кем я не являюсь, хотя раньше я только так и жила. — Мне очень нужно это знать. Для моих личных, эгоистичных целей.

— В первый день, — ответил он, закрывая лицо руками. — Ты была смертельно оскорблена тем, что я не хочу на тебе жениться. И это при том, что я видел тебя впервые в жизни. Что за чокнутая, подумал я. Но уже вечером всё не мог выкинуть из головы выражение твоего лица, когда я сказал, что не хочу жениться, и понял, что улыбаюсь как дурак.

Он отнял руки от лица и посмотрел на меня сияющим взглядом своих синих-синих глаз, и я поцеловала его сама. Наши губы раскрылись, соприкасаясь, по телу разлилось тепло, как от рюмки вишнёвки. Рукой я взъерошила его причёску, он оглаживал мою спину, талию, как будто боялся спуститься чуть ниже.

— Откровенность за откровенность, — сказал Юджин, когда мы разорвали поцелуй, чтобы отдышаться. — Расскажи, что первое ты подумала, когда тебе сказали про возможность выйти замуж за принца.

— Вдруг он, то есть ты, будет старым и страшным, — ответила я предельно честно. Помню, я тогда ещё думала о принце Чарльзе.

Он, конечно, не имел ни малейшего понятия о том, кто такой принц Чарльз.

— То есть будь я старым и страшным, ты не ответила бы на мои чувства? — он притворно удивился.

Я наморщила нос.

— Ответила бы, наверное, но не так быстро, пришлось бы подольше поухаживать, а то как-то слишком легко я сдала свои баррикады.

— Леди, у вас тринадцать диадем из редчайших кристаллитов! — возмутился Юджин.

— Четырнадцать, — поправила я.

— Леди, у вас четырнадцать диадем с редчайшими кристаллитами! — повторно воскликнул он. — Вы ужасно меркантильны.

— Да, и я этого никогда не скрывала, между прочим.

Я понимала, что комната Юджина с его панорамными видами всего лишь временное убежище от наших проблем, но я планировала запомнить этот кусочек рая на всю жизнь. Нам приносили завтраки, обеды, ужины, всё, что было между ними и чего бы мы только не захотели. Впрочем, Юджин этим не злоупотреблял, в отличие от меня. Несмотря на то, что формально я не имела права жить с Юджином в одной комнате до свадьбы, но во-первых, мы обретались в кабинете, а не в спальне, а во-вторых, все церемонии были соблюдены. Пока. Не знаю, долго ли я смогу сдерживаться.

Мне ещё многое предстояло узнать о Юджине, если обстоятельства сложатся в нашу пользу, но уже сейчас я видела, как много он хочет отдать. И не из-за какой-то нерастроченной нежности — он нежен с сестрой, близок с друзьями, с теплотой вспоминает о родителях, с Рихардом их отношения были иногда напряжёнными, но в целом даже немного трогательными — а потому, что в нём невероятно много всего, что можно отдать. Он великий человек в том смысле, что он велик не только ростом или умом или деяниями или властью, но и в первую очередь душой.

Большую часть времени я лежала, обняв Юджина поперёк туловища, вытянув ноги на диване, пока он работал, то есть решал дела государственного значения. Часто заходила Кайла с радостно каркающим Гидеоном на плече, хвасталась обновками, рассказывала последние сплетни. Платья с узором из воронов с зелёными глазами — последний писк моды, в ателье нет отбоя от клиентов. Сама Кайла щеголяла каждый день в новом, но больше всего я оценила блузы с желтогрудками и красногрудками (местные аналоги синиц и снигирей) и бантами у левой ключицы. Мне не терпелось заняться массовым усовершенствованием одежды, как только Юджин окончательно поднимется на ноги... И, пожалуй, еды, но с этим стоило повременить. Как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не лезь, но я уже залезла, и мой устав пришёлся людям по вкусу, что уж тут сделаешь.

Иногда к нам приходил Серджиус с бумагами, и я дремала прямо у Юджина на коленях под их голоса. Кто бы мог подумать, что я привыкну к скрежещущему тембру Серджиуса и смогу спать под него.

— А что, по-моему, хорошо — будущие король с королевой держат небо над головой испуганных горожан, — сказал Серджиус, когда речь в очередной раз зашла о Дне, Когда Упало Небо (он теперь так и назывался). — Красота. Хоть сейчас на рекламную голограмму.

— С каких пор ты интересуешься политикой? — оборвал его Юджин. Политики ненавидят политику, странное противоречие.

— С тех пор, как стал первым советником принца, — саркастично ответил Серджиус.

* * *

Когда Юджин стал чувствовать себя лучше, я решила побывать у себя дома, несмотря на то, что я решила остаться в Эйа на обозримое будущее. Если представилась возможность попроситься с мамой и друзьями, забрать кое-какие вещи, завершить незаконченные дела, то почему бы этим шансом не воспользоваться. Да хотя бы чтоб в розыск не объявили и без вести пропавшей не признали. Однако Юджин моей логике не внял, он воспринял эту идею с не совсем понятной мне нервозностью, то есть запрещать на стал, даже недовольства не выказал, но согласился, странно хихикнув, и насупился, как маленький ребёнок.

По причине слабого пока что здоровья принц не мог совершать свои обычные нервные походы из угла в угол, но накрутить всех вокруг сумел. Когда нужно было решать какие-то дела, Серджиус, Иоланда, Конрад ходили вокруг него хороводом, как вокруг ёлки. Если в комнате была Кайла, то все собравшиеся ещё и хлюпали носом, потому что Кайле было грустно из-за мнимой размолвки между мной и Юджином.

— Кто пойдёт со мной? — спросила я однажды во время этих «хождений по мукам». — Юджин?

От моего предложения он отказался, но по лицу было видно, что воспринято оно с облегчением, поскольку сигнализировало, что уходить насовсем я не собираюсь. Оказалось, что членам королевской земли запрещено покидать пределы мира, поэтому «Я, я хочу!» Кайлы тоже было невозможно.

— Вадим? — я пошла дальше «по списку».

— Только ради того, чтобы собрать все нужные детали, — мрачно ответил он. Бородёнка у него снова отросла, видок был затрапезный и зародыши моей симпатии к нему завяли. Лицо ему подлечили, стало как новенькое, он сначала хотел оставить шрам, но Иоланда сказала, что в Эйа шрамы — прерогатива низших слоёв населения, которым не доступна магия, и Вадим передумал.

— Твои родители наверняка думают, что ты умер.

— Ну и пусть, мне плевать.

— Ладно, это тебе решать. Серджиус?

Да-да, мне невозможно хотелось понаблюдать за Серджиусом в своём родном мире: в метро в утренней давке, в очереди, в скрипящем от старости лифте.

— Ага, размечталась, — ответил он, разгадав мой хитрый план.

— Ну тогда, Кон, остался ты. С тобой мы начинали, с тобой и закончим.

— Закончим? — Юджин нахмурился.

— Это я так, для драматизма.

— Не надо драматизма, — сказал Серджиус, — за него у нас отвечают другие люди.

Кайла показала ему язык.

— Как говорил великий мыслитель Йук... — начал Конрад. Окончание фразы потонуло в общем хохоте, потому что Конрад цитировал великого мыслителя к месту и не к месту.

Перед отъездом мы зашли на рынок, в те отделы, где продавались иномирские вещи. Не носить же мне лёгкое платье в феврале месяце в Москве. За бесценок мне досталась толстенная пачка долларов, с которой продавец не знал, что делать, на которые я уже запланировала купить маме шубу, отчиму часы, затариться подарками для своих новых друзей в Эйа, ну и так, оставить часть родителям на прощание. Всегда мечтала так сделать.

Вадим пытался объяснить Конраду, как нужно одеться, но не слишком преуспел. На Конраде в итоге был надет красный пиджак (достаточно большой, но, правда, женского кроя), узкие джинсы (слишком узкие) и сапоги, которые хотели стать сапогами для верховой езды, но не смогли. В качестве компромисса Вадим заставил его надеть обычную белую рубашку. Мы с трудом пересчитали погоду в Москве на их градусы, но Конрад нам не внял, он согласился взять только прозрачный плащ-дождевик, несмотря на наши заверения, что от холода этот предмет гардероба не спасёт. Тайком я купила модный серый бушлат с фурнитурными погончиками и затолкала в мешок, который уменьшал содержимое. Себе я нашла хорошенький приталенный пуховичок ясно-голубого цвета, шерстяное платье пудрово-бежевого цвета и милые ботиночки. Вадим вернулся с рынка с кипой засаленных чёрных вещей.

В Москве заканчивалась зима, и делала она это отнюдь не красиво. Конрад по щиколотку увяз в первой же луже и отпрянул — нет, не разозлившись, — с искренним недоумением и удивлением. Ему бы и в голову не пришло, что люди по какой-то невероятной причине живут не в ладах с погодой. Вадим был менее впечатлителен, куда более раздражителен и привычен к вывертам зимне-весеннего периода.

Мы договорились встретиться на станции «Бутово» спустя сутки, Вадим решил не ехать с нами в город, то, что ему нужно, можно было достать только у подпольщиков, я же не пожелала вдаваться в подробности, отчасти потому, что не до конца понимала, зачем в Эйа интернет, отчасти потому, что более развёрнутая информация мне ничего бы не сказала.

Не буду много времени уделять рассказу о том, как я провела дома. «Я останусь с ним», — сказала я маме и, кажется, она всё поняла. Пообещав иногда приезжать, я поехала в свою съёмную однушку, которая после королевских апартаментов казалась ещё более убогой. Собрала вещи, представлявшие скорее память нежели ценность, оставила хозяйке оплату за два месяца вперёд и записку с извинениями. Взяла ноутбук (интернет же скоро будет). Всем друзьям я сообщила о своих приключениях по вадиковому телефону. История, правда, была несколько иная, согласно ей я встретила богатейшего австралийца с загорелым торсом и собственною яхтой и возвращаться домой в ближайшую тысячу лет не собираюсь. Интересно, у Юджина есть яхта?

Только будучи при смерти я бы не прошла последний раз по московским магазинам, да ещё и в компании с Конрадом. ГУМ, Охотный Ряд, ЦУМ, Европейский, магазины Москва-Сити — всё это мы не прошли, пробежали. Конрад остался равнодушен к галстукам, зато бабочки ему приглянулись. «Только не смей ввести их в моду, это будет кошмар». «Я осторожно», — отвечал он покупая тёмно-зелёную бабочку в светло-оранжевый мелкий горох. Кайле мы накупили ювелирных побрякушек, весом под килограмм; всяких платочков,

кулончиков, флаконов с духами — для девочек-служанок; Иоланде я приобрела своё любимой масло для волос, чтобы её чёрные тяжёлые локоны блестели ярче; Серджиусу — здоровенный колючий кактус, у них такие не растут. Специально для Юджина на брошке из чёрного серебра (в форме ворона, естественно) была сделана гравировка «Ю. от его загадочной иностранки». Брошка красивая, но только потом я подумала, что надпись может не перевестись, когда мы совершим переход в Эйа.

В конце дня я затащила Конрада в ночной клуб. Он долго пытался сохранить лицо, но иномирский алкоголь действовал на него слишком сильно, к тому же он не привык к такому громкому звуку, флуоресцентным вспышкам, прыгающим взмысленным телам, зато темп танца нашёл сразу же. Вот что значит прирождённый танцор.

К шести утра меня (а я подозреваю и Конрада) начал подгрызать стыд. Мы тут веселимся, а в Эйа, может, ещё кого-нибудь убили.

* * *

Почти так оно и было, с одной лишь разницей, что убийство произошло уже после того, как мы вернулись.

Наше возвращение определено было запоминающимся: Вадим с бабинами проводов, коробкой, наполненной чем-то лязгающим, и рюкзаком, в котором явно зарождалась новая жизнь; мы с Конрадом, вспотевшие, растрёпанные, с разноцветными пакетами из магазинов.

Я успела вручить визжащей от восторга Кайле её часть подарков, когда с улицы послышался гомон. Как я успела понять, это очень нехороший знак.

На этот раз рядом со стеной было спокойно, люди толпились у озера.

Озеро Юджина VI (не могу быть точно уверена в нумерации) горело.

Обычно безмятежная сине-зеленая водная гладь полыхала всеми оттенками яростно красного, ядовито оранжевого, резкой, опасной желтизной. Пламя отбрасывало зловещие тени на лица стражи, горожан и принца. Бледный, тяжело сжимающий челюсть Юджин стоял прямо, но я видела, каких усилий ему это стоит. Рихарда с Серджиусом не было видно. Конрад быстро сориентировался, начал организовывать оцепление.

Присмотревшись, я поняла, что горит не всё озеро, небольшой островок оставался нетронутым. В центре, на водной глади, лежало тело девушки, той, что состязалась с Юджином на рыцарском испытании. Её светлые волосы нимбом окружали голову, некоторые перья из белоснежных крыльев всплывали на поверхность. Снова никаких признаков насилия на первый взгляд, тело напоминало Офелию Уотерхауса — чистая эстетика, а соответственно — явная работа безумца.

Я подошла к Юджину, чтобы он незаметно опёрся на меня. Никто не обратит внимания на слабости принца, если он подержит свою невесту за локоток, и он с благодарностью принял ту небольшую долю помощи, которую я смогла ему оказать.

— Глейна была первым помощником Серджиуса, — с болью в голосе сказал Юджин. — Этот удар попадает слишком близко. Слишком близко, чтобы и дальше ничего не делать.

Мне не понравился его тон. И взгляд его мне тоже не понравился.

— Считаешь нужным пойти на крайние меры?

— В одиночку я не буду принимать подобное решение, — он сжал зубы, — но революционеры достаточно творили беззаконностей у меня под носом.

— Серджиус не нашёл ничего нового по предыдущим делам? — я решила переключить его внимание. — Что-то же их связывало? Хотя бы то, что все они служили в армии.

— Конечно, связывало. Конечно, они служили в армии. Зачем иначе их убивать? Революционеры устраняют наших лучших воинов, а я стою тут, пошатываясь, и ничего не могу сделать.

— Но зачем делать это... красиво?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Мы обязательно поговорим об этом. У тебя интересный взгляд... ты так часто говоришь про красоту, в нашей культуре не принято уделять внешнему много внимания.

— Наверное, поэтому у вас всё такое красивое. Когда не обращаешь внимания, оно само собой получается, верно?

— Но самое красивое существо во всём иномирье имело наглость родиться не в Эйа, а в какой-то Москве, — выдал мой жених неловкий комплимент. Может быть, и неловкий, но мне было приятно.

— Передам Вадиму.

Юджин зашёлся смехом, потом кашлем.

— Попытка сделать комплимент чуть не угробила меня.

— Пошли, — серьёзно сказала я, как будто не смутилась, — провожу до кабинета или куда ты там собираешься.

— Но оно того стоило.

— Что?

— Твоя улыбка, когда я сказал, про самое красивое существо.

— В следующий раз разрешаю называть меня просто девушкой, без всяких «существ».

Пока мы с Юджином потихоньку дошли до его кабинета, ко мне пришла неожиданная мысль. Красота в Эйа так мало значит, в силу своей распространённости, они не понимают до конца, чем обладают. Иоланда попросту стесняется, поэтому и повела себя так нелепо во время одного из уроков, поэтому избегала взгляда Вадима. Он ей понравился, и она думает, что у неё нет шанса, ведь он мало того, что иномирец, так ещё и великий воин с редкой способностью к блокировке магии, а она всего лишь сногсшибательная красавица и главный маг королевского Дворца, скромная дева. Эта мысль настолько потрясла всё моё существо, что я на секунду забыла не только про труп, но и про Юджина, который уже висел на моём плече.

— Надо было попросить кого-нибудь другого, — сказал он смутившись своей слабости.

— Нет, теперь ты от меня не отвяжешься.

— Для меня это очень серьёзно, — внезапно сказал он.

— Очень серьёзно, дотащу тебя до кабинета, мы забудем об этой маленькой королевской слабости, и всё сразу станет очень не серьёзно.

— Ты осталась ради меня?

— Дурак, что ли? Конечно, я осталась, чтобы ежедневно лицезреть кислую рожу Серджиуса и слушать его несносные тирады.

Для меня это тоже очень серьёзно, поняла я внезапно.

Оказалось (как всегда в случае с ним неожиданно), что у Климта есть в Москве связной. Не понятно, почему он это скрывал, и откуда этот парень взялся, учитывая то, что единственно возможные связи Климта в этом мире были детсадовские воспитатели в Лос-Анджелесе.

Они сидели в кофейне, наводненной хипстерами, и пили чай. Климт, естественно, выхлебал уже две чашки американо и был немного на взводе.

Парень, которого звали Джо, и который говорил на русском без малейшего акцента, выглядел завсегдатаем — длинный тощий блондин в модных очках в роговой оправе, в узких джинсах и большом свитере. Юля с Климтом в их деловых костюмах смотрелись как выбежавшие на обед офисные клерки. Почему-то здесь магия костюма не работала.

— Значит вы Старейшина? — спросила Юля у Джо. Этот титул назвал Климт, когда знакомил их.

— Да, — гордо ответил он, тряхнув волосами.

— Сколько же вам лет?

— Двадцать семь.

— И как давно вам двадцать семь?

Не могу поверить, что она сказала фразу из «Сумерков».

— Эм... ну, двадцать семь лет. Или я не понял вопроса?

— Юля шутит, — пояснил Климт.

— Почему же шучу, мне действительно интересно.

— Старейшина — титул, а не констатация факта, — сказал Джо.

— Ладно, давайте ближе к делу. — Юля нетерпеливо отставила чашку. — У вас есть информация, касающаяся Детройта и Делайлы или мы тратим время друг другу впустую?

Джо тоже отставил чашку, поджав губы. Молчание смутило Юлю. Он собирается вообще говорить или нет.

— Климт не сказал, что вам интересны именно они, — обвиняющим тоном ответил он.

— То есть вы не знаете, где Детройт и Делайла?

— Допустим, что знаю... — Джо переводил взгляд попеременно с Юли на Климта и обратно. — Что вы собираетесь делать?

— Для начала поговорить с ними, — сказал Климт.

К ним подошёл официант, Юля взмахнул рукой, чтобы он отошёл. Юноша мигом ретировался.

— Вы можете дать клятву, что не скажете их местонахождение королеве?

— Нет, такую клятву я дать не могу, — ответила Юля.

— Тогда нам не о чем говорить. Я надеялся, что ты, Климт, разумнее.

Климт никак не отреагировал на этот выпад.

* * *

Проснувшись утром в своей комнате бункера СКМП, Юля первым отправилась на поиски Климта. На передатчик, встроенный в стену никто не отвечал, его комната пустовала, ни в столовой, ни в общем зале его не было. Странное дело. Обычно он говорил, что уходит. Естественно, не говоря, куда именно, но всё же ставя её в известность о своих перемещениях.

Ночью Юля долго думала, и в итоге решила, что не будет ничего сообщать королеве Кэт, пусть она подавится своими деньгами, их задача защищать, а не ловить беглых детей. Но поделиться этой светлой мыслью было не с кем. Юля приняла душ в общей душевой, поговорила о погоде с гуманоидного вида синей женщиной, которая работала на соседнем с ними участке. Оказалось, что они вместе с напарником как раз сейчас расследуют громкое дело о краже королевских регалий где-то в иномирье. Потом Юля позавтракала едой из автомата и стала читать «Остров сокровищ». Погоду в бункере настраивали разную, чтобы сотрудники не сошли с ума от однообразия. В тот день, например, было жарко. Юля включила потолочный вентилятор и легла на пол прямо под ним.

Климт вернулся ближе к вечеру, возбуждённый, с ещё более бледным, чем обычно, лицом, растрепанный, но несмотря на всё это, такой же красивый. И сразу же вбежал в Юлину комнату, застав её на полу с книжкой.

— Я напал на след, — объяснил он своё состояние.

— Ты расследовал козлиное дело без меня? — возмутилась Юля.

— Нет, я был в Москве не для этого, — отмахнулся Климт, — эта зацепка появилась случайно.

— Куда мы направляемся? — с готовностью спросила она, поднимаясь на ноги.

— На съёмочную площадку.

— О! Вечер перестаёт быть томным.

* * *

В Москве был полдень, хотя солнце так и не показало своё капризное лицо, и небо оставалось тёмно-серым, пасмурным. Перепад температур заставил Юлю зябко поёжиться и пожалеть о том, что у неё нет шубы.

Съёмочная площадка находилась на видимом расстоянии от дома неудачливого фермера. Повсюду бегали люди, кто-то кричал, девушки в костюмах эльфиек стучали зубами от холода. Пенопластовый замок колыхался на ветру. Кинематографическая идиллия. (Так хорошо мне знакомая, к сожалению.)

— В школе в меня был влюблён мальчик по имени Вадим, — сказала Юля, с интересом рассматривая декорации. — Его тётя работала на киностудии, и он однажды провёл меня на съёмки фильма. Как сейчас помню, один актёр закатил такой скандал, что все ходили тише воды, ниже травы.

На этот раз Климту аппаратуры не досталось, Цыпа не позволил, буквально грудью встал на защиту своих «детешек». Не теряя времени зря, Юля надела визор, и площадка тут же вспыхнула. Повсюду висели разрозненные клочки порталной активности, как небольшие голубые облачка. Трекер на запястье показывал три загадочные буквы (нет, не те, о которых можно было бы подумать): «Эйа».

— Ты прав, дело пахнет жареным. Ну что, настраиваем порталы?

Климт кивнул, и они перенеслись в другой мир.

Увидев кактус, Серджиус сморщился, как будто ему лимонным соком в глаза побрызгали, но со временем к питомцу привык, стал ухаживать. Кайла придумала кактусу имя — Синий Кек, хотя синим он не был, а в существовании слова «кек» я сомневаюсь до сих пор. Юджин с лёгкостью прочитал гравировку и церемонно заявил, что через несколько поколений эта брошь будет родовой реликвией. Остальные подарки были вручены без непредсказуемых реакций со стороны получателей, разве что Ульсия, рыженькая служанка, долго плакала над бусами из бирюзы, которые я специально подбирала к её цвету волос. Ведь всем известно, что рыжим идёт бирюзовый.

Теперь, пожалуй, самое время вернуть к Рейл-ло и его козам, то есть порталу. Несмотря на то, что портал ему был в общем-то ни к чему, вёл он себя противоположным образом. Коз в его владениях находилось предостаточно и для мяса, и для преумножения поголовья, а Юджин лично пообещал, что Рейл-ло отдадут починенный Иоландой портал (ну, тот который наш с Вадимом — зеркало), он вёл себя так, как будто мы все отныне обязаны ему по гроб жизни, а благодеяние его не имеет границ в своей щедрости.

Юджину тогда было не до представлений, и на Рейл-ло, заискивающе смотрящего на него, он не обращал внимания. Он вертел в руках тарелку из тёмного металла с нечитаемым выражением лица, зато со сжатыми до побеления костяшками. Когда Конрад потянулся, чтобы забрать у него портал, Юджин чуть дёрнулся и некоторое время не выпускал тарелку из рук, будто порывался сорваться с места и скрыться с ней в неизвестном направлении.

— Я не потеряю, — сказал Конрад, оскорблённый, как ему показалось, недоверием.

— Уж постарайся, — сказала я. — А то вы ещё долго от меня не избавитесь.

— Да кто же хочет от вас избавляться, леди Марта?!

— Шутка, Кон, я пошутила.

Тем временем Юджин ушёл, не сказав нам ни слова. Он злился на себя, я это чувствовала. Если ему станет от этого легче, я тоже злилась на себя, но несколько по иному поводу.

Поскольку всё это теперь совсем уже совершенно не важно, можно перейти к событиям, происходившим после моего возвращения из Москвы. Набравшись смелости, я сказала Иоланде, что она может не торопиться (что-то мне подсказывает она и так не торопилась по просьбе некоего наследника престола), портал в ближайшее время не понадобится, а если вдруг необходимость всё же возникнет, то скорее у Вадима, так что порталные дела лучше обсуждать с ним.

По протоколу поведения в тронном зале Юджин не мог передавать предметы в руки подданным, не принадлежащим к Ближней Стае, поэтому Конрад вместо него отдавал Рейл-ло портал, а заодно и вручал медаль за помощь государственным делам — бронзовый кругляшек с чёрным пером снизу. Эта нудная церемония могла произойти так же уныло, как и обычно, но только тарелка-портал коснулась рук Рейл-ло из воздуха появились двое, парень и девушка. Девушка чуть старше меня, с тёмным, почти чёрным каре на прямых волосах, парень ещё старше, уже под тридцать, оба в чёрных отлично отглаженных брючных костюмах.

— Волей, данной мне Организацией по контролю за межпространственными перемещениями, я приостанавливаю действие портала, находящегося во владении этих двух

персон, — сказала девушка. Заученная фразу звучала в её устах безукоризненно.

Рейл-ло издал какой-то позорный испуганный звук, Конрад повёл себя более достойно.

— Раздавать приказы здесь могу только я, принц Великого и Полного Жизнью государства Эйа Юджин XVIII! — громогласно уведомил чужаков Юджин.

Впрочем, это было не правдой, приказы мог раздавать ещё Рихард, и его воля была даже выше, чем у племянника.

— Портал, как предмет, принадлежащий многим мирам, не лежит в сфере ваших полномочий, — сказал юноша.

Так, значит умник у них — парень.

— Для начала прошу представиться, как сделал это я, — упорствовал Юджин. — Иначе разговор приобретает нецивилизованный оборот.

Я пригляделась к пришельцам внимательнее. Лицо у девушки смуглое, с острым подбородком, глаза тёмно-коричневые. Рост её оставлял желать лучшего, без шпилек, которые частично скрывали брюки, она едва достала бы мне затылком до подбородка, но это я заметила не сразу. Она производила впечатление гибкой, компактной, но дикой кошкой, такой небольшой пантерой. Хотя на мой взгляд женственности ей немного не хватало.

Описывать юношу куда сложнее. Во-первых, он очевидно не принадлежал к людям, то есть тем, кто родился на планете Земля в мире, в котором я родилась. Сложно сказать, что именно в нём не так, но это сразу же бросалось в глаза, но как только ты пытаешься приглядеться, исчезало. Во-вторых, он источал невероятное количество феромонов, если можно это так назвать, с его появлением все женщины, присутствующие в зале поплыли. Его напарница, похоже, была равнодушна к этим чарам, между ними не чувствовалось романтической или сексуальной связи. Я, конечно, могла ошибаться, но вообще-то нет, не могла, на этот счёт — кто угодно, но не я. Он был высок, ростом примерно, как Юджин, с очень белой, почти прозрачной кожей. Костюм сидел на нём безупречно, туфли были натёрты до блеска, галстук в незаметную точку идеально покоился посередине его груди. Несмотря на несколько непропорциональное лицо — лоб слишком большой, подбородок и челюсть почти отсутствовали, глаза глубоко посажены, несмотря на всё это, он выглядел красивым, даже слишком.

Я внимательно изучила Юджина. Пока он не видел в незнакомцах прямой опасности, значит, и я могу не волноваться.

* * *

Юджин проводил их в кабинет Конрада для дальнейшего прояснения ситуации. Кто как ни наш обаятельный друг мог разрешить столкновение интересов двух миров. Скажу честно, меня мало волновала судьба Рейл-ло, а вот аббревиатура СКМП меня заинтриговала — кто эти люди? чем занимаются? как попадают в организацию? Но оставим меня с моими размышлениями. В кабинете у Конрада было светло и чисто, что отлично гармонировало с его внутренним миром. Он пригласил гостей сесть в кресла, а сам опустился на стул приставленный к широком столу из белого мрамора.

— Король уполномочил меня вести переговоры с вами. Признаться, я никогда не слышал о вашей организации, и почти уверен, что никто в нашем мире не слышал.

— Мы работаем относительно тайно, — ответил Климт. — Наша главная задача

осуществлять правосудие по делам, связанным с перемещением в пространстве, так как внутри каждого из миров это сделать сложно, практически невозможно, а также предотвращать готовящиеся преступления.

Конрад удовлетворённо кивнул.

— Благородно. — Он улыбнулся, показав зубы. — Чем могу помочь?

— У нас есть основания предположить, что с помощью этого портала, — Юля указала на блюдо, лежащие между ними, на столе, — происходили перемещения, сопровождающиеся кражей мелкого рогатого скота, принадлежащего лицу, которое обратилось к нам за помощью.

— Мелкий рогатый скот?

— Да, козы.

Климт вытащил из своего блокнота прищипленную к одной из страниц фотографию стада коз. Чего у него только нет в этом блокноте.

— Ммм, — протянул Конрад. — Я так понимаю, что этих животных разводят для еды. Во Дворце мы не едим мяса и своим подданным не советуем. Конечно же потребление мяса не запрещено, но животноводство у нас не слишком развито, а животные, которых вы показываете — козы, да? — в этих краях не водятся.

Конрад говорил с обворожительной улыбкой и спокойствием святого сказал. (Юле, чтобы вспомнить его имя пришлось заглянуть в записи Климта).

— Если вас интересует мясо, — продолжил он, — советую поговорить с гномами. Гномы потребляют много мяса. Они сами скотину не держат, а закупают в соседних государствах, в основном на севере, а те, которые работают на нашей территории, покупают у кого-то здесь, но лично я подсказать вам не могу.

Тут, понятное дело, расследование снова заходило в тупик. Гномы ничего не знали, а даже если и знали, то пароли и явки сдавать не собирались. «Секиру вам в задницу, зачем отвлекаете моих людей от работы?» — проворчал гномий прораб в ответ на Юлины расспросы. Климт всё время молчал, погруженный глубоко в свои мысли. «Вот о чём он думает, никогда не могу угадать», — пронеслось в мыслях у Юли.

Климт думал о Юджине. Если это действительно тот самый Юджин, который был сыном покойной королевы Луизы, то судьба предоставила Климту великолепный шанс. Если же нет, то дальнейшие расспросы могли быть опасны.

Когда иномирцы наконец убрались восвояси, я решила помочь (или в худшем случае помешать) Серджиусу с его расследованием. Сперва мне предстояло его найти, а это оказалось не так уж просто, я чувствовала себя игроком квестовой игры, вроде старенькой Фэйбл, в которой мне предстояло поймать раздражительного советника принца, чтобы выйти на следующий уровень. Но как бывает в компьютерных играх это задание я проходила раз за разом и никак не могла справиться. Оказалось, что Серджиус прилагал усилия к тому, чтобы сделать мои поиски ещё сложнее.

— Да что ты ходишь за мной? — своим обычным недовольным тоном спросил он, когда я настигла его из-за угла. Ага, значит, сам признается, что знал о моих намерениях.

— Поговорить хочу, что ты как кактус? Птичка донесла мне, что ты зашёл в тупик в своём расследовании.

— Я не знаю, что это значит, — сказал он, предварительно закатив глаза.

Я махнула рукой. Ох уж эти фразеологические различия.

— Такое выражение.

— Неосведомленная у тебя птичка. Я не зашёл в тупик. Просто я стараюсь посмотреть на ситуацию более субъективно.

Такая постановка ответа говорила именно о том, что он не имеет ни малейшего понятия, что делать дальше. И я, соответственно, права, а он не прав. Ура.

— Но нападение на нас с тобой и убийства не связаны?

Он ничего не спрашивал у меня, и никто ничего у меня не признавал по поводу нападения, кроме Рихарда, которого явно больше волновала моя судьба как невесты наследника престола. Значит, мои показания были неважны. С одной стороны, это обидно — почему это они не собирались найти нападавших на невесту принца? С другой, обнадеживает, поскольку означает, что опасности нет.

— Полагаю, что нет. Убийцы явно не хотели нанести телесный вред жертвам, а наши с тобой нападавшие очень даже хотели.

Ох да, они очень хотели, вспомнила я. Этот жуткий свист пуль до сих пор иногда мерещится мне.

— Тогда получается, — выдала я напрямую, — что единственная связь между убийствами — это ты.

Серджиус приподнял брови.

— Хочешь сказать, что я убиваю своих подчинённых?

— Нет, но убийства связаны с тобой, и я хотела бы понять, каким образом.

— Я бы тоже хотел.

— У тебя не было личных отношений с кем-нибудь из...

— Нет.

— Даже с...

— Нет.

— ...

Мы помолчали.

— Юджин говорил мне, что ты заметила некоторое эстетическое сходство в убийствах.

— А вы разве нет? Все убийства совершены, как ты правильно заметил, бескровным

путем, без нанесения каких-либо повреждений, да и обставлены как представление — льдина, повешение с распростёртыми крыльями, горящее озеро.

— Убийца одержим красотой...

— Не обязательно.

— Или некто пытается навести нас на этот след.

Мы снова помолчали.

— Кажется, Рихард что-то нащупал.

— С чего ты взял?

— Раньше он каждый день требовал от меня отчёта, а последние дни затаился.

— Может, он готовится к приезду принца Гидеона.

— Может и так.

— Остаётся только ждать.

* * *

День, когда прибывал Гидеон, другой дядя Юджина, тот самый, в честь которого назвали птицу, был, по меньшей мере, нервным. Не каждый день во Дворец возвращается беглый принц. Все суетились, Рихард ходил раздражённым, мелочно отчитывал горничных за пустяковые проступки, ссорился с Юджином, кричал на Серджиуса. У Рихарда это событие вызывало бурю эмоций, ведь он так и не простил брата за то, что он предпочёл любовь семье. Кайла прихорашивалась, дядя последний раз видел её совсем ещё ребёнком. Конрад командовал, чтобы город выглядел на все сто. Не могли же мы ударить лицом в грязь.

Когда он вошёл, я поразились как похожи и одновременно не похожи были все три брата. Гидеон был мощным, чуть выше Юджина, но с возрастом слегка раздавшимся в районе живота. Вокруг него была та же аура значительности, что и у Рихарда, но только в его случае подкреплённая величественным физическим обликом.

— Кайлуша-Каркуша! — громогласно воскликнул он, обхватывая племянницу поперёк туловища и закидывая на плечо как мешок с картошкой. Ворона он держал в руке, будто это цыплёнок. Никто из вышеназванных не сопротивлялся — птица довольно покаркивала, принцесса также довольно попискивала.

Когда вошёл Юджин, я представила, что и его сейчас поднимут в воздух, но ничего такого, конечно же, не произошло.

— Здравствуй, дядя.

— Джинни! Какой ты стал огромный.

Юджин потупился, Гидеон обнял его одной рукой, той, в которой был зажат ворон. Кайла всё ещё была представлена собравшимся своей пятой точкой. Казалось сюрреалистичным то, что они не виделись много лет. Тогда всё происходило будто они семья, которая видится каждые выходные на совместных шашлыках.

— Никак сама королевшна?! — спросил Гидеон, опуская наконец принцессу на пол и переключая внимания на меня.

— Добрый день.

Я протянула руку, и он, к моему удивлению, её пожал.

— Корона будет вам к лицу, ваше высочество.

Это, я поняла, было завуалированное одобрение. Ещё одному родственнику я приглянулась, это не может не радовать. Интересно, понравилась бы я королю Юджину и королеве Луизне? Возможно, они захотели бы для сына более знатную невесту.

Рихард пришёл позже, чем следовало, чтобы продемонстрировать брату свою занятость, но Гидеон словно бы и не заметил. Они холодно поприветствовали друг друга и после держались поодаль. Теперь я поняла ещё то, что Гидеон тоже обижен на брата из-за того, что тот не принял его выбор. Действительно, кто мы такие, чтобы идти против настоящей любви, но и Рихарда можно понять, ведь его, неготового к власти, кинули в самое пекло политических интриг и оставили с кучей детей, который помимо всего прочего нужно было воспитывать. А он на тот момент не был готов не только к правлению, но и к воспитанию подростков.

После торжественного ужина в оранжерее, танцев и прочих увеселительных мероприятий, включавших определенное (немалое) количество алкоголя, мы остались Ближней Стаей в приёмной у Рихарда, чтобы поговорить о деле, ради которого Гидеон собственно и прибыл. Облачный Город серьёзно пострадал во время падения, целые секции были полностью разрушены, а мы-то думали, что у нас дела плохо.

— Шутки в сторону, поговорим о деле, — сказал Гидеон, и вдруг стал совсем другим человеком, сосредоточенным, серьёзным, властным. — С этого момента я говорю как официальный представитель Облачных людей и королевы Л'лэй. Сообщения о просадке Облачного Города были фальсификацией. До того дня, когда случилось «небопадение», как у вас теперь это называет, Город находился на своём обычном уровне.

— Что ты пытаешься сказать?

— А я, брат, пытаюсь сказать, что у вас завёлся предатель.

Дальше следовала немая сцена. Я видела, что для Рихарда это не новость, но он всё равно сделал вид, что удивился. Какая странная вещь политика, даже среди близких людей нельзя быть полностью откровенным.

Ведь и предателя нужно будет искать среди своих.

* * *

Но отвлечёмся от дел государственных, помимо них во Дворце происходили и личные драмы.

Ульсия колдовала над моими волосами, когда я почувствовала, что на моё плечо что-то капает. Оказалось, что девушка беззвучно рыдала. Плакать с «включённым звуком» ей не позволял дворцовый этикет. Я усадила её на свою кровать, накрыла одеялом так, чтобы было видно одну голову, и сбегала за чаем (то, что здесь называли чаем напоминало скорее холодный сладкий кофе).

— Рассказывай. Даже не думай отмолчаться. Я твоя будущая королева и должна знать, что не так.

— Сегодня мои именины, — сказала она всхлипывая, — мой брат каждый год в этот день брал выходной и мы ездили на Озёра.

И тут я вспомнила, что Ульсия стала работать у меня после первого убийства. Рыжие волосы, узкое приятное лицо, грустные глаза — и как же я раньше не догадалась? Мне стало очень-очень стыдно.

— Виеллис был твоим братом?

— Да-а.

— Ну-ну. Расскажи мне про него.

— Он хороший был, очень, серьёзный, работал много, постоянно работал, лишь бы командиру своему угодить, уж очень хотел быть на него похожим. Мы Серджиусу все благодарны, вот он меня к вам пристроил, к самой будущей королеве, когда выяснил, что без братиной помощи у нас с деньгами плохо. И ещё так мне и сказал: «Ульси, я сделаю всё, чтобы поймать того ублюдка, кто это сделал». Светлый человек. Хоть и шутят про него много... — она вдруг смутилась. — Ну вы знаете...

Шутят? Это касается Юджина? Или гадкого характера?

— Не знаю, расскажи.

— Ой, нет. Серджиус мне столько добра сделал, я имя его марасть не буду, уж простите меня, ваше высочество.

— Никакое я пока не высочество — просто Марта. Ты лучше знаешь что, научи меня саму с волосами управляться.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Это можно.

* * *

На следующий день после того, как Ульсия расчувствовалась, я, впечатлившись, решила провести семьи убитых. Дома были среднестатистическими, не бедными, но и без излишеств — разноцветные, из камня, с отражающими свет крышами. У Глейны чуть шикарнее, чем у остальных. Это и понятно, она была офицером высшего звена.

Мне, как пока ещё официальной невесте принца были рады, тем более что вопросы я задавала ненавязчиво. Везде меня угощали, к третьему визиту я уже вздохнуть свободно не могла. Взбунтовались только родители Виеллиса. Эти тихие люди не жаждали мести и не могли свыкнуться с мыслью, что память их сына никак не упокоится. Я им сочувствовала, но не могла оставить всё как есть. Наша задача как людей облечённых властью осуществить правосудие. Всклипывая, мать Виеллиса, удивительно похожая на Ульсию, говорила о том, что все беспардонно ходят в их дом, выспрашивают, роются в вещах их дорогого мальчика. На шум из соседнего дома пришла ещё одна немолодая пара, оказалось (по случайности ли), что это мать и отец Серджиуса с Конрадом. Их мать — высокая невероятно красивая женщина, с прямой спиной и какой-то невероятной статью, она старела с особой грацией. Отец их достаточно привлекателен, но не так как его жена или, например, Конрад, он производил впечатление тихого и скромного человека. Пока жена громко жаловалась на то, что в их вещах тоже копались, а ведь мальчики ещё живы, он с интересом разглядывал меня и периодически бросал извиняющиеся взгляды. Я же понимала, отчего они недовольны. Никаких официальных указаний на обыск вещей Конрада или Серджиуса не было и быть не могло.

— А кто, кто роется-то? — спросила я, еле вклинившись в бурный поток слов этой громкой леди.

— Родственничек ваш будущий, — недобро сказал очень рыжий отец Виеллиса, поддерживая свою жену, теперь уже рыдающую в полную силу. Мать Конрада с Серджиусом

активно подтвердила, что в их дом приходил тот же человек.

Через полчаса чаепития в напряжённой атмосфере я поняла, что большего от них не добьюсь и ушла.

Мой родственник? В смысле Рихард? Он рылся в вещах Конрада? Ведь Серджиус живёт во Дворце, его вещей в родительском доме быть не может. Значит, всё-таки Конрада. Что Рихард хотел найти? В чём он подозревает Конрада? Мне казалось безумием мысль о том, что он мог сделать нечто незаконное.

* * *

Ближе к вечеру Юджин сделал мне сюрприз. Никогда мне не приходилось задумываться о происхождении ткани в Эяа. Ну ткань, и ткань, хотя она очевидно отличалась от известных мне аналогов тем, что не имела ни малейших следов плетения, только швы, да и тех не слишком много, и они выглядят как заклеенные.

Я учила Кайлу и Ульсию плести косы, о которых они слышали впервые в жизни, косы получались отличные: у Кайлы — толстая каштановая, достойная русской красавицы, хоть кокошник надевай, на рыжей голове Ульсии я сплела французский колосок. Когда работа была завершена, в комнату заглянул Юджин и церемонно заявил, что хочет прогуляться с невестой, раз уж ему разрешили (вернее он сам себе разрешил) выходить из комнаты.

Сколько бы я не клянчила, он не сказал, куда мы идём. Сказал, что сюрприз и мне должно понравиться. Не люблю сюрпризы, но ради Юджина можно, пожалуй, сделать исключение.

Мы пришли в открытую оранжерею. Сначала я хотела возмутиться, эти их оранжереи на каждом шагу, поперёк горла сидят, но то была особенная — там росла *ткань*. Тугой бутон раскрывался длинными тяжёлыми лепестками, которые впоследствии отпадали и превращались в рулоны тканей. У меня изо рта вырывался потрясённый вдох. Все цветы (растения? кусты?) были примерно одного бледного сине-зелёного цвета. Зато видами они отличались здорово — растягивающийся, но не пробиваемый «спандекс» для военных, тонкое сукно на платья, плотный не мнущийся материал для плащей, накидок и костюмов министров, клерков и прочих занятых умственным трудом граждан, грубое сукно для рабочих. Понятное дело, ничего, напоминавшего шерсть, в этой оранжерее не росло. Из-за погодных условий тёплые материалы были в Эяа не в чести. А если отправляться в горы или к северянам на рынке всегда можно купить вещи из иномирья.

Юджин не отрывал от меня взгляда, довольный тем, что смог произвести впечатление.

— Можно ли вывести новые сорта ткани? — спросила я первым делом. Мне жизненно необходимо было «запустить» в производство одежды руки.

— Вполне. Если хочешь, я дам команду селекционерам, они выведут новый сорт и назовут в честь тебя, — ответил Юджин. Очень мило с его стороны, но мне было нужно другое.

— Нет, я хочу сама попробовать.

— Тогда сведу тебя с лучшими селекционерами, будете работать вместе, — сказал он с гордостью. Ему было приятно, что я готова работать на благо его страны, я это чувствовала.

Ещё раз ошупав взглядом плантацию, я заключила, что им определённо не хватало шёлка с атласом. И кружев. Кружев им ужасно не хватало!

Если бы селекционер не представился селекционером, я бы подумала, что передо мной пчеловод, уж больно похожи костюмы. Человек в скафандре представился Кеньяром, приложил свою ладонь в пухлой рукавичке к моей и предложил мне переодеться. Это был солнечный блондин, с чуть желтоватыми волосами, широченной улыбкой на чуть большеватых губах, больше я не могла разглядеть из-за костюма.

Когда я была соответствующе экипирована, мы вошли в святая святых, в крытую оранжерею, где рождались крошечные бутончики, которые в следующей жизни станут или шикарными платьями, или скромными костюмами для рабочих. Все они были пушистые, слегка влажные, похожие на почки, распускающиеся на деревьях весной, или на молодые кочаны капусты, чуть пульсировали и источали радостную вибрацию, когда к ним вошёл их «хозяин».

Это было невыносимо трогательно. Я сразу почувствовала, что у каждого наряда, сшитого в Эйа, есть душа, все они растут окруженные любовью. «Можно?», — спросила я, показывая рукой в сторону одного особо приглянувшегося мне бутончика. Кеньяр утвердительно кивнул. Я дотронулась до зелёного упругого зародыша, он ответил мне приятным дрожанием. Чувствую я, что проведу здесь достаточно времени.

Мы ужинали.

Не слишком занимательное начало, но некоторые истории, увы, начинаются именно так. «Мы» — это королевское трио плюс Иоланда с Серджиусом и я. Гидеон вернулся на свои небеса, ведь Рихард всячески делал вид, что его брату тут не рады. Подавали жаркое из какого-то овоща, который на вкус был почти как мясо, поэтому я была довольна. Из музыкального кристалла играла приятная музыка, в кои-то веке не северная тягомотина. Из окон дул лёгкий ветерок. Чудо, а не ужин.

Единственное, что немного омрачало безоблачную обстановку, был тот факт, что в Ближней Стае завёлся предатель и сейчас этот подлец мог быть среди нас. Вглядываясь в лица, я старалась найти что-то новое в них, какой-то изъян, указавший бы мне на неверность, на предательство, но не видела ничего больше обычного. Разве что Кайла, оказывается, ела так же красиво, как и делала всё остальное, а Серджиус слишком гремел приборами о тарелку, хотя его, должно быть, учили этикету с раннего детства.

— Стесняюсь напоминать о таких интимных вещах, — начал Рихард, прокашлявшись, — но свадьба уже послезавтра, а вы как будто и забыли.

— Какая свадьба?! — сказали мы с Юджином в унисон.

— Ваша, дети мои, чья же ещё.

— Так... — это неопределенное местоимение мы тоже выдали оба.

— Вы отменяли свадьбу?

Юджин покачал головой.

— Нет, — сказала я.

— И я не отменял, — послушно согласился с нами Рихард. Вот ведь хитрый лис, специально не упоминал о свадьбе столько времени, чтобы мы не успели вовремя спохватиться, а сейчас обрушил на нас это как ушат воды.

Я поискала помощи среди сидящих за столом. Серджиус явно злорадствовал, Кайла радовалась (уверена, она как-нибудь да прознала о том, что мы всех дурачили), Иоланда спокойно ела так, как будто её происходящее не касалось. В общем-то так оно и было, но мне нужно было за что-то зацепиться.

— Свадьба будет! — изрёк Юджин, пожалуй, чуточку громче, чем нужно. — Если Марта не против.

Ну не уступать же теперь в самом деле. Тем более что Юджин жутко опозорится, если откажусь.

— Я только за, — сказала я, сохраняя спокойствие насколько это было возможно.

Рихард удовлетворенно кивнул и вернулся к еде.

* * *

Следующую ночь я спала плохо. Меня то мучили видения сна, где Серджиус умоляет лишить его жизни, то новые сны о том, что может пойти неудачно на настоящей свадьбе, под утро я проснулась окончательно, и могла думать только о том, какое платье мне сшить.

Раз уж свадьбы не избежать, пришло, пожалуй, время рассказать о законах в Эйа.

Приближённые лица, их ещё называют Стаей (ещё есть понятие Ближней Стаи, но это совсем узкий круг лиц, с которыми я имею честь общаться ежедневно), приносят присягу королю и только ему. В Стаю могут входить офицеры высших чинов, советники, дворцовые маги, министры, члены королевской семьи и так далее. Единственные, кто не приносит присягу королю — регент и королева, которые вместе с королём (или в случае с регентом в его отсутствие), клянутся в верности народу. Членство в Стае — штука крутая до невозможности, но помимо всяческих привилегий, которых надо заметить, немало, этим людям отказано в доступе к обычному суду Эя и к обычному заключению. Судят их король, королева, регент, советники (кто есть в наличии), а в заключение поступают в абсолютно прозрачную башню. Это произведение искусства стоит на небольшом расстоянии от дворца и ежедневно демонстрирует всем местных жителям предателей и преступников. В данный момент их не наберётся и десятка, да и смотреть на то, как они едят или читают, совершенно не интересно. Мне, во всяком случае, точно. Но в качестве наказания это, должно быть, эффективно. Никто не захочет, чтобы за его мочеиспусканием наблюдала вся страна. Кроме того, любого из Стаи могут казнить решением большинства, так-то смертная казнь в Эя запрещена. К чему всё это? Да к тому, что после свадьбы, буквально на следующий день, мне предстоит принести присягу перед «своим» народом. Немного жутковато. С другой стороны, ведь приезжали к нам царицы из всяких Франций-Германий, не зная ни языка, ни традиций, значит и я смогу. Тем более что я в Эя уже своя. Надеюсь...

Чтобы набраться чужого опыта, я посетила кристаллохранилище, где хранились записи с присягами. На длинных стеллажах, пронумерованных и отмеченных специальными знаками, хранились все кристаллы, которые могли иметь государственную важность. Это здание из металла из стекла напоминало библиотеку, но ею не являлось. Настоящая библиотека, как с книгами, которые делались не из бумаги, а из твёрдой ткани, так и с кристаллами, находилась за пределами Дворца. Немного стыдно, но я там была только на ознакомительной экскурсии. Столько всего произошло, лишнего времени пока не представилось.

Я с лёгкостью, без помощи хранителя, нашла нужный мне стеллаж и сняла самый большой кристалл насыщенного синего цвета. Одиннадцатилетний Юджин с хмурым видом (я знаю этот его взгляд, он сильно старается выглядеть серьёзным и грозным, а получается мрачным), совсем ещё ребёнок, но заметно, что он понимает о чём говорит. На нём костюме из чёрных перьев, он тонет в этой амуниции, как птенчик, у которого слишком густое оперение. Мельком показали его отца, удовлетворённого поведением сына, королеву, счастливую за сына. На следующей полке нашлась запись Серджиуса, этот наоборот такой радостный, каким я его никогда не видела — глаза сверкают, весь как будто светится. Я бы точно перепутала его с Конрадом, если бы не запись на стеллаже. Новенькая форма так и блестит. У Юджина на плечах сияет каждое пёрышко. Сапоги Серджиуса выглядят так, как будто он всю ночь их чистил. Волосы у обоих отросшие почти до плеч. Словом, не мальчики, а картинка из сказки. Принцессы им только не хватает. Дальше — кристалл Иоланды. Оказалось, что она была достаточно нескладным подростком, с длинными тонкими руками, как ивовые веточки, с огромными тёмными глазами, в которых плескалось целое море спокойствия. Она явно нервничала и говорила очень тихо.

Что я делала в их возрасте? Да ничего интересного, признаться. Как бы я хотела вырасти вместе с ними, здесь, с рождения впитать их ценности, смотреть каждый день на здешнюю красоту, общаться с теми, для кого благородство не пустой звук.

Присяга Конрада была ничем не примечательной, он тогда был уже взрослым юношей, в точности таким же, каким я видела его с утра. Кайла клялась в верности уже регенту Рихарду, а не отцу, и в её словах проскальзывала если не насмешка, то легкомыслие это точно. Даже во время присяги Кайла такая Кайла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На полке чуть выше я обнаружила запись самого Рихарда, а вместе с ним родителей Юджина, короля и королевы. Рихард на этой записи ещё очень молод, серьёзен, холоден, красив по-своему, не так как остальные мужчины в его семье. Отец Юджина сбивает своей мощью, не присутствуя лично, а от одной лишь голограммы, зато его жена завораживает, не отпускает, не даёт глаз отвести. Как сильно мне хотелось бы познакомиться с ней. Юджин унаследовал многое от них обоих. Вместе с кристаллами короля и королевой стоял кристалл с присягой некой леди Селены. Малиновый, блестящий он привлекал моё внимание. Не знаю, почему я взяла именно его, наверное интуиция, но он ещё долго не давал мне покоя. Дело в том, что эту самую леди Селену я уже видела, на площади... Когда-то она клялась в верности королю, а теперь руководит восстанием. На голограмме она была ещё с длинными волосами и в шикарном платье, которое могут позволить себе лишь знатные дамы. Получается, она предала королевскую семью? И почему я об этом ничего не слышала? ни словечка?

Естественно, я не смогла смирить своё любопытство и расспросила об этой загадочной леди Юджина, который не был доволен моими вопросами. Оказалось, что она служила при дворе одно время, но по его голосу было очевидно, что предательство имело для него личную значимость, он был обижен. Я не стала напирать, тем более перед свадьбой. Мне всё-таки хотелось выйти замуж и чтобы никакие посторонние дамы мне в этом не помешали.

Особой подготовкой, к счастью заниматься не пришлось — праздничный мобиль давно стоял в дворцовом гараже, в назначенную дату Храм никто не мог занять. Никакого праздника после не планировалось, поскольку на следующий день была назначена коронация, совпадающая с днём рождения Юджина. Вот тогда и будет пир на весь мир. Единственное, что мне пришлось-таки сделать — подготовить платье к коронации. Если я выйду замуж за Юджина, то на следующий день должна буду дать присягу как королева. Эта мысль вызывала у меня противоречивые чувства. Всё же коронация — чуть-чуть, самую чуточку больше ответственности, чем я планировала иметь в жизни.

* * *

В ночь перед свадьбой у меня случилась... ладно, будем честны сами с собой, предсвадебная истерика. Не знаю, нормально ли это, у меня опыта не было.

А причина вот в чём. Получается, что нас практически заставил жениться Рихард, которого Юджин в важных вопросах слушает. А вдруг Юджин не хочет этого? Вдруг он выполняет волю регента? Или его заботит скорейшее появление на свет наследников? Я не готова к детям!

В общем какое-то время я побродила по своей комнате, заламывая руки, погладила лиану, ползущую по стене, почесала её слегка мохнатый бок. Потом поплакалась Ульсие, которая пришла менять мне постель. Она скромно усталилась в пол, теребя бусы, которые я

ей подарила, и посоветовала поделиться своими страхами с будущим мужем. Сначала я возмутилась такой мысли, а потом решила — я страдаю из-за него, пусть он меня и разубедит.

В своём кабинете Юджин в одиночестве ходил из угла в угол. Значит, тоже поддался предсвадебному мандражу.

— Отвечай честно и быстро — хочешь на мне жениться?

Он моргнул.

— Конечно хочу. Что за вопрос!

Мы молча смотрели друг на друга, не решаясь подойти ближе.

— А ты хочешь? — спросил Юджин.

— Если бы не хотела, была бы дома.

Одновременно, поддавшись единому порыву, мы обнялись, и так же в обнимку сели в кресло.

— Давай, расскажи мне, как сильно ты хочешь жениться на мне, — сказала я. — Мне это очень нужно.

— Пожалуйста, мне только в радость... С самого детства мне было даровано так много, что я и помыслить не мог просить чего-то ещё, я лишь пытался отплатить этой земле и людям, зависящим от меня. Никогда я не думал, что буду благословлён ещё и настоящей любовью. Я был готов полюбить, со временем, прилагая усилия, ту женщину, которая окажется рядом со мной по воле судьбы, но я ни разу в жизни даже в минуты слабости, не смел мечтать о той любви, которую испытываю к тебе. Я не заслуживаю счастья, подаренного мне этими чувствами, но я бесконечно счастлив и в ответ должен сделать тебя счастливейшей женщиной во всех существующих мирах.

Речи толкать его научили, принц всё-таки, но я поверила. Посмотрела бы я на ту девушку, которая бы не захотела поверить. Я поверила и успокоилась, напрочь забыв из-за чего я вообще сомневалась. Ночь мы провели вместе. Обнимаясь, ничего более того. Кто бы мог подумать, что мрачноватый и помешанный на работе Юджин так сильно любит обниматься, но я ни в коем случае не против.

* * *

В Храме я была впервые, раньше он казался мне чуть ли не оборонительным замком, вход в который для обычных людей закрыт. Впрочем, и в этот раз из интерьеров мне довелось увидеть только приёмную и церемониальный зал. В последнем с четырёх сторон крестом стояли скамьи, а посередине находился широкий каменный стол, больше ничего. Потолок высокий, он далеко уходил вверх, но никаких декоративных элементов ни на стенах, ни на потолке не наблюдалось. Несмотря на отсутствие окон или кого-нибудь искусственного освещения, в зале было ясно. Свет был белым, приятным, тёплым. Храм нельзя было назвать красивым, но находиться в нём было достаточно приятно. Признаться, я ожидала кристаллов размером со слона, иллюминации как в ночном клубе и разноцветных стеклянных мозаик. Изнутри Храм представлял собой такую же неприступную крепость, как и снаружи, потому что всё его величие крылось в жрецах, их знаниях и силе.

В качестве исключения, чтобы все желающие могли посмотреть на свадьбу принца, стены Храма сделали прозрачными. Внутри же пускали только избранных. На офицерах и

солдатах внутренней армии была парадная форма, знатные, да и не очень дамы облачились в лучшие наряды. Кайла колдовала над своим платьем целый месяц (она сама сказала по секрету), и это действительно было произведением искусства — метры вышитого мельчайшими кристаллами и ракушками светло-голубого тончайшего материала.

По обычаям Эйа платье невесты могло быть любого цвета, но я была бы не я, если бы не настояла на белом. Меня могли пытаться, терзать, мучить, я бы не отступилась. Единственные условия: медальон матери Юджина, с которым я уже сроднилась, да шлейф из перьев. Шлейф оказался тяжёлым. Он начинался со лба, фиксировался невидимым каркасом на плечах, чтобы шея не сломалась под напором этой тяжести, и уходил на два метра за моей спиной. Само платье было достаточно простым — сверху две драпировки крест на крест, снизу не очень пышная юбка в пол. Глупо мудрить, когда у тебя за спиной пара-тройка килограммов белоснежных перьев. Из своей шкатулки я выбрала висячие серьги с белыми кристаллитами и браслеты на обе руки, тоже из белых перьев и кристаллитов. С украшениями тоже лучше поосторожничать, по окончании церемонии на моей голове будет гореть корона. Посмотрев на себя в зеркало, я осталась довольной. Ни дать, ни взять — царица-лебедь.

Юджин был облачён в наряд с рыцарского испытания — в чёрном шлеме с вороним клювом, огромными крыльями. Рядом с ним я казалась жертвой хищной птицы, подумалось мне почему-то. Наверное, так оно и выглядело со стороны, да ещё к тому же я — взялась из ниоткуда, без рода и племени — наверняка люди думают, что я выхожу замуж ради богатств и власти. Как мне хотелось рассказать всем, объяснить, какой Юджин на самом деле, и что я к нему чувствую, а уж чувствовала я много всего!

Кайла, облачённая в свой великолепный наряд, с короной на голове, ревела, и все рядом с ней тоже рыдали, поддавшись её чарам, даже Серджиус пустил скупую мужскую слезу. Иоланда, на удивление, оделась приличнее обычного, все части её прекрасного тела были прикрыты. Рихард — в парадном мундире, с погонями из пёрышек, блестящими пуговицами с воронами, короной во лбу — выглядел довольным, как будто подходило к завершению исполнение его гениального плана.

Жрец, отвечающий за обряд, был ещё молод, широк в плечах, но скорее строен, чем мускулист. Своими умными глазами, немного расфокусированным взглядом, совсем как у Иоланды, он более всего был похож на студента-философа. Одет был просто, как будто погулять вышел летним днём — белая рубашка, бежевые брюки и лёгкая накидка из светлой ткани. Пока мы с Юджином стояли по разные стороны зала, он произнёс речь, достаточно милую, о том, что он знает Юджина с детских лет и безмерно счастлив, что у Великого и Полного Жизни государства Эйа будет такой монарх, пару слов обо мне «тайнственной иностранке, вмиг покорившей и принца, и его народ». Потом по его указанию мы сошлись в центр зала, где стоял стол. Юджин снял свой шлем, ножны с мечом и крылья, положил их на пол, в знак того, что вступает в супружество безоружным. Сперва Жрец заряжал шар, вырезанный из фиолетового кристалла, пока мы стояли и держали его в руках, потом попросил нас лечь на стол так, чтобы головы почти соприкасались, а ноги смотрели в разные стороны. Лежать на собственной свадьбе было странно, и я боялась уснуть, потому что глаз не сомкнула ночью из-за волнения.

«А теперь поверните головы друг к другу», — сказал Жрец.

Я подчинилась. Юджин смотрел на меня с такой идиотской улыбкой, что мне захотелось смеяться. Вот же дурища.

Шар положили между нами, чтобы он оказался в моей правой и его левой руке. Наши пальцы соприкоснулись, и я почувствовала движение магии сначала в руках, а потом и во всём теле. Магия связывала нас навеки, и это отнюдь не ощущалось тяжестью, это была великая радость и благодать, невероятная, волшебная лёгкость абсолютной принадлежности другому существу и такое же счастье обладанием любимым человеком.

На моей голове зажглась корона, лёгким теплом окутывая мой лоб. Я не слишком хорошо разбираюсь в магии и, может быть, ещё меньше разбираюсь в любви, но с того каменного стола я встала другим человеком. Обернувшись посмотреть, не стал ли другим Юджин, я успокоилась — нет, он был тем же самым, улыбался мне, не сдерживаясь, как обычно, а в полную силу. Знаю, что он чувствовал то же самое.

* * *

Молодожёнам не выдавали никаких символов их союза, это казалось излишним, ведь супругов соединила сама Жизнь, то бишь магия. Но Юджин сумел удивить меня. Когда все поздравления были сказаны, а мы с моим новоиспеченным супругом остались наедине, он взял меня за руку.

— Вадим сказал мне, что у вашего народа есть традиция дарить друг другу кольца в знак вечной верности, — сказал Юджин не слишком уверенным голосом, глядя на наши руки. — И я решил соблюсти не только мои традиции, но и твои.

Он протянул мне кольцо из золотого металла с огромным зелёным кристаллитом, крайне редким, реже него только чёрный, которых всего несколько штук.

— Надевай, — приободрила я, — это тоже часть традиции.

С помощью магии кольцо приняло форму безымянного пальца моей правой руки. Некоторое время Юджин любовался его подарком на моей руке, а потом скромно достал ещё одно кольцо — тонкий золотой ободок — и протянул мне. Я ловко совершила то, к чему готовилась всю жизнь, и крепко поцеловала своего мужа.

— Теперь мы точно женаты, — сказал он с улыбкой.

— По обычаям моей родины нужна ещё толстая тётка регистраторша, — увидев смятение на лице Юджина, я быстро исправилась. — Но мы обойдёмся и без неё.

Мы ещё долго говорили, лежа обнявшись теперь уже на нашей общей кровати, а потом Юджин стал совершать определенные действия, которые я опознала, как попытку уйти, и серьёзно возмутилась.

— Ты куда?!

— Не хочу, чтобы наши дети родились во время войны. Сейчас не время.

Ну, по крайней мере, он правильно меня понял, зато всё остальное... Одно слово — мужчины. Это их благородство.

— Послушай, — я взяла его руки в свои, — взяв меня в жёны, ты отдал мне всё, гораздо больше, чем мог предложить кто бы то ни было ни в одном из миров. Ты разделил со мной своё королевство, осыпал меня богатствами, погрузил в комфорт, надел корону на голову, позволь мне отдать всё, что осталось у меня, ещё не разделённого с тобой. Пусть эта ночь будет не решением политического вопроса о наследниках, а проявлением нашей с тобой любви.

Он стоял в ступоре. Не знаю, думал или был слишком шокирован для этого.

— Согласен?

Юджин был согласен.

* * *

Не успела я побыть принцессой, как тут же должна была менять свой титул на более высокий, однако к статусу жены, который, слава богу, меняться не собирался, я пока так и не привыкла. Надо же — я чья-то жена. Навсегда. Ещё ничего в своей жизни я не делала навсегда (проколотый пупок зарос, а от татуировки мама меня правильно отговорила).

На следующий день после свадьбы была назначена коронация и дача присяги.

Для коронации я сама вырастила себе платье в кратчайший срок. Ткани ушло немного, большую часть занимали длинные чёрные перья. Мне захотелось, чтобы в этот день мы с Юджином особенно гармонировали. Спереди и сзади, в нижней части, платье опускалось ниже колен тонкой чёрной материей, зато сверху на сложном каркасе держался «хвост», выступающий от поясницы и до моей макушки, а впереди из перьев был сооружён корсет.

Юджин был без крыльев, но с ножнами и парадной накидке с погонами. Кайла была в платье-плаще глубокого синего цвета, из ткани, похожей на бархат, на подоле поблёскивали звёзды, навейные с помощью магии. Плащ волочился за ней, как роба волшебника из сказки или звездочёта.

В тронной зале стояли скамейки для тех, кто имел доступ во Дворец, для остальных трансляция шла по уличным голограммам, также можно было подойти к Стене, ради коронации и тронный зал, и участок Стены, к нему прилегающий, сделали прозрачными.

Чтобы было понятно, объясню, что процесс дачи присяги быстрый и фраза произносится одна и та же, но из-за того, что в Стаю входило больше человек, чем я, к примеру, могла запомнить по именам.

Сначала мероприятие производило впечатление величественного — Юджин с гордым видом, задравши сверху свой квадратный подбородок, обещал, что Жизнь его принадлежит народу. Я смотрела на него сквозь пелену слёз с умилением и обожанием (спишем это на Кайлу, которая тоже расчувствовалась). Потом пришла моя очередь и, клянусь, никогда слова не имели надо мной такой силы, эту фразу «Моя Жизнь принадлежит народу Великого и Полного Жизни государства Эйа» я будто бы сказала не губами, не ртом, а душой.

После этого верности Юджину поклялись Рихард с Кайлой. Оба глядя в зал чистым, честным взглядом. После них Иоланда и Серджиус, присев на одно колено, с рвущейся наружу желанием служить, казалось, что их внутренности готовы выпростаться из тела, будь это нужно королю. Я почувствовала дрожь в коленях, хотя сидела, и мурашки по всему телу.

А потом началась неинтересная часть. Хлынули офицеры, министры, жрецы, придворный народ и прочие люди, которых я или не знала, или знала очень поверхностно (кто-то из них был предателем, держала я уме, отделаться от этой мысли никак не получалось), поэтому слушать их признания, мне было страшно неинтересно. Тем не менее я очень старалась, это было мой первое дело в качестве королевы, и я не имела морального права его провалить. Ради Юджина. А люди всё шли и шли.

— Мам, привет... я замуж вышла, — сказала я маме по телефону, нервно кусая ноготь на большом пальце. Всё-таки я не позвала никого из своих на свадьбу, это могло вызвать бурю.

— Красивый? — спросила она первым делом. Я прямо представляла, как она хитро прищурилась, зажимая трубку между плечом и ухом, руками делая одно из сотен возможных домашних дел.

— Как Крис Эванс, — ответила я, предварительно тяжело вздохнув.

(Мы с ней как раз смотрели Капитана Америку до моего исчезновения.)

— Богатый? — незамедлительно последовал новый вопрос.

— Несметно.

— Ну всё, — она издала звук, не поддающийся описанию, — Клавке теперь придётся стол проставить!

— Ты бы хоть спросила, счастлива ли я, — упрекнула я родительницу.

— А то я не чувствую, Мартуш. Всё, пока, я побегу Клаве рассказывать, а ты будь хорошей девочкой и не обижай маму такими словами.

Вот так я поставила в известность своих родственников. Какое всё-таки счастье, что не пришлось справлять классическую свадьбу по-русски с рестораном, плановой дракой пьяных друзей семьи, ужасные тосты сильно подвыпившего дяди из Кемерово, которого никто не видел уже лет десять, поездкой к вечному огню и бестактным тамадой. Только ради этого стоило поменять место жительства.

Однако и в местных традициях есть свои недостатки. Вместо медового месяца я получила кукиш с маслом. Для новых короля и королевы переименовывались праздники, в нашу честь должны быть названы некие топографические объекты. Похвастаюсь, Мартой называли центральную площадь в Городе. Короче, уйма бумажной работы, от которой Юджин упрямо отказывался отлынивать, хорошо хоть, меня не стремился к ней привлечь. Я оставалась в своей стихии: растила платья, гуляла и болтала с Кайлой, вместе с Конрадом помогала горожанам разобраться с их проблемами, выспрашивала у Серджиуса новые детали расследования, которые он по-прежнему выдавал с неохотой, пару раз заходила в опутанную проводами комнату Вадима (он каким-то образом умудрялся совмещать активную конструкторскую деятельность и службу под началом Серджиуса), звонила домой (теперь у меня был собственный телефон). С Юджином мы тоже проводили время с удовольствием и пользой, так скажем. В общем, я занималась приятными и необременительными для себя делами.

Однако были вещи, которые меня тревожили. Рихард со временем стал ещё более подозрительным, а я как-то не решалась спросить, что он замышляет. Серджиус, видимо, тоже. Мы договорились сообщать друг другу о результатах нашей мыслительной деятельности, касающейся убийств. Не то чтобы я ему верила, но по его лицу научилась видеть, что ничего нового он пока не узнал.

А потом вдруг у Серджиуса сорвало крышу. Думаю... нет, уверена, никто не был к этому готов.

Мы гуляли по названной в мою честь площади с Конрадом, который неофициально был теперь кем-то вроде моего телохранителя, когда Серджиус попытался меня арестовать. По

законам Эяа это квалифицировалось как нападение на королевскую персону, и причину его поступка я не могу понять до сих пор. Ничего, как говорится, не предвещало.

— Серджи, не дури, — мягко сказал Конрад, выставляя вперёд руку и загораживая меня ею. Вокруг нас начала собираться толпа. Ещё бы, я бы тоже захотела посмотреть на подобное зрелище, если бы мне не пришлось в нём участвовать.

Сначала мне стало невыносимо смешно, потому что ну что за глупость — арестовать меня через пару недель после коронации? Но когда я поняла, что Серджиус абсолютно серьёзен, мне стало не до смеха.

— Кон, подумай, всё это началось сразу же после её появления, — говорил Серджиус с маниакальным блеском в глазах, едва ли не размахивая мечом. Его лоб блестел от пота, лицо покраснело. Белый клинок мерцал неприятным для глаза, резким светом.

— Говори со мной, если собираешься меня арестовывать! — вмешалась я. — Скажи мне в лицо, что я предатель, что я убийца.

Серджиус отвёл взгляд, но не отступил.

— Конрад, отойди! Я не хочу навредить тебе.

— Серджиус, я твоя королева, и я приказываю тебе прекратить это представление!

— Я не отойду! Если надо, я буду драться.

Они смотрели друг на друга, такие одинаковые и такие непохожие, скрестив взгляды одинаково серых глаз, как мечи. Мне как причине их размолвки стало неловко, всё же они родные братья, близнецы, они не должны ссориться, тем более так — с применением холодного оружия. Мне бы хотелось, чтобы первая драка из-за меня случилась несколько иначе.

Помощь пришла неожиданно в лице Иоланды. Ничем непоколебимая, как обычно спокойно-сонная, она мягко положила правую руку Серджиусу на плечо, а левую — на лоб, как мать маленькому ребёнку. И сказала:

— Опустит меч, Серджиус, ты нарушаешь закон, который поклялся защищать. К тому же у тебя жар, тебе нужно прилечь. Пошли со мной, я наложу лечебное заклинание. Такие вопросы, который ты сейчас поднимаешь, должны решаться во Дворце, а не на площади с оружием. Подумай о Юджине, он никогда тебе этого не простит.

Вняв словам Иоланды, особенно про Юджина, Серджиус убрал меч в ножны, но не успокоился. Я бы сказала, что он затаился, как партизан в подполье. Раз все против него, он решил на время затихнуть. Кроме того у него действительно был жар, который к вечеру развился в сильнейшую лихорадку. Не знаю, где он подцепил такую серьёзную заразу, которую не брали заклинания.

Когда стало очевидно, что продолжения не последует, толпа, разочарованно вздыхая, постепенно начала расступаться. И тут я заметила Рихарда, который наблюдал за нами со стороны и даже не подумал вмешаться. Пусть даже он думал, что я предательница, но всё равно обязан был защитить меня от незаконного покушения. Это часть королевского этикета.

* * *

Не в моих правилах устраивать сцены (смотрите, я становлюсь всё больше похожа на монаршую особу), но всё же я решила зайти к Рихарду и спросить у него, в чём дело, почему

он не помог мне или хотя бы не встал на сторону Серджиуса, если согласен с ним. Он принял меня сразу же, к моему недоумению. Обычно добиваться аудиенции бывшего регента приходилось долго.

— Приятно удивлена, что вы не поддержали мой арест, — сказала я тоном королевы, которая даже немного устала от участия в дворцовых интригах.

— С чего бы мне так поступать? — сказал он, не поднимая взгляда от бумаг. — Вы не предатель.

— Почему вы в этом так уверены?

И главное — почему Серджиус уверен в обратном.

— Потому, что я знаю, кто настоящий предатель, — заявил он так, как будто речь шла о меню на предстоящий ужин или чем-то столь же обыденном.

Я не нашла ничего лучше, чем спросить:

— И кто же?

Рихард поднял взгляд и посмотрел на меня жёстко, хищно, без фальшивой участливости, которую он проявлял ко мне раньше. Этот взгляд мне нравился больше, он по крайней мере честный.

— С чего бы мне делиться с вами этой бесценной информацией?

И действительно, в дворцовых интригах каждый сам за себя.

* * *

Все лица, задействованные в произошедшей драме, пообещали не говорить ничего Юджину, чтобы не беспокоить по пустякам наше всеми любимое величество. Как по мне, так это разумное решение, но, может быть, зря я с такой лёгкостью начинаю семейную жизнь с тайн. С другой стороны, Серджиус слёг с лихорадкой, и Юджина в первую очередь волновало здоровье друга. Однако, несмотря на болезнь, Серджиус и не думал угомоняться.

Следующим утром я безмятежно спала в своей постели в одиночестве — Юджин продолжал подниматься ни свет, ни заря, женитьба не изменила его привычек, — когда дверь резко отворилась и вбежала девушка. Я не успела сразу её разглядеть, но мне казалось, что я где-то её уже видела.

— Простите, ваше величество, но я не могла ждать. Командера Конрада и Серджиуса арестовали!

Это было так абсурдно, что в голове не укладывалось. Это так же абсурдно, как если бы в вечерних новостях на первом канале сообщили, что генерала МВД и министра обороны арестовали. Но кому нужно придумывать подобную бредятину? и для чего? Я бы подумала, что на меня хотят напасть, но пройти через защиту королевской спальни мог только «свой» человек, да и зачем нападающему придумывать такую нелепость?

На автомате я начала собираться, накинула закрытый халат, похожий на приталенное кимоно. Я, кажется, ещё не выражала своей любви к здешним халатам, так вот выражаю — они прекрасны.

— За что их арестовали? — спросила я, судорожно запахиваясь.

Да, и зачем нужна моя помощь? Чтобы вытащить их?

— Они подрались.

— С кем? — не поняла я.

— Ни с кем, говорю же, они подрались!

Отделавшись от первого шока, я смогла рассмотреть девушку — полненькая, светлокожая, пожалуй, что красивая. Всё в ней было правильно, кругленько, ладненько.

— На них напали? — я по-прежнему ничего не понимала.

— Нет, они подрались друг с другом. Я хотела найти Юджина, — заговорила она быстрее, — но его нигде нет. Думаю, по вашему приказу их тоже отпустят.

Во мне разыгралась ревность — кто эта девица такая, что называет моего мужа и короля по имени.

— А вы, собственно, кто?

— Я? — её глаза смешно округлились, гармонируя со всеми остальными кругами в её теле. — Я жена Серджиуса. Ридли меня зовут.

Я сперва подумала — зачем ему жена, он же женат на своей работе и на Юджине заодно, но тут же устыдилась своей мысли — затем же, зачем и остальным. Хотя всё же странно, что я её не знала до сих пор.

— Хорошо, пошли, попробуем разругать эту ситуацию.

— Разругать?

— Не обращай внимания.

* * *

Для участка внутренней охраны, я всё же решила одеться в соответствии с церемониалом, только волосы не стала убирать в причёску, на это не было времени. Пусть думают, что коса — новый писк моды, а не дань нехватке времени.

Сам участок представлял собой светлую комнату, разделённую на две равных половины — с одной стороны, где работал персонал — красивые юноши и девушки в разноцветных кителях, были высокие и широкие окна, стены выкрашены в светлые тона, столы заставлены весёленькой чепухой; на противоположной стороне, огороженной решёткой, окон не наблюдалось, но в целом было так же мило. Все сотрудники притихли, рассредоточились по своим столам, говорили полусшёпотом.

Юджина уже осведомили, он яростно взирал на обоих братьев, сидящих за решёткой. Он ничего не говорил, просто смотрел на них взглядом, полным разочарования и бешенства. Я никогда не видела его таким, и понадеялась тогда, что никогда больше не увижу.

Сидящие за решёткой, мрачные, обиженные, братья выглядели совершенно одинаковыми, даже фингалы у них под глазами, будто бы отзеркаливали друг друга. Я впервые не сразу различила их. У Конрада была рассечена губа, у Серджиуса сильно отекала челюсть с правой стороны, кроме того он всё ещё температурил и весь блестел от пота.

— Вам не стыдно? — сказал наконец Юджин.

Мне снова стало смешно. Наверное, это что-то нервное, но я ожидала от него чего угодно, но не этой фразочки воспитателя из детского сада.

— Оскорбление королевской персоны карается законом, — пространно сказал Серджиус. Из-за травм и болезни он говорил немного в нос.

— Это ты себе скажи, я в отличие от некоторых мечом на королевскую персону не замахивался, — сказал Конрад. У него с голосом всё было нормально.

— Та-ак, — Юджин взмахнул рукой, словно дирижер, — а теперь вы объясните мне всё

с самого начала.

Ридли молча заняла стульчик в углу, и смотрелась в нём очень органично, как будто она на своём месте и всю жизнь здесь просидела.

Перебиваемый братом, Серджиус рассказал, как он собирался арестовать меня, потом признался, что погорячился, описал симптомы своей болезни, в которые входили слуховые галлюцинации, после чего пошёл совсем невнятный рассказ о том, как они с Конрадом пошли в бар выпить (и это во время болезни!), заговорили о короле и королеве и умудрились подраться.

— Но он сказал о тебе такое! — крикнул в сердцах Серджиус, обращаясь к Юджину.

— Если бы за любое плохое слово обо мне нужно было сажать в тюрьму, то ты, мой милый друг, оказался бы так первым. И ещё помнишь надпись на дворцовой стене, так вот это было бы делом первой важности.

— Я ищу, я занимаюсь этим делом, — спохватился Конрад.

Уж не знаю, чего такого на стене написано про Юджина. Сходить, что ли, посмотреть, но он смутился.

— Не надо. Я всего лишь хочу понять причину вашего конфликта.

А что, даже приятно, из-за меня в кои-то веки подрались парни. Ладно, скорее из-за моего мужа, но и из-за меня в некоторой степени тоже.

В итоге Серджиус извинился. Вроде бы даже искренне. Он попросил прощения у меня. Конрад — у Юджина, хотя мы до сих пор не знали за что, потом братья — друг у друга. Ридли хлопотала над разбитым лицом мужа. Юджин договаривался со служащими в участке. Очевидно, что произошло недоразумение, никто не пострадал, а сам по себе пьяный дебош не повод сажать человека за решётку, но в тот момент, когда мы впятером собирались выходить на улицу, нас настиг Рихард с парой крылатых офицеров за спиной.

— У меня есть все основания для ареста командера Конрада, — сказал он, как будто бы небрежно.

Да что за день безумный, причём уже второй подряд.

— Какие ещё основания? — возмутился Юджин. — Запрещаю проводить аресты без моего ведома.

— Если для ареста каждого мелкого воришки спрашивать вашего разрешения, ваше величество, вам спать будет некогда, — осадил его Рихард.

Все притихли. Обстановка накалялась.

— Не надо делать из меня дурака, дядя. Я говорил про аресты внутри Ближней Стаи, которые участились (то есть он уже знал, что произошло вчера), и ты это прекрасно понял. Сначала ты представишь доказательства, и я буду решать вопрос об аресте.

— Слушаюсь, ваше величество, — сказал Рихард, и в голосе его почти не звучала насмешка.

Они разговаривали наедине, так что всех подробностей я не знаю, как объяснили нам, Конрад вёл дневник, в котором описывал свою ненависть к покойному королю, Юджину и власти великого-и-так-далее государства Эйа. Якобы разлука с братом сделала его одержимым. Дневник имелся в наличии. (Теперь я поняла, что делал Рихард у Конрада дома.)

Рихард зачитывал отрывки, и, признаться, у меня кровь стыла в жилах. Конрад был весь белый, как простыня, треугольник вокруг губ отдавал синевой, как будто он находился в полуобморочном состоянии, но он всё равно пытался объясниться.

— Мне было шесть, и меня разлучили с братом, с которым мы раньше не расставались больше чем на пару минут. Конечно я был зол.

— Читаю запись двухлетней давности: «Серджиус не считает меня своим братом, мы и в половину не так близки, как они с Юджином. Я бы отдал всё на свете, чтобы повернуть время вспять или хотя бы сделать так, чтобы король умер раньше, и мы воссоединились после разлуки не такой долгой».

— У всех время от времени бывают подобные мысли, — защищался Конрад.

Я согласна с ним в том, что касалось мыслей. И правда, кто не думает плохо порой даже о самых близких. Но как-то всё было очень не к месту, не вовремя. Если объяснять происходящее тем, что Конрад безумен, пазл складывался идеально.

* * *

Завтрак проходил в напряжённой обстановке и укороченным составом. Серджиуса наконец-то смогли уложить в кровать, потому что у него начался откровенный бред. Кайла устроила дяде скандал и объявила голодовку. Как поведала она однажды на «ночных посиделках только для девочек», которые я пару раз устраивала у себя в спальне, принцесса была влюблена в Конрада. Не знаю, что там с вопросом взаимности, но когда предмет обожания обвинили в государственной измене, Кайла взбунтовалась.

Мне, ясное дело, кусок в горло не лез. Выйдя из-за стола, я направилась к заключённому. Чтобы понять, в чём дело, нужно было обязательно поговорить с ним. Конрада заперли не в камере, а в его собственном кабинете. Когда я вошла, он сидел, свернувшись в кресле.

Я выдержала паузу, хотела проследить за его реакцией, но никакой особенной реакции не последовало, он был всё таким же бледным, с синюшными губами, нервным, чуть ли не заплаканным.

Мог ли обаяшка Конрад совершить леденящее душу предательство? А почему бы и нет? Что в сущности я знаю об этих людях, знакома с которыми без году неделю? Ничего. Но это был не Конрад.

— Ты веришь, что я невиновен? — спросил он сразу же, ища взглядом моей поддержки, как щенок ищет одобрения большой собаки.

— Не знаю, — честно ответила я, присаживаясь на аккуратно застеленную кровать. — Вот скажи мне, ты хорошо знаком с Рихардом? Вы много вместе работали?

Всё же Рихард не давал мне покоя.

— Нет и нет. Наша работа почти не пересекается. Я провожу много времени с людьми, он — в своём кабинете с бумагами. Я решаю повседневные вопросы, он — думает обо всём и обо всех сразу.

— Чем же он всё-таки занимается? «Думает обо всём и обо всех» — расплывчатые обязанности, согласись?

— Говорю же, я человек простой, работаю с людьми, в дела государственные, где светлая голова нужна, не лезу.

— Ну ты же можешь предположить.

— Думаю, Рихард занимается всем, что не нравится Юджину. Например, поиском шпионов.

— Значит, Рихард специально искал предателя. Это логично, особенно после замечания принца Гидеона.

— Да, точно искал, иначе он не наткнулся бы на эту тётку.

— Какую ещё тётку?

— Ну ту, — пояснил он, — которая дала против меня показания, якобы она видела меня с одним из революционной шайки.

От Конрада я вышла воодушевлённая новой идеей. Рихард искал предателя. Это мы и так знаем. Искал, искал и не нашёл. Стал думать у кого есть мотив. О, Конрад. У Конрада причин ненавидеть власть достаточно. Порылся в грязном бельишке, накопал дневничок. Записи в дневнике подтвердили версию. Осталось найти свидетеля. Стал расспрашивать, пока не встретил человека, который затаил обиду на Конрада. Это только так кажется, что у него врагов нет, а на самом деле у каждого обличенного властью есть враги, даже у Конрада. Ну вот и всё. Предатель схвачен, добро восторжествовало.

* * *

Следующим утром, совершая свой обычный ритуал подготовки к полному дел дню, я отвлеклась на странное постукивание за окном. Выглянув наружу, я увидела Гидеона, осторожно стучащего клювом в оконную раму. Я впустила птицу внутрь, заканчивая собирать свои волосы. Ворон сел на подоконник и стал внимательно смотреть на меня, не издавая ни звука. «Чего ты?», — спросила я. Он ответил что-то на своём, птичьим языке, и я каким-то образом поняла, что он хочет, чтобы я следовала за ним. «Ну пошли, если ты так хочешь».

Вслед за Гидеоном я прошла к кристаллохранилищу, в дальний, заброшенный угол, где он уселся на полку и, качнув своей чёрной, гладенькой головой в сторону, указал на один из кристаллов. Это оказалась запись помолвки, произошедшей лет десять назад. На ней Рихард, облачённый в парадный мундир предлагает руку и сердце, кто бы мог подумать, Селене, той самой женщине революционерке. Моё собственное сердце в тот момент точно пропустило пару ударов. Мог ли сам Рихард быть предателем? и специально вести всех по ложному следу, чтобы спасти свою шкуру?

Я так и осталась стоять с кристаллом в руке. Гидеон громогласно каркнул, выводя меня из задумчивости, и расправил крылья и полетел дальше как ни в чём не бывало. Дальше он повёл меня за собой в городскую библиотеку, где хранилась вся официальная дворцовая переписка. Тут я сама догадалась, что мне нужно спрашивать. Молодой умного вида юноша торжественно вручил мне ключ от секции с путанным наименованием, где и хранились все письма, когда-либо написанные представителями рода Юджина или ими полученные.

Разбираться в целой тонне скучных канцелярских переписок было долго и скучно. Наконец я нашла письма десятилетней давности, написанные уверенной рукой Рихарда. Сначала я чувствовала себя странно, как будто делала нечто постыдное (что так и было), но потом увлеклась историей их романа и забыла о времени. Удивительно, но Рихард проявлял себя страстным любовником в эпистолярном жанре, обещал вечную верность и всё прочее. Через некоторое время Гидеон заскучал и улетел, наверное, к Кайле.

Со всем этим ворохом писем я пошла к Юджину. Как и я, Юджин не верил в виновность Конрада, но спорить с обвинениями Рихарда было сложно. Письменное доказательство и

показания свидетеля — против такого не выступишь одну лишь уверенность в невинности друга. Естественно, мою теорию о том, что предатель сам Рихард, он тоже не поддержал.

— Это очень старая история, — сказал Юджин с тяжёлым вздохом. — Мы не говорим о ней.

— Что за история? О том, как твой дядя связался с революционеркой?

— Когда-то она была знатной дамой, жила во Дворце, они с дядей должны были пожениться. Но через какое-то время она стала отступницей.

— Подожди. Кто такие отступники?

— Маги, которые отреклись от использования магии. Они ходят в чёрных одеждах. Может быть, ты видела.

— Почему они не хотят колдовать? Это же здорово упрощает жизнь.

Наверное, я слишком практична, чтобы понять, как можно отказаться от магии.

— Некоторые думают, что магия противоестественна по своей природе. Другие требуют от нас сделать магию доступной для всех, а для этого у нас, я сейчас говорю про власть, не достаточно ресурсов.

— Получается, что эта Селена сама отказалась от всего — от магии, от красивой жизни во Дворце, от замужества.

— Да. Это случилось через два года после смерти моих родителей, и очень подкосило дядю, да и всех нас тоже. Она была нам как родная.

Мы погрузились в неловкое молчание. Потом пришла Иоланда, которая в библиотеке Храма нашла решение конрадовой проблемы, но и это решение было сомнительным.

— Мне не нравится идея использовать на Конне Иглу Правды, — сказал Юджин. — Он может не выдержать.

— Не вижу иного способа переубедить Рихарда и самим удостовериться в том, во что мы верим, — сказала Иоланда, погрузившаяся, но в целом такая же спокойная, как всегда.

Они оба по-своему были правы. Иглу Правды втыкали в сердце, и боль от неё ощущается именно так, словно тебе в сердце вонзили толстую иголку. Эффективный метод допроса, который даже для особо опасных преступников использовался только с их разрешения. Главное задавать правильные вопросы. Юджин был против, Серджиус, пришедший в себя, был против вдвойне. Я посчитала, что не должна высказывать своего мнения. В конце концов, решение принадлежало Конраду и только ему. Естественно, он отмёл все остальные варианты и осмелился на допрос с участием Иглы.

Действо происходило в Храме, который нужно было соответствующим образом подготовить. Пришлось ждать пару дней, за которые мы все издёргались. И вот наконец, день наступил.

Конрада уложили на чёрный каменный стол, на котором ещё недавно женили нас с Юджином. Всё было так же, разве что народу было меньше. Рихард стоял за кафедрой, раскинув перед собой бумаги, готовясь к допросу. Иоланда ловким движением в один миг вогнала Иглу Конраду в грудь. Прошло несколько секунд, и она помогла ему принять сидячее положение.

— Вас зовут Конрад Синт-ти? — начал Рихард.

— Нет, — ровно, без всякого выражения ответил Конрад, — мне было даровано право не пользоваться фамильным именем. Сейчас меня называют Конрад с использованием должности или чина.

— Итак, Конрад, у вас возникало желание причинить зло кому-нибудь из членов

королевской семьи?

— Да, — ответил он уже не таким бесстрастным тоном.

— Кому конкретно?

Голос Конрада слегка задрожал.

— Всем до единого.

— В ваших мыслях вы доходили до убийства?

Конрад покосился на Иглу.

— Да.

— Вы преисполнили эти намерения в жизнь?

— Нет.

— Где вы были...

— Принц Рихард, — вмешалась Иоланда, — на этот вопрос с большой вероятностью будет дан не совсем точный ответ.

— Хорошо. Тогда без предисловий. Вы убивали офицеров Виеллиса, Крипта и Дэйли?

Взгляд Рихарда сам был, как Игла, казалось, им можно убить.

— Нет, — ответил Конрад с лёгкостью.

— Отдавали поручение убить офицеров Виеллиса, Крипта и Дэйли? — настаивал Рихард.

— Нет.

— Подстрекали на совершение убийства Виеллиса, Крипта и Дэйли?

— Нет.

— Помогали действием или без действием, или иным способом участвовали в убийстве Виеллиса, Крипта и Дэйли?

— Нет.

— Я так понимаю, что на этом допрос окончен, — громко сказал Юджин.

— Коммандер Конрад, вы свободны, — произнёс Рихард с каменным лицом.

Иоланда мягко, кончиками пальцев уложила Конрада обратно, извлекла Иглу тем же ловким движением, что и воткнула, магией залечила рану и помогла подняться на ноги. Конрад был всё ещё очень бледным, но счастливым до неприличия. Он пребывал на грани обморока от счастья. Юджин хлопнул его по плечу. Серджиус выглядел больным, из-за недомогания он стал медленным, не успел вовремя подойти к брату и затерялся в толпе.

На выходе из Храма я остановила Рихарда.

— Вы выглядите расстроенным, товарищ регент.

— Товарищ? — он устало потёр глаза. — И времена моего регентства закончились.

— Не обращайтесь внимания на мои иномирские словечки, я их добавляю специально, чтобы казаться загадочной иностранкой.

— Да, признаться, я невесел, — жёстко сказал Рихард. — Невинность Конрада огорчила меня. Что делать дальше, я не знаю. Какая-то большая сила желает, чтобы я нашёл проклятый дневник Конрада, чтобы улики сошлись именно на нём. А я не люблю, когда мной манипулируют.

Джо привёл их в коммунальную квартиру на Старом Арбате. Высокие потолки, тяжёлые двери, деревянные рамы со стёклами, стучащими по ночам, — классика старых московских квартир. Юля никогда в такой никогда не жила, Климт тем более. В коридоре было темно, Юля споткнулась о детские санки, зато в комнате висела огромная хрустальная люстра с пыльными лампочками и позвякивающими детальками. Центральное место занимал буфет с прозрачными дверцами и кучей ненужного барахла, выставленного на показ гостям — статуэтки доярок и пастушков, графины, гжель, комплекты бокалов с золочёными краями, сервизы с штампованными розочками. Ближе к окну стоял продавленный диван-кровать, разложенные наполовину, застывший в этом недо-, полу-состоянии. Странные условия жизни для принца с принцессой.

Ребята, завёрнутые в шерстяные клетчатые пледы, сидели на полу. На обоих были надеты толстенные носки, одинаковые джинсы и белые футболки. Оба рыжие, они были очень похожи, одинаково юные, совсем дети, но при этом чем-то неуловимо отличались, словно они были разными частями одного организма.

Рой налил Юле слабенький сладкий чай, Климту поставил наполненную водой чашку с отколотой ручкой. Джо закурил в форточку.

— В день нашего семнадцатилетия... — начала Делайла их общую историю, потрянув своей рыжей гривой. Она сама на фоне своих волос выглядела крошечной, нахохлившейся птичкой.

— У вас день рождения в один день? — спросил Климт, просматривая свои записи.

— Да.

— Но вы не близнецы?

— Нет, мы даже не родственники, — ответила Делайла.

— Мы из разных Кланов. Я из Клана Художников, а Эли из Железного Клана, — подтвердил её слова Рой.

— Подождите, что ещё за Кланы?

— Наверное, лучше сразу показать вам Закон.

Эли изящно взмахнула рукой, и в воздухе повисли горящие белым светом буквы неизвестного языка, переводчик почему-то не сработал. Эли взмахнула рукой ещё раз и раздался громовой, потусторонний голос: «Нет стремления благородней нежели Созидание. На благо Созидания живут и здравствуют Старейшина, Королева, Король, а вместе с ним королевские Кланы. Во имя Созидания миру даруется Создательница, которая избирается Законом по своему суждению из числа династий благороднейших, принадлежащих к Кланам королевским. По заслугам предков и по чистоте Клана делается выбор. Корона передаётся главе Клана избранного и украшает его благороднейшее чело до тех пор, пока в роду его рождаются Создательницы. В пару Создательнице миру даруется Страж её, который проведёт подле неё до скончания века, им уготованного. Создательница и Страж рождаются вместе и остаются неразлучны до конца. Да будет их сущность такова. Нет греха худшего нежели разрушение Мира Созданного. За сий грех Создательница и Страж несут проклятье вечное, а вместе с ними и Королевство. Да продлится изгнание повинных, пока не рухнут Вечные Горы».

Юле показалось, что её бьёт озноб, как при сильном гриппе. Эти слова, словно

проникали внутрь головы и бродили по телу, по венам, по нервам. Буквы погасли. Захлопнулась форточка. Джо снова открыл её и выкинул окурок наружу.

Первым от шока отошёл Климт.

— Я так понимаю, вы двое — Создательница и Страж?

— Должны были ими стать в день своего семнадцатилетия, — подтвердила Делайла.

— В чём именно заключаются ваши обязанности?

— Создательница погружается в Сон, который длится до того дня, когда новая Создательница вступит на её место. Во время Сна Создательница видит Мир Грёз, тот самый, в котором мы сейчас находимся, и по преданию может менять происходящее здесь. Страж же погружается именно в её Сон и помогает ей не сойти с пути. Старейшина живёт в обоих мирах, как вы уже, наверное, поняли. Сущность Джо позволяет ему находиться одновременно в двух местах.

— Вы, стало быть, не захотели спать большую часть жизни? Можно понять.

Внешне Дейлайла представляла собой удивительное спокойствие, но её недовольство вопросом почти осязаемо повисло в воздухе, казалось, что в комнате, над их головами висит грозная туча.

— А вы в семнадцать лет захотели бы похоронить себя в горной пещере? Сомневаюсь. Кроме того перед нами был опыт предыдущих Стража и Создательницы, их изгнали из нашего мира за то, что они полюбили друг друга. Представьте себе, в нашем мире наказывают за любовь. Казалось бы, ну и что? Но тогда получается, что оба мира могут существовать без поддержки Стража и Создательницы, зачем же тогда мучить людей, фактически лишая их жизни?

Удивительно здравые рассуждения для семнадцатилетней девицы.

— Я провёл своё расследование, — сказал Джо, закуривая новую сигарету. — Мне не удалось много выяснить, но по всему выходит, что с помощью Стража и Создательницы из Мира Грёз выкачивается магия, именно с помощью этой магии функционирует Мир Перевернутого Конуса.

— Кстати, откуда такое название? — спросила Юля.

— Считается, что пик Вечных Гор упирается прямо в Мир Грёз и там проходит граница между одним миром и другим. Таким образом получается, что Горы образуют перевёрнутый конус.

Когда Рой говорил, руки его летали из стороны в сторону, изображая то, о чём он рассказывал.

— Что вы можете сказать о Королеве Кэт?

— Это моя мать, — сказал Рой.

— Она сложный человек, — добавила Делайла.

Тяжёлая тема для любого, у кого не сложились отношения с родителями, особенно для мальчика, который сбежал в другой мир, лишь бы бежать от королевской воли своей матери. Рой не спешил осуждать её, его воспитали иначе, но говорить прямо и совсем её не осуждать как-то не получалось.

— Как вам в этом мире? — спросил Климт, осторожно меняя тему. — Тяжело, наверное.

— Не так, как вам кажется. Нас с детства готовили к жизни в этом мире, нас учили географии, государственному устройству, традициям, истории. С языком бывает сложно, мы затрачиваем много магии, чтобы понимать и чтобы нас понимали.

— Что планируете делать? — спросила Юля.

— Жить, — просто ответил Рой.

— Здесь?

— Это важно? Здесь или не здесь. Мы не сдадимся.

— У Климта есть связи в иномирье, он может переправить вас в более безопасное место, — сказал Джо.

Климт строго посмотрел на него. Не стоило так сразу раскрывать все карты.

— Думаю, собравшимся можно доверять, — попытался оправдаться Джо.

И тут Юля поняла, что Климт не доверяет ей, иначе почему он не хочет сейчас обсуждать свои связи, да и вообще он никогда не делится с ней своими планами, не разговаривает о делах. Это недоверие взбесило её. Захотелось встать и уйти, оставить Климта в этом чёртовом мире с его наверняка неисправным порталом.

* * *

История с Рейл-ло и козами вроде бы разрешилась, но пару раз в течение, наверное, недели я замечала этого иномирца, Климта, в компании с Юджином. Они прогуливались по мостикам через озёра, названные в честь юджиновых предков, увлечённо разговаривая. Последним человеком, который так же смог увлечь моего супруга, была я, и вылилось это всё в свадьбу, поэтому я заинтересовалась (исключительно из любопытства, ни капли ревности).

— Чего у вас с Климтом за дела? — спросила я напрямую.

— Ревнуешь? — спросил Юджин с до идиотизма серьёзной миной. Я легонько ударила его кулаком в плечо, он улыбнулся.

Мимо нас горделивой походкой прошла птица, дикая и прекрасная смесь павлина с фламинго — розовая с длинным, пышным хвостом. Хвост метнулся вправо, нас обдало взглядом полным презрения. Пернатые в Эйа в особом почёте, что-то вроде коров в Индии, поэтому они смотрят на людей как на ничтожных существ.

— Будь я ревнивой, давно бы зарезала во сне всех твоих советников. Или нет, отравила бы, это больше соответствует образу роковой женщины. Первым я отравила бы Серджиуса. Определённо. Вы с ним, как будто близнецы, а не он с Конрадом.

— А то я смотрю, он болеет. Так вот значит, кто виноват... Если серьёзно, то Климт интересуется работой моей матери. Не знаю, откуда он об этом узнал. Даже в Эйа её научная деятельность не так уж известна.

Меня всегда удивляло то, как он говорил о матери. Обычно говоря о покойной королеве, вспоминают, что она была добрейшей, красивейшей, на крайний случай, мудрейшей, а Юджин чаще упоминал её острый ум. «Она была на грани открытия, я уверен. С ней работал Серджиус, но он так ничего мне не выдал, как будто верит, что она вернётся», — сказал он однажды. Так что ему определённо было приятно внимание иноземца к работе матери.

* * *

Я ходила навещать Вадима, который проводил время или запершись в комнате вместе с

местным «техником», или на тренировочной площадке под строгим надзором Серджиуса и его заместителей. Идея с Интернетом продвигалась, Вадим был уже близок к тому, чтобы установить постоянную связь. В моей светлой голове постепенно формировалась идея доступной для всех обучающей магии программы, с помощью которой даже беднейшие слои населения смогли бы колдовать на простейшем уровне. Только как это сделать я пока не до конца понимала.

Серджиус, кстати говоря, выздоровел. Осталось неизвестным, что за безумие овладело им тогда. Выздоровев, он стал молчаливым, почти тихим, ещё более строгим и замкнутым, чем обычно. В свою очередь, Конрад стал одержим поиском предателя, его даже на время отстранили от работы, назвав это отпуском. Над братьями словно бы туча нависла. Может быть, она была и раньше, просто я не замечала. Их ведь разлучили в детстве, да и потом отношения складывались странно. Может, мне не понять, потому что я единственный ребёнок в семье, но ведь и Юджин недоумевал от происходящего.

Чтобы как-то улучшить дворцовую атмосферу я снова устроила девичник в своей бывшей спальне. В этот раз помимо Кайлы и своих служанок я позвала Иоланду, у которой, видимо, никогда не было подруг женского пола, поэтому чувствовала себя неловко. Я пыталась растормошить её, пока Кайла поглощала пятое пирожное неземной красоты, а Ульсия с ещё одной девушкой, Милли, плели друг другу косы.

— На девичниках принято делиться секретами, — объяснила я Иоланде. Она медленно непонимающе моргнула. — Допустим, можно рассказать про свой первый поцелуй.

Кайла с набитым ртом энергично трясла головой в знак согласия.

— Если, конечно, хочешь, — добавила я.

— Мы с Серджиусом учились целоваться друг на друге, — сказала Иоланда, чуть покраснев (вот уж не думала, что она на это способна). — Ему это умение пригодилось больше, чем мне.

Ульсия с Милли совсем затихли, Кайла издала тихий, еле слышный писк — новость сразила её наповал. Все молчали.

— По-моему, моё признание не разрядило атмосферу, — заметила Иоланда с улыбкой.

— Давайте лучше я, — сказала я, и начала долгую историю, сопровождая свою историю необходимой жестикуляцией и пантомимой. Все слушали меня внимательно, Иоланда, как мне показалось, даже расслабилась. Я рассказывала о мальчике Пете из шестого Б, который отличался слабым здоровьем и нравился мне своими ангельскими светлыми кудряшками. Мы целовались до боли в губах, пока он не упал в обморок.

Ульсия, смутившись до тёмно-розового цвета, вспоминая о своём двоюродном кузене (о ужас!), а Милли наоборот, с гордостью, рассказывала о сыне дворцового кузнеца, который был довольно известным в Эйа певцом.

Кайла отказалась раскрывать свои тайны, чего я никак не ожидала.

— Кто-нибудь из вас расскажет дяде или Джинни, и они побьют несчастного. Вот лучше расскажи, Ио, чему вас в Ордене учат такому, чего мы не знаем.

— Мы, маги, воспитанные в Храме, видим связи между людьми недоступные глазу других, даже самых сильных магов, — с готовностью ответила Иоланда (всё, что касалось работы, её не смущало). — В общем-то, это ненужное в обычной жизни знание, тяжёлое, я бы сказала. Вот как свою связь мы все чувствуем, знаем о ней, хотя и отрицаем иногда, иногда не сразу, иногда понимаем, когда слишком поздно, так и мы видим все связи.

Слишком сильное признание для девичника — все притихли, задумавшись, но мне

стало интересно.

— Ты говоришь про связь с любимым человеком? Что-то вроде родственных душ?

— Между любовью и магической связью очень мало общего.

— Магия сильнее?

— Нет ничего сильнее любви, не мне это говорить. И уж точно не тебе.

Она улыбнулась. Милли ткнула Ульсию локтём в бок, обе заулыбались.

— Магия показывает дорогу, подчиненная судьбе. Любовь выше всего этого.

Магическая связь сродни соседству в тюремной камере.

И тут я с ужасом поняла, что знаю, о чём говорит Иоланда. Всё же не для неё, наверное, девичники.

* * *

В своих безумных поисках Конрад нашёл то, что даже не искал. А именно — мальчишку, который украл мой медальон на рыночной площади. Я сидела в тронном зале, развалившись на троне (ну а что, он удобный), когда ввели грязного мальчишку, который ревел, икал, снова ревел и снова икал.

— Я не хоте-е-ел! Ик... Я больше ни-и-и-бу-у-удуууу!

Моё сердце сжалось, но на Конрада эти увещевания не действовали.

— Говори, кто тебя подослал!

— Ни-и-и-кто, я са-а-м. Я бо-ольше не бу-у-ду.

— Конрад, отведи его к родителям, пожалуйста. Он ничего не знает.

С ожесточённым лицом, к которому я всё никак не могла привыкнуть, Конрад скомандовал своему подчинённому в сиреновом кителе убрать мальчишку из зала.

— Зря ты так, он мог что-то знать.

— Ничего он не знал. Что с тобой происходит?

Я волновалась за него.

— Нельзя расслабляться, пока предатель не будет пойман.

— Да может нет никакого предателя, — сказала я. — Может, Гидеон ошибся.

Конрад ухмыльнулся как-то уж слишком похоже на Серджиуса.

— А небо само упало?

* * *

Признаюсь, я стала слеживать за Конрадом. Не следить, а именно слеживать, время от времени. Меня не покидало чувство, что он ввяжется в какую-нибудь неприятную историю. Для этих целей я использовала ворона Кайлы, Гидеона, с которым у нас получалось немного одностороннее, но всё же достаточно информативное общение.

Я наблюдала за Вадимом и «техником», которые прилаживали одну плату к другой, периодически исторгая громогласные ругательства на двух языках, когда влетел Гидеон и каркнул мне предостережение. Что-то случилось с Конрадом. По карканью я каким-то образом поняла, что Конрад выслеживал связного, с которым его, якобы, видела свидетельница Рихарда, и приготовился арестовывать того, кто придет к связному на

встречу. Это могла быть ловушка.

Как чёрный вертолётник, Гидеон кружил по комнате. Вадим замахал на него руками: «Къш».

— Вадим, — сказала я, — пойдём-ка со мной.

— Зачем?

— Пока не знаю.

Он вопросительно посмотрел на меня, но послушался. Гидеон летел быстро, мы едва поспевали за ним бегом. Как сумасшедшие, мы бежали по Городу, вызывая разную реакцию толпы — от осуждения до восхищения (даже не знаю, чем именно восхищались — моей смелостью или физической подготовкой). В конце концов, Гидеон привёл нас к заброшенному зданию на окраине. Голубая краска хлопьями слезала со стен, порожек ссыпался на землю, вместо окон зияли пустые чёрные провалы, ярко-синяя крыша была скошена на бок.

Не успев отдышаться, мы услышали всем нам знакомый голос:

— Лучше бы остался сегодня дома, Кон.

За этим голосом последовал громкий удар и тишина. Не раздумывая дольше, мы с Вадимом в едином порыве кинулись открывать покорёженную дверь. Внутри дом выглядел совсем иначе, он был полностью отделан, с удобной мебелировкой, светел и чист. Над упавшим Конрадом стоял, наклонившись, Серджиус.

Перед глазами потемнело, в висках отбивало ритм беспокойное сердце, горло сжало железной хваткой. Я испугалась, что сейчас потеряю сознание. Краем уха, уже уплывая в бессознательное, я услышала Вадима:

— Что ты с ним сделал?

— Ничего, — ответил Серджиус беспомощно. — Он... упал в обморок.

Эта весть меня отрезвила, я подошла к Конраду, прощупала пульс, ударила его пару раз по щеке. Он точно был жив. Но настолько шокирован открывшейся правдой, что не смог дольше находиться в сознании.

Вадим стоял, выставив вперёд руку с останавливающим заклинанием, Серджиус не шелохнулся с того момента, как мы вошли, совсем как на рыцарском испытании. Я не знала что делать.

— Гидеон, пошли за Рихардом и стражей, — сказала я не своим, незнакомым голосом.

* * *

Волна боли сбила меня с ног. Юджин хотел умереть, то, что он чувствовал, было невыносимым даже для меня, не представляю, какого было ему. В своём кабинете он лежал на полу, скрюченный, изломанный от этой боли. Наполовину ослепнув, я бросилась к нему. Я бежала к Юджину, когда меня остановила Ульсия. Она схватила меня за руку, потом смутившись, отвела взгляд, и как будто бы вся съёжилась.

— Вас вызывает принц Рихард, — сказала она.

— У меня нет времени.

— Он сказал, что накажет меня, если сейчас же не приведу вас.

Вот ведь хитрец, знает, на что надавить. Не то чтобы я верила в вероятность того, что он жестоко накажет ни в чём неповинную девушку, но не могу же я оставить Ульсию в страхе.

Открытая мною дверь в кабинет Рихарда хлопнула о противоположную сторону стены.

— Зачем я вам так срочно понадобилась?! Я нужна Юджину.

— Именно поэтому я тебя и позвал. Чтобы помочь Юджину.

Я мотнула головой.

— Не понимаю.

— Присядь, — почти ласково сказал Рихард.

— Вы уже говорили с Юджином?

— Да, и он хочет казнить своего лучшего друга.

Рихард надолго замолчал. Может, я должна была что-то сказать, но мне ничего не шло в голову, меня распирало от той боли, которую испытывал Юджин, меня мутило от эмоций, принадлежащих, видимо, Серджиусу. В общем, это было тяжело.

— Юджин и Серджиус были неразлучны в детстве, как бывают неразлучны только маленькие мальчики. Однажды Юджин спас Серджиуса от наказания. В нашем роду была ужасная, архаическая, варварская традиция приставлять к наследнику мальчика для наказаний. Принц пакостит — наказывают не его. Это очень хороший урок ответственности за других людей, хороший, но жестокий. Я был против, но моё мнение не сыграло решающей роли, кем я вообще был — третьим братом, пятым в очереди на трон; зато Юджин смог повлиять на отца. Не знаю как, в нём всегда было какое-то неведомое мне величие воли. С тех самых пор между мальчиками была особая связь, они всё делали вместе. Когда погибли родители Юджина, они никого к себе не подпускали, заперлись в комнате, на третьи сутки я обнаружил их спящими не в обнимку даже, а клубочком, как котята. — Эти откровения меня напугали. — Зачем я это говорю? Может быть, я старый дурак и мне противна мысль, что человек, которого я воспитывал с четырнадцати лет, предал всё, во что мы верили. А может быть, я волнуюсь за племянника, который получил только что нож и в спину, и в сердце.

— Главный вопрос — какова моя роль во всём этом?

— Тебе придется убедить мужа в том, что его друг не виновен. Делай что хочешь, ищи причины его предательства, бей на жалость, лги. Можешь сказать, что Серджиуса околдовали.

— А если не получится?

— Должно получиться.

* * *

У входа в стеклянную камеру вместе с обычными стражниками дежурил Вадим, ограничивая магические возможности Серджиуса. Для этого чрезвычайно деликатного дела стекла сделали непрозрачным, чтобы горожане не глазели. Вадим остановил меня.

— Постой, — сказал он. — Он пытался покончить с собой. Не пугайся, когда увидишь его.

Меня замутило сильнее. Такие вещи, как суицид, всегда кажутся слишком далёкими, чтобы быть реальностью, и вот теперь мне пришлось столкнуться с этим невозможно близко. Хотел ли Серджиус сохранить секреты революционеров? Или стыдился своего предательства? Надо идти. Пока не войду — не узнаю.

Серджиус сидел на полу, прислонившись спиной к кованому изножью кровати, от неудачной попытки самоубийства на его лице разбежалась сетка лопнувших сосудов, глаза

были красными, по шее шла неровная полоса из ссадин, оставленных простыней.

— Зачем?.. — я кивнула на его шею.

— Там, откуда ты, с предателями обращаются как-то иначе, чем везде? — ответил он жутким голосом, от которого создавалось впечатление, что каждое слово ножом царапает изнутри.

— Там, откуда я, с предателями обращаются хуже, чем ты можешь себе представить, но мы не о моём мире, а о твоём. И здесь у тебя есть могущественный покровитель, он ещё корону носит иногда, когда на улицу выходит.

Серджиус печально ухмыльнулся. Я прошла в комнату, и сел на кровать.

— Похоже, ты плохо знаешь своего мужа.

Это, конечно, не правда. Я достаточно хорошо знаю Юджина, и уже успела понять, что он жаждет крови бывшего лучшего друга, но сообщать об этом Серджиусу пока не собиралась. Если он будет совсем не сговорчив, скажу, может, испугается королевского гнева и начнёт оправдываться. В глубине души я на это даже не надеялась.

— Давай ты расскажешь мне всё, и я попробую найти подход к Юджину, — мягко сказала я.

— Зачем?

— Затем, чтобы помочь тебе.

Он гордо задрал подбородок, несмотря на то, что вся его поза изображала усталость и смирение.

— Меня больше не волнует собственная судьба.

— Допустим, но подумай о жене? Каково будет с милой Ридли, когда она узнает, что её муж предатель, когда она соприкоснётся с той грязью, через которую протащат всю твою семью.

Когда я сказала это слово «предатель», Серджиус дёрнулся.

— Ничего, Ридли быстро найдёт себе нового мужа. У неё поклонников всегда много было, что неудивительно — иностранка, красавица.

— Думаешь, она совсем тебя не любит?

— Любовь проходит, — сказал он тихо.

— Так же, как прошла твоя к Юджину перед тем, как ты решил предать его?

Он снова дёрнулся, и даже не пытался скрывать, как сильно его взволновал мой вопрос.

— Это не любовь, это чувство долга.

— Серьёзно? А по мне так она родимая. — Он молчал. — Что тебе даст молчание? Что такого ты скрываешь, Серджиус? Неужели что-то настолько ужасное? В любом случае, хуже, чем сейчас, не будет.

— Допустим, не я один замешан в этой истории.

— Кого же ты так отчаянно защищаешь? — тут мог быть только один ответ, я в ужасе спросила. — Конрад?

Судя по выражению лица, Серджиус глубоко разочаровался в моих умственных способностях. Если не Конрад, кто тогда? Кто был настолько дорог Серджиусу? Кто-то близкий Юджину. Рихард? Но он же сам отправил меня выуживать информацию. Кайла? Она совсем ещё ребёнок. Неужели Иоланда? Я никогда не думала о ней как о серьёзном игроке, и зря, наверное. Кому как ни ей, сильнейшей колдунье, приближённой короля, делать крупные ставки.

— Помоги мне.

— Но зачем, Марта?! — в его голосе послышалась истерика. — Ответь мне, пожалуйста, зачем тебе всё это нужно?

— Мне нужно, чтобы Юджин простил тебя.

— Любопытно... — Серджиус откинул голову так, чтобы смотреть на потолок. — Ты всё же не обычная девчонка, мечтавшая о принце и по недосмотру судьбы его заполучившая...

— Как раз я самая обычная девчонка, просто попала в необычные обстоятельства, но ты мне зубы не заговаривай, и комплименты мне твои не сдались.

— Будь я на твоём месте, поливал бы себя грязью, стараясь выправить любые крохи симпатии, убить память. Лишь бы остаться единственным важным человеком...

Да, отправил меня сюда Рихард, но это не значило, что у меня нет собственного интереса.

— Типично мужская позиция. — Я пожала плечами. — К счастью для тебя, я поступлю, прости уж, умнее. Пока Юджин обижен на тебя, это предательство проедает всё большую рану в его душе. Ты разбил ему сердце, и я должна сделать всё, чтобы ты же собрал его обратно, потому что сердце Юджина принадлежит мне, а я терпеть не могу, когда мои вещи ломают.

Серджиус продолжал созерцать мутный стеклянный потолок.

— Умно... По-женски...

Опять мне зубы заговаривает.

— Кто ещё замешан в отношениях с революционерами?

— Мне сложно об этом говорить. Я давал присягу. Сама знаешь, что это такое... Хотя, пожалуй, как ты сказала, хуже уже не будет... Отец Юджина был тяжёлым человеком. После смерти родителей Юджин старался сохранить о нём память как о великом короле. Отчасти так оно и было. Даже не отчасти, король действительно был значительной фигурой, много сделал для страны, ещё больше пытался сделать, но методы его... Его методы можно было оценить по-разному. Так или иначе в личном общении он был похож на грозу — мощно, по-своему, ужасающе красиво, но страшно. — Вот уж не ожидала от Серджиуса поэтических сравнений. — Королева Луиза была красива, обаятельна, великодушна, ум острый как кинжал, занималась всеми возможными науками, но не было в ней достаточно твёрдости, чтобы повлиять на мужа. А в Юджине удивительным образом сочетаются лучшие качества родителей: величие, сила воли отца и доброта матери. Он гордый до безумия, гору головой протаранит, но лучше умрёт, чем причинит зло другому человеку. Вот и на отца он оказывал сильнейшее влияние, король даже смягчился в последние годы правления. Юджин умеет влиять на людей, оставляя в их жизни не смываемую печать. Иногда я думаю, какой ужас случился бы, достанься эта его способность плохому человеку. Так вот он сумел изменить отца, но я-то лучше многих знал, на что король способен.

У меня разболелась голова. До ужаса не хотелось услышать жалкую, мелочную историю о том, как мальчика унижали в детстве, и он решил всем отомстить.

— В восемь лет меня разлучили с семьёй, с братом... Первые пару лет я чувствовал Конрада, а потом вдруг перестал. Было страшно, как будто ноги отказали. Но речь не об этом. Я был чем-то вроде домашнего животного принца, нужного только для того, чтобы научить венценосного ребёнка ответственности. Это я теперь понимаю, тогда-то всё было совсем иначе. Я понимал, что моей семье не придётся голодать, что я живу во дворце, что когда-нибудь скорее всего стану не последним человеком в стране. Да и Юджин относился

ко мне как к брату, мы были семьёй. Думаю, Конрад до сих пор мне этого не простил. Точнее не думаю, а знаю. Все знают, грязное бельё нашей семьи уже хорошенько протряхнули на всеобщем обозрении... Юджин защищал меня ото всех, особенно от отца, но тогда я присягнул на верность королю, не Юджину, и я служил безусловно. До этого момента я свято хранил верность присяге.

Что-то я совсем перестала понимать, к чему он ведёт.

— Хочу пить. В горле пересохло.

Я позвала Вадима, который отправил одного из стражников за графином с водой. Ожидая, мы молчали, разглядывая друг друга. Наглядная иллюстрация того, о чём говорила Иоланда — заключённые в одной камере, связанные по прихоти Жизни.

Пришедший с водой стражник всячески избегал смотреть на Серджиуса, всучил мне графин, почти не глядя.

— Когда мне было двенадцать, — продолжил Серджиус, когда напился, — на улице ко мне подошёл человек. Сначала я не понял опасности, у нас с Юджином только что был урок астрономии, мы рисовали звёздные карты, это было очень интересно, учитель позволял нам разговаривать, смеяться, я шёл всё ещё окрылённый уроком. Человек предложил мне посмотреть, как живут бедняки в самом страшном квартале Города, и я согласился. Из тщеславия, наверное, мне тогда казалось, что как помощник принца, я должен интересоваться жизнью граждан. Не буду рассказывать про ужасы трущоб, да это и не важно. Человек предложил помочь. Ничего дурного, только информация. Крохи информации — и людям станет лучше. Несложный выбор, не правда ли? Для меня выбор был элементарным. Я был верен королю до безумия. Я отказался. Человек сказал, где его найти, если передумаю. Следующие недели стали для меня катастрофой, я сгорал от стыда, от унижения оттого, что кто-то позволил себе мысль обо мне как о предателе. К тому же я теперь хранил секрет. Это сжирало меня изнутри. Тогда я пошёл и признался во всём королю, сказал, что он может делать со мной, что хочет, что я раскаиваюсь и готов служить верой и правдой, что сделаю всё, что нужно. Король рассмеялся, потрепал меня по голове и сказал расслабиться, однако через пару дней он вызвал меня к себе. Как ты, наверное, уже поняла, он попросил меня стать двойным агентом.

— Тебя? Двенадцатилетнего?

— Не думай, что я жертва. Я надулся от гордости, как индюк. «Мой маленький шпион», — говорил король. Как же я гордился тем, что уже сейчас реально помогаю в государственных делах, даже чувствовал своё превосходство перед Юджином, который только и мог пока, что звёздные карты рисовать. Вот так.

— А потом?

— Потом король с королевой умерли, а я остался. Меня разрывало от желания сказать Юджину правду, сделать как лучше и не шокировать Юджина. В итоге я решил промолчать. Мне не хотелось чернить память короля, да и он не давал мне новых указаний, я просто продолжил делать то, что делал.

— Не хочу сказать, что ты поступил правильно, но король поступил с тобой нехорошо.

— Король поступает не по системе координат «хорошо-плохо», а из соображений общественного блага.

— Мне абсолютно не хочется вступать с тобой в философские дебаты. Историю я передам Юджину в том виде, в котором захочу, и можешь быть уверен, казнь тебе не светит. Он, конечно, будет зол, но потом остынет.

Мы вперились друг в друга изучающими взглядами. Серджиус сдался первым, тяжело, с видимым усилием сглотнул. Я, наконец-то, смогла расслабиться.

— Раз уж сегодня день откровений, расскажи мне, откуда такая враждебность по отношению ко мне.

— Ничего личного. — Он пожал плечами. — Мы с Юджином и Иоландой в некотором роде были обычными подростками: шутили, влюблялись, не слушали старших. Всё это было. Но при этом мы жили с четким пониманием, что наши жизни нам не принадлежат, мы своеобразные жертвы государственному благополучию и не имеем права на слабости, присущие другим людям. И до сих пор мы были равны в своей ноше. Но Юджин влюбился, и мне показалось... Точнее нет, это была бессознательная злость на то, что он будто бы предал нас своей любовью. Я понятно выражаюсь?

— Понятнее некуда. То есть ты никогда не любил жену... Кому же тогда принадлежала идея этого брака?

— Рихарду, конечно же. После смерти короля он всеми силами старался показать, какой он либерал: разрешил мне видеться с семьёй, я даже переехал к ним на какое-то время, но жить вместе мы в итоге не смогли, не все ошибки можно исправить. А потом, когда мне было девятнадцать, Рихард загорелся желанием меня женить, чтобы у бедного мальчика, разлученного с родными, появилась своя семья. Нет, я понимаю, он хотел как лучше. Я сделал предложение той девушке, которая тогда мне нравилась. Вот и вся история. Связать свою жизнь с жизнью другого человека навечно... Нужно нечто большее, чем симпатия и отчаянное чувство вины отцовской фигуры.

— Как по-твоему, Рихард хороший человек?

— Ему не было тридцати, когда на него свалилось это счастье: власть, которую он не хотел, мы трое гормональных подростков и восьмилетняя Кайла, которая хочешь — верь хочешь — нет, была ещё капризнее, чем сейчас. Лучше со всем этим никто не справился бы. Но отвечая на твой вопрос, я не считаю, что человек, обладающий властью, может быть хорошим.

— И Юджин?

— Всё, что я делал в жизни, всё ради того, чтобы ему не приходилось идти против своей совести. Теперь полагаю, эта честь принадлежит тебе.

— Юджин оскорбился бы, узнав об этом разговоре.

— Это не значит, что я не прав.

«Вынеси из комнаты всё, что есть, чтобы пылинки не осталось», — отдала я указание Вадиму. Забавно, как командир и подчиненный стали узником и стражником.

* * *

Оказалось, что пока меня не было, Юджин пытался продвинуть идею смертной казни для предателя (сам он отказывался встречаться с Серджиусом), Рихард с Иоландой активно с ним не соглашались.

— Извини, Юджин, но и я вынуждена выступить «против».

— Да что вы... — Он метнулся в сторону в бессилии, заскрипел зубами. — Может, кто-то из вас с ним заодно?!

Рихард разочарованно покачал головой.

— Юджин, одумайся.

Я поделилась с ними тем, что узнала. Рихард сказал, что нечто подобное он и представил себе. Иоланда молчала, Юджин тоже затих и, слушая меня, перемещался по залу, заламывая руки и тяжело вздыхая. Я понимала, что его жизнь в один миг перевернулась, быстро такое не прощается.

Пожалуй, именно тогда, в тот злополучный день, а точнее ночь, перед сном обнимая Юджина, защищая его от всего мира, который так настойчиво пытается сделать ему больно, замыкая целую вселенную на нашей постели, я впервые по-настоящему ощутила себя королевой. Благодаря мне завтра утром король встанет и будет править своим народом, а не рассыплется от горя.

С тех пор, как я стала королевой, у меня практически не было времени на себя. Рядом со мной постоянно были люди и, несмотря на то, что я их всех очень любила, иногда это утомляло. Жизнь во Дворце всегда кипела, и я находилась в самом центре этой круговерти. Только вроде я подумала, что всё утихомирилось, но как бы не так! Пора мне уже привыкнуть, что во Дворце спокойно не бывает, а если и бывает, то нужно скорее бить тревогу. Когда я отдыхала от страданий Юджина, укрывшись от него в своей комнате и ментально закрывшись, ко мне в дверь постучали.

— Войдите.

Если это кто-то с посланием от Рихарда, то я развожусь и уезжаю домой, потому что это невыносимо. Я всё-таки человек в первую очередь и имею права — на сон, на отдых. Имею же? Во всяком случае в рабство я пока не поступала. Это помню точно.

Вошла Иоланда. Она была бледна и, пожалуй, решительна. Хотя, может быть, я и ошибаюсь, читать её лицо сложно из-за того, что оно так редко выражает эмоции.

— Моя королева... — начала она.

— Что за официоз?

Мне не хотелось говорить ни о чём серьёзном, хотелось шоколадного подтаявшего мороженого и баиньки.

— Я пришла рассказать о своём преступлении и сдаться в вашу милость, — выпалила Иоланда.

Когда она успела-то? Видимо, не суждено мне отдохнуть. Что же, прощай, мороженка, тай дальше.

— Что за бред? С меня хватит на ближайшее время преступлений и признаний!

— Я должна рассказать о том, что я сделала. — И тихо добавила, что было совсем нехарактерно. — Пожалуйста.

— Господи, но почему мне? — взмолилась я.

Иоланда выжидающе смотрела на меня своими тёмными глазами-вишнями. Даже теперь она была терпелива, в отличие от меня. И тут я поняла, что это как-то связано с Серджиусом, и именно поэтому она не пошла к Юджину. Вот что Серджиус за человек такой, одни неприятности мне приносит. На секунду я почувствовала приступ сильной злости, но сдержалась. Иоланда тут не причём, ведь я злилась не на неё.

— Ладно, прости. Рассказывай.

— Я совершила измену, клятвопреступление. — Она глубоко вздохнула. — Я предложила Серджиусу помощь в побеге.

Кто бы мог подумать? Это сарказм, если что.

— Но он отказался? — на всякий случай уточнила я. А то ещё придётся поднимать на ноги весь Дворец и ночью бегать в поисках этого поганца. Юджина точно приступ хватит.

— Да.

Иоланда опустила голову.

Что положено делать в подобных ситуациях королеве? Не имею ни малейшей идеи. Ну не буду же я вызывать стражу и арестовывать её. Рихарду с Юджином этого знать не надо. По крайней мере пока. Меньше знают — крепче спят. Хотя с тем, сколько всего знает Рихард, он, наверное, вообще не спит.

— Иоланда, сядь, пожалуйста. — Она с опаской присела на краешек моей кровати. — Послушай меня и запомни. Ничего не произошло. Ты совершила ошибку, но это не породило никаких последствий. Всё. Просто в следующий раз ты поведёшь себя иначе. Да?

— Но я нарушила клятву.

— Все когда-нибудь нарушали клятву, они для того и создаются.

— Мне не нравится, как это звучит.

Я пожала плечами.

— Привыкай, я теперь твоя королева.

На её лице промелькнула призрачная улыбка.

Вот такая она, королевская жизнь, — ни секунды покоя.

* * *

Прошла неделя. События минувших дней несколько улеглись, хотя до нормы было как до Луны пешком. После всего случившегося Юджин не погрузился в траур, как можно было подумать, но и до конца пришедшим в себя назвать его было сложно. Он по-прежнему много работал, хотя работа чаще всего заключалась в том, что он непонимающе смотрел на бумаги или вообще сидел, уставившись в одну точку. Ежедневно я совершала попытки его расшевелить, почти все безрезультатные.

Зато пока мой муж рефлексировал, у меня появилась возможность проявить себя как правительнице. Удивительно, но мне это начинало нравиться. В Эйа существовало такое понятие «Час королевы». Несмотря на то, что это похоже на название вечернего ток-шоу, Час королевы — важный элемент демократии, как мне объяснил Рихард. Да, в общем-то, мне и самой нравилось принимать людей, беседовать с ними и особенно помогать, когда возможно. Согласно законам Эйа каждый подданный мог в течение этого часа обратиться ко мне с вопросом, просьбой, предложением. Иногда, конечно, люди просили какую-то ерунду или вообще ничего не просили, а исторгали на меня поток чистого безумия. Встречи проходили в тронном зале, то есть непосредственно для них мне не нужно было помещение, но спустя где-то месяц исполнения мной обязанностей разного рода бумаг, записей, указов развелось столько, что и до того захламленный кабинет Юджина превратился в настоящую помойку. К тому же сам Юджин своим присутствием меня отвлекал, несмотря на трагические события, у нас всё никак не кончался медовый месяц.

— Юджин, — я настигла его принимающим ванну. Отлично, голые люди более сговорчивые.

Он вынырнул из воды, вытер лицо. По его крепкой шее с тёмных завитков волос текли капли, прятались за спиной, сбегали по широкой груди... И вот я опять отвлеклась.

— Да?

— Мне нужен свой кабинет.

В самом деле, стыд какой-то, у королевы нет собственного пространства для работы. Что за порядки? Хотя, подозреваю, что дело не в порядках, а в обычной забывчивости. Всё случилось так внезапно, свадьба и остальное.

— Зачем? У тебя есть мой.

— Твой кабинет завален твоими бумагами, и мы не можем работать там вместе, а я вообще-то планирую принимать участие в государственных делах, если ты не знал.

Он опешил от этого обвинения и поэтому сразу же согласился.

— Хорошо, будет тебе свой кабинет.

— Отлично, — я решила пользоваться моментом, — и ещё мне нужна военная форма и оружие.

— Зачем? — повторил он вопрос, на этот раз уже менее уверенно.

— Чтобы защищаться в случае опасности, зачем ещё?

— Это плохая идея. — Он покачал головой. — Я нутром чувствую, что ты полезешь в самое пекло.

Не то чтобы он был совсем уж не прав, но я была правее.

— Ни в какое пекло я не полезу, обещаю тебе. И я хочу не меч даже, не кинжал, а боевой посох, просто длинную палку для того, чтобы если на меня снова нападут, ударить по башке.

— Обещаешь?

— Клянусь своим волосами.

— Самым дорогим?

— Самое дорогое — это ты, но клясться тобой, уговаривая тебя же, было бы странно. А после тебя волосы, это да.

Он слегка улыбнулся, но взгляд его тут же одеревенел. Мне больно было наблюдать за его мучениями, тем более такими бесполезными. Ну что я могу сделать? Изменить предательства Серджиуса нельзя, только если не разжиться машиной времени, а жить с этим как-то нужно.

— Слушай, Юджин... Я понимаю, правда. Мне Серджиус тоже очень дорог. Ничего настолько страшного не произошло, он жив, здоров, ты его не потерял. Он ровно тот же, что и был неделю назад.

Юджин посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, как будто раздумывал — говорить мне что-то или нет. Глаза у него в нежном свете кристалла были синие-синие. В итоге, он пожал плечами и пояснил:

— Вся моя жизнь была построена на лжи. Пытаюсь к этому привыкнуть.

(Ну это он хватил лишку — Серджиус всё-таки не вся его жизнь.)

— Все наши жизни построены на лжи, это неприятное людское свойство — лгать по любому поводу.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя? — спросил он, как бы оправдываясь.

— Знаю, но Серджиуса ты тоже любишь, и вы должны помириться.

— Не так как тебя. У нас с тобой будет двенадцать детей.

— Нет, Юджин, у нас ни в коем случае не будет двенадцати детей.

— Посмотрим, сейчас это неважно.

— Посмотрим только в том случае, если ты знаешь магический способ забеременеть и родить самому.

Юджин попытался свалить меня к себе в ванну, но я увернулась. Пусть сидит и думает о своём плохом поведении. Что удумал? Двенадцать детей! Вот ведь дурень.

На выходе из спальни меня поймала Ульсия.

— Регент Рихард просит вас подойти к нему, когда будет время.

— Уже просит, а не требует и шантажирует. Какой прогресс.

Ульсия улыбнулась. Эта редкая улыбка украсила её тонкое красивое лицо, как драгоценный камень.

Рихард сделал вид, что удивлён моему скорому появлению. Он отложил книгу, которую читал, и стал внимательно разглядывать меня, как делал всегда, если собирался серьёзно разговаривать, как будто оценивал мою способность в данный момент обсуждать те вещи, которые он приготовил для разговора.

— Я вас слушаю.

— Наше сотрудничество было плодотворным, ваше величество, не правда ли?

Собирался ещё что-то просить у меня. Ну, это облегчение. Значит, преимущество на моей стороне. Интересно, с каких пор я стала мыслить такими категориями? Уж не настоящей ли королевой я постепенно становлюсь?

— Допустим, — ответила я строго. Пусть уговаривает.

— Вы всё ещё подозрительны в отношении меня? — Он поднял брови и сделал оскорблённое лицо. И я должна была в это поверить? Не смешите меня.

— А не должна быть?

— Ну почему же, будьте подозрительны, умно с вашей стороны. Дольше продержитесь на троне.

Он замолчал, продолжая меня разглядывать.

— Расскажите, почему вы не были против моей свадьбы с Юджином?

— О, это хороший вопрос.

Он снова замолчал. Я выжидающе смотрела на него, он смотрел на меня. Театральные паузы мне порядком надоели.

— Мысль о том, что Юджин женится на какой-нибудь капризной принцессе из соседнего государства с кучей угрожающих нам родственников, была мне, мягко говоря, неприятна. Когда появились вы, леди Марта, я подумал, что безмозглая одинокая девчонка из другого мира, которая будет беспрекословно слушаться нас, станет самой лучшей партией, но всё оказалось ещё интереснее. Сейчас я надеюсь, что вы станете моим близким политическим партнёром.

Сейчас трудно было поверить в то, что говорил Серджиус о Рихарде, якобы тот не хотел иметь отношения к власти. По-моему, Рихард — прирождённый политик. Другое дело, что не всегда мы хотим заниматься тем, к чему имеем способности. По себе знаю.

— Я политический партнёр в первую очередь свой, во вторую очередь — своего мужа. Не понимаю, чего вы от меня хотите. Почему я должна действовать в обход Юджина?

— Не в обход. Я предлагаю вам доступ к информации, которой владею, не всей, конечно же, в обмен на... скажем так, вы будете делиться со мной тем, чем посчитаете нужным, но обязательно будете.

— Я должна подумать.

— Понимаю.

— Что вам нужно от меня сейчас?

— Увы, всё то же. Если Серджиус исчезнет из поля зрения общественности, появятся вопросы. Как же так, Железный рыцарь покинул своего принца? Если люди узнают, что Серджиус предатель, доверие к нам пропадёт.

— К нам?

— К власти.

Как же меня раздражало, что он прав.

— И что вы планируете?

— Убеди Юджина восстановить Серджиуса в его должности.

— Нет, это слишком. Вы требуете от меня слишком многого.

— Пусть не совсем восстановить, для вида, забрать оружие, приставить мальчишку, ограничивающего магию, и так далее, но от Юджина не отстранять.

Безумие! Юджин не может находиться рядом с Серджиусом, это приведёт к катастрофе.

— Я подумаю, что можно сделать.

— С вами, ваше величество, невероятно приятно иметь дело.

— И последнее. Как вы думаете, предатель вообще существует или нас раз за разом пускают по ложному следу?

Рихард тяжело вздохнул, сложил руки домиком и впервые за время разговора стал смотреть не на меня, а куда-то за моё левое плечо.

— Я уже ни в чём не уверен, — сказал он печально. — Может, и нет никакого предателя. Но кто-то ведь обрушил небо, не Серджиус же, в самом деле. Не люблю в этом признаваться, но я не знаю.

У меня определённо появилась пища для размышлений.

* * *

Юджин ещё не спал, я это чувствовала. Он ворочался, мешая заснуть мне, вздыхал, то кутался в одеяло, то откидывал его с себя, то путался в нём, как в паутине. Явные признаки бессонницы. Я уже умела усыплять людей с помощью магии, но пока он сам не просил, я не имела права лезть к нему в голову. Одно из главных правил магии — держаться подальше от людских мыслей, иначе можно заплутать в них, потерять себя и остаться умственным калекой на всю жизнь.

— Хочу тебе кое в чём признаться, — сказала я, поворачиваясь к нему лицом.

— Говори, — сказал Юджин чуть хрипло.

Я поцеловала его в висок, нашла его горячую руку и сжала между своих холодных от волнения.

— Только не сердись, пожалуйста.

— Не буду.

— Как ты можешь обещать, если не знаешь, что я скажу.

Он закатил глаза.

— Марта, я обещаю, что не буду сердиться, что бы это ни было.

— Я заключила союз с твоим дядей.

— Когда ты говоришь «союз», я надеюсь, ты имеешь в виду политику.

— Да! О Боже, о чём ты вообще подумал?!

Я легонько хлопнула его ладонью по лбу, чтобы не думал больше никаких гадостей. Рихард, конечно, ещё совсем не старый и даже очень не урод, но совершенно не в моём вкусе, да я бы и не подумала изменять Юджину. Даже в мыслях не было, но то, что он может меня ревновать, приятно погладило моё самолюбие, довольно замурлыкавшее от этой ласки.

— Может быть, мне самому стоило предложить. Теперь у тебя будет защита, если со мной вдруг что-нибудь случится.

Что это за разговоры? Я разозлилась на него. Он же обещал, что мы никогда не расстанемся, а тут как будто завтра умирать собрался. Тоже мне, мученик. Нет уж, у нас ведь должно быть двенадцать детей! (Боже упаси, конечно.)

— Не говори так. Если с тобой что-то случится, я этого не переживу. А если вдруг, по какой-то нелепой случайности всё же переживу, то не за что не останусь королевой. Эйа — твой дом, а я здесь всего лишь гость по твоей милости.

— Не устаю тебе поражаться, любимая. Иногда ты говоришь такие умные вещи, что меня оторопь берёт, а иногда несешь чушь. Эйа — твой дом не меньше, чем мой, и ты останешься королевой до последнего вздоха, даже если сама пока этого не принимаешь.

— Ты правда так думаешь?

Его рука потянулась к моим волосам. Я вспомнила, как мы впервые оказались в одной кровати и его ладонь на моей голове казалась такой тяжёлой, как мои чувства казались невыносимыми. Как же всё изменилось! Теперь одного прикосновения Юджина было достаточно, чтобы самые мои угрюмые мысли растворились, чтобы ушло всё плохое. Мне с ним было легко и радостно, как в цветочном поле в солнечный летний день, а ещё спокойно и надёжно. Слова «как за каменной стеной» уже не казались мне такими смешными и бессмысленными как раньше. Но это не всё, я сама была готова в любой момент стать для него этой самой стеной и заслонить от всего на свете, только бы он попросил.

— Я никогда тебя не обманываю, — сказал Юджин, глядя мне в глаза. — Слышишь, никогда! И ты никогда не будешь одна, — сказал Юджин, когда понял, почему я разозлилась.

Я хотела возразить — дескать, он герой, защитник, поскачет куда-нибудь с шашкой наголо, и останусь я вдовствующей королевой, но нет, всё это неправда, я больше НИКОГДА не буду одна.

— Как думаешь, что задумал Рихард?

— Не знаю. Мне всегда было трудно предугадывать его действия. Его и моей мамы, и, пожалуй, твои. Остальные люди для меня как были, так и остаются открытой книгой.

— Это точно. Рихард умеет напустить тумана.

— Только если поймёшь, что заигралась, что какая-то ваша с ним тайна слишком опасна, чтобы я о ней не знал, прошу не бойся прийти ко мне и всё рассказать. Обещаю, что выслушаю и пойму, и мы вместе решим, что делать дальше.

Про Серджиуса я даже не стала заикаться. Всему своё время.

У меня появилась отличная идея о том, как можно вылечить бессонницу Юджина. Любовь лечит всё!

* * *

Когда Клинт прибыл в старую квартиру на Арбате, Рой с Эли ещё спали. Их соседи, которым в отличие от беглых королевских детей, нужно было собираться на работу, стучали на кухне посудой; шумел бочок унитаза, знавший лучшие времена, в ванной кто-то набирал воду в металлический таз. Свет в прихожей так и не починили. Впотьмах, на ощупь найдя дорогу по коридору, Клинт постучал в дверь, он понадеялся, что в ту, в которую нужно. Приоткрыв небольшую щёлочку, Рой вышел к нему в коридор, показывая, что нужно говорить шёпотом, чтобы не разбудить Делайлу. Принцесса любила долго поспать.

Рыжие волосы Роя были растрёпаны сильнее всякого приличия, глаза неярко горели белым светом в темноте, а глаза самого Климта — зелёным, напоминая об их веземном происхождении. Если бы кто-то из соседей по коммуналке увидел эту сцену, то

перекрестился бы и побежал в церковь, но к счастью, они все были заняты своими делами.

— Сегодня я буду говорить с королём, правящим в иномирье, — тихо сказал Климт. — Он может предоставить вам убежище. Страна у него хорошая, всегда тепло, законы достаточно либеральные.

Рой почесал свою рыжую голову.

— Главное, чтобы до нас не дотянулись наши родители.

— Ну этого, я вам обещать не могу, да и никто не сможет. Не знаю, насчёт остальных, но у королевы Кэт очень длинные руки, которые, боюсь, могут дотянуться гораздо дальше, чем в другой мир.

Рой невесело улыбнулся.

— Не знаю как, но когда-нибудь я отблагодарю тебя. Для начала могу предложить нарисовать портрет твоей очаровательной напарницы.

— Да уж конечно, очаровательная она, — фыркнул Климт.

То, насколько легко Климту давались отношения с другими женщинами, то, как легко он очаровывал их, так же сложно для него было всё, связанное с Юлей. Иногда он думал, что эти сложности он сам себе придумал и в реальности всё гораздо проще, точнее элементарно, и ничего между ними нет и быть не может. Поэтому он и не предпринимал никаких действий, им ведь ещё работать вместе.

— Но ты же не будешь спорить, что она красивая, — хитро прищурился Рой.

— Если бы всё было так просто.

— А просто никогда не бывает, нас вот обстоятельства заставили бежать из нашего мира.

Климт не мог поверить, что его учит жизни семнадцатилетний пацан, но истина в его словах, конечно же, была.

* * *

В тот день Климт исчез, не вернулся в бункер СКМП. Все вещи были на месте, никаки записок и сообщений, телефон в офисе Москва-Сити молчал. Казалось, будто он просто растворился в один момент. Разъярённая Юля штурмовала неприступную лабораторию Цыпы, который упорно делал вид, что у него невероятно много работы. Работы у него всегда было много, но он никогда не отказывал во внимании своим подопечным.

— Ты разрешил Климту отправиться на задание без меня?! — бушевала Юля.

— Ты не горячись так, цып. Это была его личная инициатива, не официальное задание, — оправдывался Цыпа, наливая ей солодовой водки.

— Даже не пытайся меня спойть. — Юля отставила стакан. — С каких пор у вас есть общие инициативы, которыми вы не делитесь со мной?

Цыпа пожал плечами, глядя на неё отеческим взглядом. Проблема Цыпы в том, что он слишком хороший человек в не слишком хорошей организации. Такое, оказывается, тоже бывает.

— Бережём тебя.

Юля недовольно фыркнула. Она не просила защищать его от чего бы то ни было не нуждалась в этой защите, она сама могла за себя постоять.

— Климт ввязался во что-то опасное?

— Возможно, — уклончиво сказал Цыпа, склонив голову набок.

— Без меня?.. Как он мог! Выкладывай.

— Не могу, я обещал.

— То есть врать мне нормально?

Она злилась и на Климта, и на Цыпу. Они ведь знали, как жаждет она приключений, а Климт ещё и пропасть умудрился, поэтому на него она злилась вдвойне. Наверняка, он спугался с очередной женщиной и забыл про время, а она тут сходит с ума. А эта их мужская солидарность бесила вдвойне, как будто Юля как женщина была человеком второго сорта.

— Цып, не вынуждай меня.

В итоге Цыпа, конечно, сдался и рассказал о тайной работе Климта по созданию общей карты всемирья, которую он вёл на протяжении нескольких лет. Именно поэтому Климт постоянно делал записи в свои огромные блокноты, таким образом он старался ничего не упустить ни в одном из миров, в которых они бывали по работе. Как он упоминал раньше, сильные мира сего (точнее многих миров), которые помимо всего прочего, финансировали деятельность СКМП, не желали, чтобы у кого-то была полная информация о всемирье, поскольку информация — сила. Они хотели держать обычных людей в неведении.

— Королева Кэт — одна из тех, кто помогает СКМП средствами.

Теперь понятно, почему Цыпа так перед ней стелился и почему она беспрепятственно могла попросить их о личной услуге, но с другой стороны, это означало, что Климту угрожают великие силы, и его с лёгкостью могут рассекретить. Знаменитую королеву Луизу убили, не моргнув взглядом, а ведь за ней стояло целое королевство, за Климтом — только они двое.

— Она причастна к убийствам тех, кто собирал информацию и делал карты?

— Возможно.

Цыпа снова стал усиленно делать вид, что работает.

— Куда направился Климт? — Цыпа умоляюще смотрел на неё. — Не надо этого взгляда. Куда направился Климт? Говори скорее. Если его убьют, это будет на твоей совести.

— Он собирался в Эйа, к королю Юджину. Если помнишь, он сын покойной королевы Луизы.

— Помню, там ещё скрывался товарищ, которые крал коз в Подмосковье. Что Климт там делает?

— Вместе они пытаются найти легендарные карты королевы, насколько я понял.

В тот момент зазвонил телефон.

День выдался ничем не примечательным. Я поговорила с Серджиусом, который маялся без работы, попыталась поймать Конрада, который наоборот погрузился в дела с головой, пообедала в компании Милли, Ульсии и Кайлы, посмотрела как растут ткани для моей униформы. Я растила себе металлизированную золотую ткань. Посох мой уже был готов — тонкий, двухметровый, тоже золотой, с чёрным набалдашником в форме ворона, пожалуй, слишком тяжёлый для меня, но легче сделать его не получалось. Кроме того я брала уроки борьбы и акробатики. Юджин предложил обучить меня сам, но я отказалось — ещё не хватало, чтобы он меня бил. Нет-нет, зато Серджиус подходил для этой цели лучше всего. Он был искусным воином и ему нечем было заняться, кроме того никакие моральные принципы не мешали ему нападать на меня со всей своей дикой мощью. А вот на уроки акробатики, в которых важнее всего доверять своему тренеру, с Юджином я согласилась. Он ловко перекидывал меня через голову, учил стоять на руках, делать сальто и всё такое прочее.

— Ты спасла меня дважды, — сказал Серджиус, атакуя меня с двумя короткими палками. Я отбила его атаку своим тренировочным лёгким посохом.

— Ты могла бы не делать этого, — продолжил он. — В тебе есть почти мужское благородство.

— По-твоему, женщина не может быть благородной? — спросила я, целясь ему под колени.

— Отнюдь. Но женское благородство коренится в милосердии, жалости, любви, мужское — в чувстве долга и отчасти гордыне.

— Может, ты и прав. — Он сбил меня с ног. — Мне не жаль тебя, потому что человек, испытывающий жалость, мнит себя лучше других, я же достаточно тебя уважаю и чувствую долг перед Юджином.

Я снова поднялась и сразу же атаковала его ударом слева под рёбра, он успел увернуться, но потерял равновесие, балансируя на одной ноге.

— Хотела кому-нибудь рассказать, но не знаю, кому не жалко засорять мозг. Выбрала тебя.

Сделав живописное сальто, Серджиус приземлился за моей спиной, попытался ткнуть меня палкой в середину хребта, я поднырнула под него и выпрямилась уже с другой стороны, задев посохом его локоть.

— Милости прошу, — сказал он, выбивая посох у меня из рук.

— В нашем мире верят в богов. — Я доползла до посоха и отразила удар в последний момент. — Они разные у разных народов, но что-то общее у них есть. Боги создали наш мир, вознаграждают праведников и карают грешников. Когда я здесь, всё это кажется таким глупым. Последнее время часто думаю об этом.

— Ну почему же, у нас есть магия, Жизнь. Может быть, у вас есть бог?

Я запнулась о свою собственную ногу и позорно упала. Несмотря на мои невыдающиеся успехи, это всё равно было лучше их местных танцев.

Ближе к вечеру я приняла десять человек, которые в основном хотели, чтобы починили их прохудившуюся крышу или упавший забор. Я распорядилась, чтобы крыши были починены, а заборы подняты. Мне не сложно, людям приятно.

Юджин где-то пропадал весь день. Вроде бы я видела Климта в его компании, но до

конца не уверена. Я уже собиралась ложиться спать в одиночестве, но как раз, когда выключился свет, кто-то резким движением нараспашку открыл дверь. Я вскочила, включила взмахом руки лампы. Свет зажёгся с неуверенным подмаргиванием, но его было достаточно, чтобы разглядеть вошедшего. Когда я увидела Юджина в том виде, в котором он явился в спальню, у меня колени подкосились, превратившись в некое подобие желе, а перед глазами всё поплыло. На его лбу, с правой стороны, зияла рваная рана, открывая кусок бордовой плоти, кровь заливала глаз, опухший, почти полностью закрытый. Он держался за левый бок окровавленной рукой и едва стоял на ногах. Зрелище было жуткое. Кажется, я даже немного вскрикнула.

— Скорее позови Иоланду, — сказала я Ульсие, которая пришла из соседней комнаты на шум, совсем непохожий на сексуальные утехы. Кивнув, она проворно убежала. Толковая она всё-таки девушка.

Тем временем я смогла наколдовать простейшие заклинания обезболивания и остановки кровотечения. Постепенно я сама почувствовала, как Юджину становится лучше, хотя он всё ещё был бледным, кровоточащим и замученным. Боль понемногу уходила, заменяясь прохладным покоем, но это только ощущение — дырка в боку оставалась дыркой боку, и сквозь его пальцы по-прежнему текла густая багряная кровь. Он не смотрел на меня и как будто чуть не плакал. Не от боли, конечно же, а от чего-то совсем иного.

— Я виноват, — сказал вдруг Юджин с горечью в голосе.

— В чём виноват?.. — Он всё ещё не смотрел на меня. — Да не молчи же, говори скорее что с тобой случилось! Насколько серьёзные раны?

Я попыталась добраться до его повреждённого бока, но он упорно останавливал мои руки своими липкими горячими пальцами.

— Нормально, жить буду.

— Что бы не случилось, ты не виноват. — Я взяла его голову в свои руки и насильно заглянула в глаза. — Слышишь меня? Поверь мне, я тебя знаю, ты сделал всё, что мог.

— Значит, мало смог, должен был смочь больше.

— Ты бредишь.

— Они забрали Климта.

— Того иномирца?

Юджин кивнул, поморщившись от боли.

— И кто эти загадочные «они»?

— Не знаю.

Мне стало интересно, нападали на него или на Климта. Если на Климта, то можно не бояться за Юджина, своё они уже получили. Нехорошо, конечно, так думать, но мне муж дороже какого-то едва знакомого парня.

Спасибо пришедшей Иоланде, первым делом она сказала, что опасности для жизни нет, отослала Ульсию за специальным лечебным кристаллом, а сама начала плести сложное заклинание, которое действовало как магическая нитка с иглой, зашивала рану, короче говоря. Она была холодна как лёд и абсолютно спокойна, как врач во время операции. Не знаю, что бы мы без неё делали.

Когда Иоланда была в самом разгаре лечебного процесса, в комнату вошёл Рихард. Будто прочитав мои мысли, он спросил:

— Нападали на тебя или на него?

— Мне показалось, что на нас обоих, — ответил Юджин сонным голосом. Лечебная

магия всегда действовала на пациента усыпляюще, некое подобие анестезии.

— Что-нибудь важное удалось запомнить?

— Это были люди из пустынного мира, того самого, в котором родилась Марта. Они проследили за Климтом оттуда и напали на нас.

— Хм, — неопределённо промычал Рихард. — Если брать во внимание то, что люди из пустынного мира не знают о существовании всемирья, всё это как-то нелогично. Может, их используют в качестве пушечного мяса.

— У вас есть идеи, кто это мог сделать? — спросила я.

— Идеи-то есть, но ни одна из них не достойна быть озвученной в присутствующей компании.

— Климта будут пытаться, — внезапно сказал Юджин, резко открывая глаза. Он боролся со сном как мог. Иоланда осадила его, усиливая снотворное действие заклинания.

Мы никак не отреагировали на его высказывание, потому что пытаться его будут в лучшем случае, в худшем всё закончится ещё быстрее. Рихард смотрел в окно на засыпающий Город. Я держала Юджина за руку, моя ладонь быстро стала липкой и скользкой от его крови, но отпустить его я не могла.

— Серджиус стоит у двери, думает, имеет ли он право войти, — сказала Иоланда.

— Пусть он уйдёт, я не могу видеть его сейчас, — резко запротестовал Юджин.

Я быстро и смазано поцеловала его в ухо, успокаивающе шептала «шшш», «тихо-тихо», «скоро всё пройдёт» и прочую чепуху.

* * *

Я оставила их лечить Юджина, предварительно поцеловав его в лоб.

Это казалось бредом, но Юле я стала звонить по мобильному телефону, который Вадим научился заряжать от кристаллов. Оказалось, что Юля уже заподозрила неладное по длительному отсутствию Климта и собиралась отправляться на поиски.

Мы быстро обнялись, встретившись у Дворцовой стены, после чего Юля надела визор и принялась за работу. Она подбежала к месту, где увидела наибольшую порталную активность, повисшую в воздухе тяжёлым голубым облаком, там Климта забрали нападавшие. Трекер у неё на запястье указывал на какой-то неизвестный ни мне, ни ей мир.

— Я пойду одна, — сказала Юля.

— Даже не думай, — возразила я.

— Климт мой напарник и моя ответственность. Там, куда выбросит меня портал, может не быть воздуха, или он может быть ядовитым. Мы подписываемся на это, когда начинаем работать, а тебе ещё страной править.

— Я пойду, — сказал неожиданно появившийся Конрад. — Мне жизненно важно восстановить честь семьи.

Его эполеты и аксельбанты блестели в свете луны. Взгляд выражал решимость и желание помочь. Бедный Кон, вот чья жизнь сильнее всего покачнулась в свете последних событий.

— Можно я пойду с ней, ваше величество? — напомнил он о себе.

Я не смогла ему отказать. Обаяние Конрада — его главное преимущество и его самая большая беда.

Они с Конрадом тихо, на цыпочках передвигались по коридорам, ведущим в дворцовую темницу, расположенную в подземелье. Где-то вдалеке слышался стук капель, стены коридоров густо украшали сталактиты и сталагмиты, из некоторых были вырезаны скульптуры — brave рыцари и прекрасные леди, выглядящие как живые. Вмонтированные в пол лампы освещали коридоры мягким светом. Было холодно, Конрад, привыкший к теплу, быстро замёрз, зубы стучали против его воли. Юля не чувствовала ни холода, ни усталости, в ней открылась сверхъестественная, адреналиновая выносливость. К счастью, она неплохо запомнила расположение комнат во дворце, когда они с Климтом были здесь в последний раз.

Они прятались прямо над одним из источников света, от которого шло тепло, за поворотом, ведущим в комнату, откуда слышался слабый голос Климта. Что он говорил, различить не получалось. Юле казалось, что стук её сердца слышен на весь дворец. Набравшись смелости, Конрад вытащил из ножен меч, короткий, сверкающий слабым синим огнём. Прикрыв глаза, он вдохнул полной грудью, шумно выдохнул и вышел из-за угла. Юля последовала за ним.

Вокруг Климта, посаженного на табурет, стояли трое. Его голова, порядком потрепанная, с синяками и ссадинами, обессилено опущенная на грудь, находилась в чёрном обруче заклинания. Круг раскручивался, отбрасывая жуткие тени, причиняя Климту боль. С его подбородка на каменный пол, на колени в светлых джинсах, капала кровь, по щеке расплывался красно-фиолетовый свежий кровоподтёк.

Кэт сидела в большом, мягком кресле в углу камеры. Теперь на ней была другая шуба, из светлого меха с длинным ворсом. Её поднятая рука, унизанная кольцами, переходящими в браслеты, опутывающими руку почти целиком, управляла чёрным заклинанием, закручивая круг в спираль.

— Отпусти его, — спокойно сказала Юля. — Вы трое, сейчас же отошли от него!

Рассмеявшись, Кэт попыталась отбросить её в сторону заклинанием, но из-за магического щита, выдаваемого каждому сотруднику СКМП в форме небольшой коробочки, это не получилось. Заклинание отпружинило от щита и отскочило в стену. Трое мужчин повернулись. Их глаза были закрыты, на лице — выражение полного покоя, они явно находились под действием гипноза. С зажжёнными магическими мечами они пошли в наступление, не открывая глаз. Конрад взял на себя двоих, Юля, уворачиваясь от меча третьего, ударила его со всей дури ногой в пах. Мужчина согнулся, выронив погасший меч. Конрад рубанул по плечу одного — тот на секунду вышел из транса, закричал и отключился — потом схватился с другим. Когда последний был повержен, Юля взяла Конрада за руку и снова включила щит.

— Вы же сами снабдили нас защитой против вас, — злорадно произнесла она в сторону Кэт.

Не расцепляя рук с Юлей, Конрад осторожно закинул тихонько застонавшего Климта себе на плечо.

— Это ещё не конец, — сказала Кэт. Она не утратила горделивой грации, на её лице не дрогнуло ни мускула. Удивительная женщина. Удивительная и страшная. Эти два качества часто идут в комплекте.

Выставив вперёд руку с зажатой в ней коробочкой щита, Юля выкрикнула, не помня себя от злости:

— Конечно, не конец. Я найду ваших детей и убью их своими руками за то, что вы сделали с Климтом! А потом я приду за вами, и вы будете молить меня о пощаде!

Потом Юля признавалась, что погорячилась, и никогда не планировала причинять физический вред ни Рою, ни Делайле, но тогда она готова была рвать глотки зубами.

Настроив портал, она перенесла их троих в офис в Москве-Сити, в их с Климтом любимое убежище.

Уложив Климта на кровать в той комнате, что считалась его, Конрад закрыл глаза и просканировал его с помощью магии на предмет невидимых глазу повреждений. Оказалось, что Конрад (кто бы мог подумать, он этим никогда не хвастался) сведущ в лечебной магии. Он наложил пару лёгких заклинаний Климту на лицо, которые почти сразу же преобразовали синяки и ссадины в новую, чуть розоватую кожу, обезболит, зашил раны, применил общее заклинание хорошего самочувствия. В остальном Климт был цел — ни переломов, ни повреждения внутренних органов. Слава Всемирию. Даже Юджин, которому удалось сбежать за счёт того, что Климт настроил портал на Эйа и насильно надел на руку Юджину, был ранен серьёзнее. От Климта же в первую очередь хотели добиться информации.

— Не знаю, что бы мы без тебя делали, — сказал Юля, подавшись порыву, обнимая Конрада.

Он слегка смутился.

— Это моя работа.

— То, что ты сделал сегодня, выходит за пределы твоей работы. Ты настоящий герой.

— Ох если бы... — грустно сказал Конрад.

* * *

Когда Конрад, удостоверившись, что Климт пришёл в себя и его жизни не угрожает опасность, вернулся домой, Юля спросила у Климта:

— Ты что-нибудь рассказал им?

Ей показалось, что перед другим мужчиной Климт будет храбрится и постыдится сказать правду, а перед ней ему стеснятся нечего, но мука, отразившаяся на лице Климта говорила об обратном.

— В какой-то момент я перестал думать о чём-либо кроме того, что пытался скрыть, — сказал он. — Ничего не было в голове, ни одной мысли. Совсем ничего. Пусто. Сначала я молчал, а потом она начала колдовать, и мне страшно захотелось ей всё рассказать. Это чёрное заклинание, оно как будто тянет из тебя правду, как будто зубами вгрызается в твои мысли и насильно достаёт оттуда правду. Щит, защищающий от магии, я сломал. Во всяком случае, он не работал, когда меня допрашивали. И я рассказал им всё, что знал о Юджине, о работе его матери, до твоего прихода я не успел только рассказать о Рое и Делайле. К счастью. Они могу не бояться.

— К чёрту их, они сами сбежали и сами навлекли на себя гнев королевы. Скажи лучше, почему я ничего не знаю о Юджине и о работе его матери? Зачем ты скрываешь это от меня? Если бы мы были вместе сегодня, может быть, мы смогли бы отбиться. Может быть, помог

бы магический щит, который у меня не сломан. Почему ты так противишься тому, чтобы пустить меня в свою жизнь? Меня бесит, что ты скрываешь всё от меня! Бесит-бесит-бесит! Чем я таким перед тобой провинилась, что ты мне не доверяешь?!

Климт смотрел на неё широко распахнутыми глазами. Он пару раз сморгнул и в таком же повышенном тоне выкрикнул:

— Какая же ты дура!

— Я?! — воскликнула Юля.

— Ты! — заорал Климт.

Юля вытаращила на него глаза. Пару секунд они смотрели друг на друга, как будто видели впервые.

Дальше их показания расходятся. Юля говорит, что Климт поцеловал её. Климт же утверждает, что она сама на него набросилась. Так или иначе они поцеловались. И делали это достаточно продолжительное время. И не только это. На несколько часов они забыли об угрожающей опасности, обо всех на свете заговорах, злодеях, о тех мирах, которых ждут их защиты, полностью растворившись друг в друге. Комната, кровать и их тела стали единственной существующей реальностью, замкнутой самой на себе.

— Расскажи наконец, откуда ты такой взялся? — с нежностью спросила Юля, положив голову Климту на плечо. Её короткие тёмные волосы рассыпались по его светлой, полупрозрачной коже.

— Ты уже знаешь, что до семи лет я жил в Лос-Анджелесе. Мои родители... были ворами, они похищали целые дома из других миров и продавали их американцам, — говорил он, глядя Юлю по голове. — Когда мне исполнилось семь, их поймали на этом люди из СКМП. После этого я вместе с родителями жил на Планете Воров, куда мы с тобой отправляем нарушивших межпространственный закон. Когда мне было восемнадцать, мне дали второй шанс. Я работал на износ, выполнял все задания, которые мне давали. Мыл полы, управлял автоматами с едой, чистил туалеты. А потом появилась ты, и нас поставили в пару. Вот примерно вся моя жизнь.

Его руки нашли в спутанных Юлиных волосах ухо, она потянулась за прикосновением, как кошка, разве что не замурлыкала.

— Когда ты начал заниматься картами?

— Когда впервые побывал с тобой в другом мире. — Он приподнялся на локте и заглянул Юля в глаза. — Ты подумай, во всемирье столько интересного, а мы всего этого лишены, заперты в границах одного мира. Разве это справедливо? Я хотел — и сейчас хочу — узнать обо всех без исключения мирах, обо всех существующих там чудесах.

— Что будем делать дальше? — спросила Юля. Она встала с постели, набросила на плечи чей-то халат, оставшийся в офисе от предыдущих посетителей. Хотелось чаю и ещё, может быть, чего-нибудь покрепче.

Климт не совсем понял, говорит Юля о них или «что делать» в глобальном плане. Он понадеялся, что последнее.

— Отдохнём, оправимся, а потом предупредим Юджина об опасности.

* * *

Юджин проспал целый день. Лицо его почти пришло в первоначальное состояние, но рана

на боку пока ещё вызывала серьёзные опасения. Он лежал, бледный, в горе подушек, которые я лично отбирала для нашей спальни, и казался таким беззащитным, что мне хотелось плакать.

Переговорив по телефону с Юлей и Конрадом, я вернулась дежурить у кровати Юджина. За те пять минут, когда я отсутствовала, он умудрился очнуться. Кайла свернулась в изножье его кровати, Рихард сидел рядом на стуле. После радостных возгласов и объятий Рихард вернулся к делу:

— У тебя есть какие-нибудь соображения относительно того, о чём таком вы беседовали с Климентом, что привело к такому результату?

Кайла затихла, как делают дети, когда хотят подслушать взрослый разговор, но стараются сделать так, чтобы её не заметили.

— Поскольку я безраздельно доверяю всем присутствующим... — Он замолчал, как будто говорить ему было больно или, во всяком случае, неприятно. — Мы обсуждали карты всемирья, которые якобы собрала мама.

Тонкие брови Рихарда поползли вверх.

— Он что-то знает о картах?

— Только о том, что они существуют.

— А ты? — осторожно поинтересовалась я.

— Ничего... — Юджин попытался приподняться, но не преуспел. — Позовите Серджиуса.

Рихард подошёл к фонографу.

— Зайди к Юджину.

Из кристалла послышался взволнованный голос Серджиуса:

— Это он попросил или... Потому что он не хотел меня видеть еще вчера, и я подумал...

— Хватит думать, — резко сказал Рихард, — иди сюда. Конец связи.

Пришёл Серджиус со взглядом побитой собаки, которая несмотря ни на что, подобострастно ждёт милости от хозяина. Юджин не смотрел на него. Он нашёл своей рукой мою руку и сжал в поисках поддержки. Я готова была отдать ему что угодно, но, увы, ничем не могла помочь ему, кроме как пожать его ладонь в ответ.

— Что ты знаешь о картах королевы Луизы? — спросил Рихард.

— Некоторые вещи знаю, — уклончиво ответил Серджиус.

Лицо Рихарда оставалось бесстрастным, но я знала его достаточно, чтобы понять — он взбесился от нежелания Серджиуса сотрудничать.

— Давай без этого.

— Я давал клятву никому ничего не рассказывать. Особенно вам.

Рихард взмахнул руками.

— Ничего не понимаю.

— Королева заботилась о вашей безопасности, из-за этих знаний убили много человек, — объяснил Серджиус.

— Ты знаешь где находятся карты?

— Увы, это мне неизвестно. Думаю, королева спрятала их перед смертью, но где именно я не знаю.

Рихард поднял руку и хотел ещё что-то сказать, но заметив нервный порыв Серджиуса (он дважды открывал рот, чтобы высказаться, но не мог себя пересилить), он предоставил

слово ему.

— Прошу.

Никто не ожидал того, что произошло дальше. Серджиус, устремив взгляд в пол, рухнул на колени, хотя «рухнул» неудачное слово, он очень аккуратно присел на колени. «Нет, не надо!» — воскликнул Юджин, снова порываясь подняться. Я мягко уложила его на подушки.

— Я не надеюсь на прощение, хотя ради него я бы пожертвовал всем, что имею. Повторюсь, я не надеюсь на прощение, но буду служить вам, мой король и моя королева, до конца жизни.

Я почесала голову, не в силах смотреть на этот концерт.

Юджин кашлянул, повертелся, как будто хотел провалиться внутрь матраса. Рихард с ужасом на лице смотрел в потолок. Юджин таки решился высказаться:

— Во имя всего святого, Серджиус, тебе речь Кайла писала?

— Я бы лучше написала, — обиженно буркнула Кайла.

Серджиус покачал головой.

— Это невыносимо, я хочу обратно в тюрьму.

— Только что ты собирался, — сказал Рихард, — цитирую: «пожертвовать всем, что имеешь», неужели передумал? Если признания закончились, то я вернусь к обсуждению более насущного. Ио, есть у вас в Ордене те, кому ты доверяешь на сто процентов? — обратился он к Иоланде.

— Нет, — честно ответила она.

— Тогда одна или с кем-нибудь из присутствующих ты должна проверить все вещи, оставшиеся от королевы Луиза на предмет скрытого колдовства, спрятанных документов, всего, что может оказаться картой всемирья.

По словам Кайлы, которая ворвалась в нашу с Юджином комнату, не обременив себя стуком, случилось «ТАКОЕ». Сначала я подумала, что она по обыкновению драматизирует, но оказалось, что она даже преуменьшила масштаб произошедшего, если такое вообще возможно. А случилось вот что. Утром, когда только встало солнце, к Дворцовой стене подошла леди Селена, предводительница революционеров, откинула капюшон своего чёрного плаща и по собственному желанию сдалась Конрадовой команде. Увы, я не видела лица Рихарда, когда ему сообщили об этом, но предполагаю, что он был в полнейшем шоке, да, собственно, все мы были в шоке.

Я даже предположить не могла, что побудило её сдать. Рихард сразу же предположил заговор, но мне эта идея не нравилась. Как-то глупо ожидать, что мы сообщим ей некую полезную информацию или она в одиночку, проникнув на нашу территорию, сможет совершить диверсию.

До начала разбирательства Селену заточили в стеклянную башню. Она смиренно сидела, сложив руки на коленях, прикрытых чёрной тканью плаща, с опущенными веками. Напомню, что поскольку Селена приносили присягу королю, а потом и Рихарду, её дело считалось внутренним и рассматривалось на совете Ближней стаи. Во Дворце воцарилась нервная атмосфера. Нервничал Рихард, нервничал Юджин, даже Серджиус и сопровождающий его всюду Вадим были на взводе. Серджиус не успел отделаться от одного потрясения, как грянуло другое. Ведь он, будучи шпионом, обманывал как нас, так и Селену. Они, должно быть, были достаточно близко знакомы.

На допрос охрана сопровождала леди Селену в тронный зал, где собрались все важные государственные лица. Я понимала Рихарда, он хотел, чтобы при допросе присутствовало как можно больше народу, чтобы исключить любое проявление интимности. Но как только они встретились, как только их взгляды скрестились, мне показалось, что они не видят никого кроме друг друга. Настоящая любовь не умирает, а это была именно она. Настоящая любовь выдерживает предательства, боль, разлуку, даже смерть. Надеюсь, что никогда не испытаю этого на себе.

Селена была спокойна, умиротворена. Её глаза были гораздо моложе, чем лицо, — чистые, почти юношеские. В этом она напоминала мне Иоланду. Возможно, во всех сильных магах есть что-то общего, может, они знают больше нашего.

— Здравствуйте, Юджин, Кайла, — сказала Селена, глядя на них своими ясными глазами.

— Здравсте, — неловко пробурчала Кайла, сделав книксен. Принцесса была растерянна, но очень заинтересована в дальнейшем развитии событий.

— Вы выросли такими, как ваши родители мечтали. Всё это время я издалека наблюдала за вами и тихо гордилась тем, что имела удовольствие знать вас в детстве. — Она повернулась ко мне. — Леди Марта, рада знакомству. Я бесконечно счастлива видеть улыбку на лице Юджина, и, чувствую, это ваша заслуга. Серджиус, мой мальчик, мне столько тебе хочется сказать. Надеюсь, что если меня не казнят сразу же, у нас будет время поговорить.

Серджиус кивнул Селене.

— Ты знала секрет Серджиуса? — спросил Рихард с каменным выражением лица. Ему было неприятно, что бывшая возлюбленная мало того, что предала его, так ещё и превзошла

в прозорливости.

Она кивнула.

— С первого дня. Я решила, что для него будет лучше, если мы оба будем молчать.

Судя по виду, Серджиус готов был снова упасть на колени и просить прощения. Получилось, что он обманывал всех собравшихся, Селену в том числе. А она была настолько великодушна, что позволяла ему, предателю, много лет находиться рядом — слушать, запоминать, передавать. Без преувеличений, масштабы личности Селены меня потрясли. Только теперь до меня окончательно дошло, что эта женщина оставила всё — любимого человека, семью, богатства, статус, будущее — ради идеи равенства и всеобщего блага. Мечты об утопии заменили ей все материальные блага. Я бы так никогда не смогла, я слишком привязана к людям и вещам.

— Почему вы сдались? — спросил Юджин с трона. Как и все, он чувствовал себя неловко. После смерти родителей Рихард с Селеной остались единственными взрослыми в его жизни, а потом Селена их бросила, оставив без женской руки. Наверное, они виделись последний раз, когда у Юджина только начал ломаться голос, а теперь он был уже королём.

— Всё зашло слишком далеко, — ответила Селена. — После нападения на короля я осознала это в полной мере. Нам противостоят великие силы, нужно не воевать, а сойтись вместе, чтобы победить их. Грядёт буря, ваше величество. Я хочу помочь.

— Не морочьте нам голову, — вспыхнул Рихард. Он поднялся со своего места и взвёл руки к потолку. Мне хотелось осадить его, чтобы избавить от дальнейшего унижения.

— Не было и в мыслях.

Они смотрели друг на друга, и напряжение почти физически ощущалось в воздухе. Кайла выглядела как ребёнок, который не может смотреть на то, как родители целуются, но при этом любопытствующий что там у взрослых такое происходит.

Похоже, любовь так и не прошла, помидоры не завяли, а цветут пышным цветом. Ну и хорошо. Действительно, сколько можно воевать, пришло время любви. Будем поливать помидоры, удобрять и собирать плоды.

— Вы знаете меня, принц Рихард, — сказала Селена тихо, но властно. — Я не люблю игры.

Рихард фыркнул, взмахнув руками. Он делал вид, что ему смешно, но на самом деле ему было грустно. Он ведь правда считал, что знает её.

— Думал, что знаю, оказалось, что я был невероятно далёк от этого.

— Чтобы вернуть ваше доверие, я готова согласиться на испытание Иглой Правды.

По залу прошелся удивлённый вздох. Ставки ещё никогда не были так высоки. Рихард лишился дара речи.

* * *

— Предлагаю отпустить леди Селену, — сказал Юджин на собрании Ближней стаи. Он расслабился и чувствовал себя гораздо лучше, как будто воссоединение с Селеной, которая пусть на небольшое время, но заменила ему мать, благотворно сказывалось на его здоровье.

Как только он произнёс это предложение, я уже знала, что Рихард будет против.

— Она нарушила клятву, — подтвердил моё предположение Рихард. — Будет суд, и он будет честным.

— Сейчас не время для мести и любовных драм, дядя, — с нажимом возразил Юджин.

— Сейчас не время для жалости к женщине, которая меняла тебе пелёнки, мой король, — в том же тоне, но с сарказмом ответил Рихард.

Иоланда молчала. Это было семейным делом, она же, несмотря на то, что и ей Селена не была чужой, к семье не принадлежала. Насколько я понимаю, Иоланда воспитывалась вместе с мальчиками, была им практически сестрой, и к Селене с Рихардом она относилась соответствующе.

— Могу я высказать предложение? — сказала я. — Что если выбрать полумеру?

— Например? — спросил Рихард. Его раздражало моё желание поучаствовать в рассуждении. Справедливости ради, его в данный момент раздражало всё на свете.

На то, что я хотела предложить, меня вдохновил пример Серджиуса, который теперь имел право делать все, что угодно, но исключительно в компании Вадима, ограничивающего его магические способности. Мне даже страшно представить, как к этому относился Вадим, вынужденный двадцать четыре часа семь дней в неделю находится в компании человека, который ему, в общем-то, даже не очень нравится.

— Например, разрешить леди Селене перемещаться по Дворцу и по Городу только в компании лучших стражников. Конечно, при условии, что она не будет поддерживать связи с революционерами. Кроме того она обладает полезной информацией. Не в наших интересах делать из неё врага.

— Она уже наш враг.

— Была.

Конрадовы парни были подобраны будто специально, чтобы источать доброту и благонадёжность. Уж с ними проблем у Селены не будет. И всё же какое-никакое наказание.

— А что, — поддержал меня Юджин, — такое решение имеет место быть.

— Я... — Рихард махнул в нашу сторону рукой. — Делайте, что хотите, я свой срок регента уже закончил. Меня вообще всё это теперь не касается.

Когда мы с Юджином остались наедине, я аккуратно наложила мазь на его больной бок. Раны на лице Иоланда вылечила сразу же, а ножевое ранение в боку не поддалось. Скорее всего нож был зачарован, чтобы оставлять раны, которые не лечатся с помощью магии. К счастью, жизни Юджина ничего не угрожало, но я регулярно, утром и вечером, ловила его и силой заставляла раздеться, чтобы можно было наложить новую повязку. Мазь была вонючая, пахла болотом, водорослями. Руки после неё приходило отмывать часами.

— Кажется, ты заключила союз с Рихардом, — сказал Юджин, морщась от запаха. — Почему не поддержала его?

— С Рихардом, а не с его взбунтовавшимися на старости лет гормонами. И вообще в моём мире есть выражение «Муж и жена — одна сатана».

Он непонимающе нахмурился.

— Кто такая сатана?

— Не кто такая, а кто такой. Это главная сила зла.

— А причём тут муж и жена?

— Смысл в том, что муж и жена стоят друг за друга горой.

Юджин хитро прищурился.

— Горой?

— Да что такое? Ты понял меня, не прикидывайся.

Мы рассмеялись, но на душе было тяжело. Когда бывшие противники объединяют силы,

это значит, что грядёт нечто глобальное. Предполагаю, что Юджин лучше меня мог предвидеть будущее и его ощущения были обострены ещё сильнее моих, но в тот момент он видел только меня и не думал ни о чём больше.

* * *

Рик и Кир, стражники в одинаковых, ярко-жёлтых, канареечных кителях, были выбраны из числа подчинённых Конрада за приятную внешность и столь же приятные манеры. Когда Селена находилась с ними, Рихард дёргался чуть меньше.

Они проводили леди Селену в обеденную залу, сели по обе стороны от неё, голодным взглядом провожая подносы с едой.

— Можете идти, — скомандовал Юджин. — Дальше мы сами разберёмся.

Парни расстроились, что их лишили возможности поесть за королевским столом, но, понятное дело, подчинились.

— Что вы знаете о покушении на Юджина? — спросил Рихард, который не притронулся к еде. Он убрал руки под стол, чтобы не тряслись и поэтому не имел возможности есть.

— Только то, что оно имело место быть, — ответила Селена. — И, пожалуй, ещё то, что за этим стоят те же, кто отчаянно пытается столкнуть нас с вами лбами, те, кто обрушил небо, те, кто восемь лет назад убил короля и королеву.

— Откуда такая уверенность?

— До меня доходит много слухов.

— Вы знаете почему убили родителей? — спросил Юджин. В его лице промелькнуло что-то такое детское, что мне невыносимо захотелось его обнять, вместо этого я сжала его руку под столом.

Кайла уплетала мороженое из фрукта, похожего на манго, и тихонько, как мышка, следила за всем происходящем, не подавая голоса, чтобы её не выгнали. Она вообще последнее время вела себя на удивлении хитро, затихая как только начинались серьёзные разговоры. Родство с Рихардом давало о себе знать.

— Конечно, знает, — сказал Рихард. — Она же и стоит за этим.

— Давайте не будем бросаться обвинениями, которые не подтверждены, — остановил его Юджин.

* * *

Испытание Иглой Правды прошло без эксцессов, что понятно, иначе бы Селена на него не согласилась. К убийствам короля и королевы она никакого отношения не имела, злого умысла по отношению к стране и короне не имела, к убийствам юных военных причастна не была. Да, вела деятельность, которую можно было бы назвать подрывной, если бы не тот факт, что в процессе она никаких законов не нарушала. Однако Рихард не остыл, он по-прежнему периодически пытался убедить всех, что Селена преступница и не имеет права находиться во Дворце, где живут дети убитых по её вине короля и королевы. С каждым днём его речи становились всё менее убедительными. Его никто не слушал. Казалось, что Рихард сам себе не верит.

Получив возможность узнать побольше о родителях Юджина и о его детстве от взрослой женщины, а не от Кайлы, которая до сих пор оставалась ребёнком, я много общалась с Селеной. Меня не прекращала удивлять её самоотверженность, она дала обет не колдовать, пока магия в Эйа не будет общедоступной и соблюдала его. Мне, той ещё эгоистке, это было чуждо и поразительно. Представьте, каков соблазн облегчить себе жизнь с помощью магии! Эти разговоры дали мне лучшее понимание моих способностей, которого не дали уроки Иоланды, которая сама всё знала, но не могла объяснить.

Серджиус постепенно возвращался в жизнь Юджина, но прежней близости между ними не было, к тому же при всех их встречах присутствовал Вадим, блокирующий магию Серджиуса. Я старалась поддержать обоих, в результате чего получилось, что я разрывалась между ними. Юджин мне, конечно, был дороже, но и Серджиус тоже не последний человек в моей жизни.

За пару дней бок Юджина зажил окончательно, вонючая мазь сделала своё дело.

Выросла ткань для моей униформы, и я иногда щеголяла по Дворцу в золотистом костюме с накидкой из светло-коричневых перьев. К счастью, возможности проверить броню в действии, пока не предоставилось. На один из их безумных праздников (вроде бы это был День Первой Вишнёвки) Юджин подарил мне серьги с зелёным кристаллитом, в каждом из которых скрывался мощнейший магический щит. Так что я была полностью экипирована, случись что.

Убийства прекратились. Как я понимаю, они совершались исключительно для того, чтобы посеять во Дворце панику, и рассорить нас между собой, что, собственно, и произошло, когда подозрение пало на члена Ближней стаи. Конрад, похоже, так до конца не оправился от обвинения в предательстве, иногда на его приятном, спокойном лице появлялось ожесточённое, тяжёлое выражение, которое я мечтала никогда бы не видеть. Однако неприятели просчитались, мы теперь были сплоченнее, чем когда-либо, особенно с помощью леди Селены. Мы были сплоченнее, чем когда-либо за последние десять лет.

Помимо всего прочего я ждала Юлю с хоть какими-нибудь новостями, но они с Климтом не появлялись и не отвечали на звонки. Спустя неделю я стала волноваться за их благополучие, жаль, что у нас не было никакой возможности связаться. Знай бы я, где находится это их СКМП... Хотя глупости, меня туда на версту бы не подпустили.

Пока я мучилась догадками, что там происходит с Юлей и Климтом, Иоланда с Серджиусом и его вечным спутником, Вадимом, проводили ревизию всех вещей, которые остались от королевы Луизы, но пока их поиски не увенчались успехом. Они сканировали специальным кристаллом каждую бумагу, каждую книгу, даже платья и украшения, и ничего не находили. Идея совместной работы Иоланды и Вадимы нравилась мне невозможно. Я чувствовала зарождение нового чувства, прекрасного как нежный бутон розы.

Несмотря на мелкие заботы, наша жизнь превратилась в ожидание следующего шага наших зловещих, пока неизвестных противников.

* * *

Не знаю, смогу ли я когда-нибудь простить себе, что не обратила должного внимания на Вадима, когда он предложил решение наших проблем. Не знаю, было ли это решение правильным или действенным. Но оглядываясь назад, может быть, в случившемся далее

частично имеется моя вина. Может быть, среагируй я быстрее, всё закончилось бы иначе.

За день до того, как случилась событие, которое войдёт во все учебники по истории Эйа, ко мне пришёл возбуждённо невыспавшийся Вадим, держа в руках обычную коробку спичек. На этот раз он был без своего подопечного. По всей видимости, его скрутил очередной приступ гениальности. Ослеплённый количеством возможностей, он никак не мог остановиться.

— Еле нашёл на рынке, — сказал он и потряс коробочкой перед моим лицом. — Здесь никто не знает, что это такое.

В тот момент я была уставшей, переживала за Юджина, боялась следующего дня, который мог принести катастрофу, мне совершенно не хотелось слушать, что ещё придумал Вадим. Даже если он придумал, как с помощью спичек изобрести вечный двигатель или что-то вроде того.

— Только не говори, что у тебя очередная безумная идея.

— Очередная гениальная идея, — поправил меня он.

— Как, кстати, Интернет? — я напомнила ему, что предыдущая «гениальная идея» пока не увенчалась успехом.

Вадим отмахнулся от меня.

— Уже почти. Но Интернет — это всё детские шалости, смотри, что пришло мне в голову вчера ночью.

Он чиркнул спичкой, на её конце вспыхнуло робкое оранжевое пламя. Неуловимо запахло серой.

— А теперь смотри.

Он провёл рукой над огоньком, и пламя разгорелось, вспыхнуло чуть ли не на метр в высоту. Испугавшись, я отпрянула.

— Теперь представь, что можно сделать с гранатой или с обычным пистолетом. Это же совершенно новая стадия в оружейном деле. Если соединить магию и технику, можно править миром.

— Так, стоп, будущий император вселенной, ты перебарщиваешь.

С одной стороны, он был прав. Одно это умение могло помочь нам победить в грядущем сопротивлении, но стоит ли игра свеч? На нашей родине уже однажды изобрели оружие массового поражения, ни к чему хорошему это не привело.

— Мне надо подумать, обсудить это с остальными.

— Да что тут обсуждать.

Мужчинам лишь бы создать пушку побольше, а последствия их не волнуют. Меня же, наоборот, беспокоила моральная сторона вопроса. На меня сильно подействовало знакомство с леди Селеной, и я прониклась её идеологией ненасилия.

Подумав до вечера, я решила обсудить вопрос с Рихардом, мне не хотелось сразу же волновать Юджина. К тому же он сам напомнил мне о союзе с его дядей.

Когда я села в кресло в кабинете Рихарда, мы все почувствовали ЭТО.

Первое, что я почувствовала, было сильное землетрясение. Впрочем, его почувствовала не только я. С полки упал кристалл, из которого послышался монотонный голос, читающий лекцию о пришествии гигантов в Эйа. Озадаченный Рихард поднялся на ноги. Пол под нами вибрировал, ходил из стороны в сторону, как будто здание Дворца трясло, зажав в руке, как игрушку, как стеклянный шарик со снегом внутри. Пока мы пытались устоять, зацепившись за предметы, которые сами шатались, в кабинет ворвался взлохмаченный и взволнованный Юджин. У него на лбу выступили капли пота от напряжения, накидка болталась на одном плече, пришитая брошь с изображением ворона.

— Какие масштабы? — спросил Рихард.

— Эйа — от границы до границы.

— Нас хотят уничтожить.

Кем нужно быть, чтобы попытаться уничтожить целый мир? И ради чего? Неужели только ради какой-то проклятой карты?

Я выглянула в дребезжащее окно. Земля под Дворцовой стеной расходилась надвое, из глубины выплёскивалась красная густая жижа, внутренний слой почвы. Выглядело это жутко, как будто на теле планеты раскрылась опасная, зияющая рана. Люди бежали — кто куда, не разбирая дороги, бросая дома, вещи, взяв самое необходимое. Все покидали Город, потому что разрушение началось именно с него.

— Дядя, пошли кого-нибудь в Город, пусть организованно эвакуируются, — сказал Юджин.

Рихард кивнул и пошёл сам, не доверив никому это ответственное задание. Даже в момент неразберихи они сильнее всего заботились о своём народе.

Перед тем, как покинуть Дворец мы с Юджином зашли в тренировочную залу. Я взяла свой посох, надела защитный шлем и накинула бронированный пиджак. Он тоже вооружился по полной. Когда мы подошли к Стене, наше внимание сразу же обратили на себя отнюдь не природные явления, а целая армия, надвигающаяся на нас со стороны противоположной Городу. Это были люди из тех же, что напали на Юджина с Климтом.

Первые ряды уже подошли вплотную к Дворцу. Сражение проходило в полной, ужасной тишине, одни мечи сталкивались с металлическим лязгом. В этой тишине ещё явственнее было слышно, как сотрясается земля. В гуще сражения Серджиус размахивал двумя белыми мечами налево и направо, периодически поднимаясь в воздухе, затем опускаясь, дополнительными руками стреляя с высоты из арбалета и оглушая противников ударом рукоятки меча по голове. Конрад в основном орудовал ногами и руками, стараясь вырубить противников, не причинив им сильной боли. Они всё же были не виноваты. Вокруг Иоланды воздух искрил, никто из загипнотизированных воинов моего мира не стремился подойти к ней, но она подходила сама. Сразу как кто-то оказывался в радиусе полуметра от неё, он падал замертво, аккуратно усыпленный заклинанием. То и дело мелькали белые и коричневые крылья, цветные кители, горящие мечи, другое оружие. Каждый защищался как мог.

Я переглянулась с Юджином, ища в нём поддержки, сил, которых не было у меня самой, но его лица не было видно за вороньим шлемом. Он хотел приказать мне вернуться в комнату, но не смог. К счастью, его честь победила перед страхом за мою жизнь.

На нас шагнули люди с закрытыми глазами, их лица выражали абсолютный покой. Те, что из первого ряда держали в руках зажженные мечи, а те, что шли подальше, — арбалеты.

Меч первого понёсся мне в лицо, я отразила удар посохом, выбила оружие из нетренированной руки, ударила противника в грудь, он осел на землю безвольной кучей. Краем глаза следя за Юджином, я стукнула по голове одного из четырёх мощных мужчин, окруживших Вадима. Он с помощью магии отбросил двоих, последнего вырубил ударом локтя в лицо.

Земля расходилась под ногами, как на болоте или в пустыне, почва будто превратилась в плавленый сыр.

— Давай попробуем сделать... — крикнула я Юджину. — Что бы это ни было, так же, как в День, Когда Упало Небо!

— Невозможно! В таких масштабах... Марта, то, что мы сделали тогда было невероятно, а сейчас это попросту невозможно. Нельзя удержать целый мир от разрушения, даже с помощью магии!

Он нагнулся, увернулся от длинного кинжала, взлетел над моей головой — его чёрные крылья развернулись в полную ширину — бросил какое-то оружие, вроде ножа-бабочки, в парня, который целился в меня. Спасибо ему, а то я бы осталась без уха. И это в лучшем случае. Вороний король защищал своё гнездо — удивительное зрелище. Я бы написала картину, если бы могла.

— Что же делать?! — Тут он повернулся ко мне спиной, как будто рассчитывал таким образом уйти от разговора. — Юджин, у тебя есть план?!

— Вероятно, — ответил этот наглец.

— Поделишься? Или из тебя надо силой вытягивать? Сейчас, по-моему, не лучшее время.

— Погасить эти магические появления не получится, нужно устранять источник, того человека, который за этим стоит.

— Королева Кэт?!

Я знала, что Юджин пожал плечами, но увидеть это не могла, потому что именно в тот момент на меня набросились сбоку. Я ткнула нападавшего в бок посохом, потом сбила с ног подсечкой. Уроки, взятые у Серджиуса, не прошли даром.

Мы побеждали, устоявших на ногах противников оставалось всё меньше и меньше, но какой ценой. Земля у нас под ногами продолжала трястись. С воздуха полился огонь, как будто кто-то сверху пускал огненные стрелы. Теперь ещё приходилось уворачиваться. Кто-то из магов — вероятнее всего, Иоланда — наколдовал щит, который почти не пропускал огонь, но то и дело единичные искры долетали до нас.

— Юджин?! — снова позвала я.

С его стороны раздался треск, тяжёлый вздох. Не его, к счастью, можно расслабиться, но не до конца, конечно же.

— Да?

— Обязательно... убить того человека?

— Нет, можно перебить заклинание.

Оглядываясь, я искала глазами Вадима, который слился с толпой.

— Вадик?!

Издали раздался сдавленный голос:

— Что?

— Ты мне нужен.

— Не только тебе, — ответил он со смешком. Оборжаться просто, как смешно.

Я стала пробираться к нему через сонную армию. Не знаю, скольких я вырубила, после двенадцатого перестала считать. Вадим находился в затруднительном положении, его почти прижали к Стене, как раз в том месте, где бушевала алая почва. Ещё бы чуть-чуть, и он свалился в кипящую лаву. Откуда-то послышался крик Конрада, его ранили. Кажется, в предплечье. Но мне сейчас нужно было думать не о нём. Может быть, Иоланда сможет открыть прямой портал, ведущий к человеку, находящемуся в одном с нами мире. Я была уверена, что Кэт где-то здесь, нельзя нанести такой ущерб миру, будучи за его пределами.

Но тут мне на помощь, как будто услышали мои мысли, прибыли Юля с Климтом. Они явно не ожидали увидеть то, что предстало перед их взглядом. В своих чёрных костюмах посреди бойни они выглядели оригинально, по меньшей мере. Не знаю, как бы они справились без оружия, но загипнотизированные бойцы как будто не замечали их присутствия, их приказом было убить лишь местных жителей. Видимо, я теперь тоже считалась за местного жителя. Мелочь, а приятно. Если, конечно, считать мелочью зомбированных убийц из родного мира.

Так вот, значит, Юля и Климт. Они материализовались в миллиметре от зияющей прорехи в земной толще, прямо там, где стоял Вадим. Я рванула к ним.

Сейчас или никогда. Нужно было решаться.

— Рада вас видеть. Вы очень кстати.

Свои слова я сопроводила эффектным выпадом влево. Климт безумным взглядом смотрел по сторонам. Он скорее мыслитель или соблазнитель, но никак не воин. Его правильное, притягательное лицо не украсили бы шрамы. Настоящее поле боя было ему в новинку, пусть даже на него самого никто не нападал.

— Чем можем помочь? — спросила Юля.

Вадим расправился со «своими» и впервые посмотрел на вновь прибывших.

— Юля?! — воскликнул он, выронив меч. — Юля Завьялова?

— Да, — она не растерялась, только наморщила своё маленький острый нос. — Кто вы?

— Вадим, — сказал он почти жалобно.

— Вадим? О боже... не думала встретить тут одноклассников.

Я знала это ощущение, когда идёшь куда-то очень далеко от дома и натыкаешься там на своего одноклассника, но в этом случае ситуация принимала новый уровень абсурдности.

— Давайте приветственные объятия будут потом, — я перебила их. — Мне действительно нужна ваша помощь. Найдите с помощью своих этих приборов, где Кэт и перенесите нас с Вадимом туда.

Климт с недоверием посмотрел на Вадима, но переглянувшись с Юлей, кивнул. Они повозились со своими браслетами. Климтов браслет издал жалобный звук и умер.

Я не стала говорить Юджину о своём плане. Желая защитить меня, он отправился бы с нами и нарушил клятву, данную своему народу. Я же собиралась избавить его от этого невозможного выбора. Но в ту секунду передо мной оказался Серджиус.

— Стой! Даже не думай. А как же Юджин?

— Я хочу спасти его мир.

Он испытующе посмотрел на меня долгим, тягучим взглядом, собираясь с силами, решаясь.

— О Жизнь, тьма с тобой.

Серджиус схватил меня за руку, его за руку взял Вадим, и мы впятером переместились. Перед этим Иоланда, заметив наши манипуляции, бросила вслед Вадиму заклинания удачи. Это что-то вроде того, когда любимых людей крестят перед тем, как попрощаться.

Мы находились в горах. Точнее на одной горе, той самой, которую я сначала называла «Фудзи». Дул ветер, достаточно тёплый, как всегда в Эйа, хотя мне в лёгком платье быстро стало прохладно. Солнце ласково согревало наши лица. Мои длинные волосы развевались на воздухе. Юлино каре лезло ей в глаза. Климт жмурился, его глаза плохо реагировали на яркий свет. Казалось, что это единственное спокойное место во всём измерении. И это было подозрительно.

С горы открывался поразительный вид на творящийся на земле хаос. Ещё в некоторых местах разверзлись алые прогалины, выплёскивая наружу горящую жижу. Огонь упирался в щит и стекал по нему, как вода по покатой крыше. В противоположную сторону от Дворца люди организованным течением двигались в наиболее безопасное место (хотя и это было относительно). Рихард отлично выполнил свою работу. По горящему чёрным мечу и мощному пернатому шлему я вычислила Юджина. С ним всё было в порядке, но это я и так знала, судя по своим ощущениям.

— Чтобы заклинание сработало, источник должен находиться где-то здесь, — сказал Серджиус, высвобождая свою руку из руки Вадима, но моей не отпуская.

— Я тоже об этом подумала.

— О, да ты постепенно становишься одной из нас.

— Я давно уже одна из вас. Иначе не стала бы рисковать своей жизнью, чтобы спасти всех.

— Что за чертовщина происходит? — спросила Юля, после того, как огляделась на извергающуюся землю. — У вас тут конец света! И Вадик, что ты тут делаешь? Ты собирался поступать на оператора, когда мы виделись в последний раз.

— С кинематографом как-то не вышло, — желчно сказал Вадим. Между ними произошла какая-то история, и я хотела её узнать, но сейчас, пожалуй, было не время.

— А у нас, и правда, конец света. Больше не добавишь. Кэт хочет сравнить Эйа с землёй.

Климт прикрыл глаза и провёл рукой по лицу.

— Я предупреждал Юджина. Кэт решила, что если ей не удалось найти карту королевы Луизы, она уничтожит карту вместе с миром, которому она принадлежит. Для Кэт это не впервой.

— Все готовы? — сказала я.

— Какой план? — спросил Климт.

— Вадик лишает её возможности колдовать, и вы её арестовываете.

Не знаю, какой у них процесс ареста, да мне, в общем-то, безразлично. Главное, чтобы был результативным, и эта змея больше пальцем не притронулась к моему миру.

— Я не хочу её арестовывать, — внезапно жёстко сказала Юля. — Она заслуживает смерти.

— Мне безразлично, что вы будете с ней делать, единственное, что меня волнует, благополучие Эйа. Извините, за прямоту.

Серджиус смотрел на меня испытующе. Хладнокровное убийство было мне не по душе, но в этом случае я не имела права решать. Мне хотелось скорее вернуться домой, к Юджину, обнять его и лежать обнявшись ночь напролёт, не отрываясь друг от друга.

Кэт стояла в расселине, окружённая шестью охранниками с закрытыми глазами и расслабленными выражениями лиц. Интересно, скольких человек с Земли она угробила ради своих безумных затей. Когда мы вошли, она не обратила на нас внимания, продолжая своё дьявольское заклинание.

С помощью магии я оглушила их и раскидала в противоположные стороны. Они ударились о горную породу и осели на пол. Серджиус одобритительно хлопнул меня по плечу. Я уже давно превзошла его в магическом потенциале.

Кэт окружал защитный щит, но Вадим обезвредил и его, и основное заклинание. Кэт осталась магически обнажённой перед нами, хотя лицо её по-прежнему выражало лишь злобу и решительность, ни капли растерянности или страха. И это притом, что Серджиус заклинанием сковал её волю. Она не могла пошевелить ни мускулом. Железная женщина.

— Сдавайтесь, — сказал Климит. — Вас будут судить по законам всемирья.

— Какой же ты глупыш, дорогуша. Ничему тебя жизнь не учит. Или, может быть, тебе понравилось, как мы повеселились?

Его лицо дрогнуло.

— Не заговаривайте мне зубы.

— Я и есть закон всемирья, мальчик.

Произошедшее дальше случилось за несколько секунд, но для меня время растянулось, кажется, на целое столетие. Вырвавшись из цепких сетей заклинания, созданного Серджиусом, Кэт метнула нож в Вадима, но перед ним в мгновение возник Серджиус, закрывая его от летящего ножа. Лезвие с жутким звуком вошло ему в грудь, прямо в сердце, и он начал оседать в руках Вадима, который быстро спохватился и сковал Кэт новым, более сильным заклинанием. Она смеялась. Этот смех будет будить меня по ночам ещё много лет, уверена в этом.

Вадим держал Серджиуса за руку, это выглядело странно, нелепо, ещё пару часов назад они были тюремщиком и заключённым, а теперь между ними возникла эта странная, нелепая нежность. «Потерпи немного. Совсем немного», — бормотал Вадим бессвязно. Лицо Серджиуса постепенно становилось всё более серым. Мне было страшно на него смотреть.

И тут же, прошло не больше пары секунд, появились Рой и Делайла — юные, с развевающимися на ветру рыжими кудрями, в джинсах и одинаковых белых футболках. Совсем дети, мы не ожидали от них никакого подвоха.

— Отойдите от неё! — крикнул Рой.

Взгляд Делайлы был страшным, в ней крылась та же мощь, что и в Кэт. Я не увидела никакого заклинания, но кажется, она всё же колдовала. Я смотрела на неё, как зачарованная. И не могла подумать ни о том, что Серджиус умирает, ни о том, что нужно что-то предпринять.

— Рой, что ты делаешь? Отойди! — воскликнула Юля. — Ты мешаешь осуществлению правосудия. Я могу арестовать вас обоих.

— Она моя мать, Юлия, я не могу позволить вам её убить.

— Рой, это последнее предупреждение.

Пока они спорили, Кэт достала портал. Одно мгновение — и её уже не было с нами.

Юля закричала, хотела кинуться к Рою, чтобы ударить, исцарапать, что угодно, лишь бы погасить вспышку своей ярости, но Климент удержал её, успокаивающе поглаживая по голове.

— Он не дышит, — прошептал Вадим.

— Господи... Кто-нибудь знает заклинание?

Вадим бешено завертел головой. Я опустилась на колени, пробуя то одно, то другое. Мои руки вспыхивали, гасли, после снова вспыхивали, но ничего не помогало. Окровавленное тело лежало всё так же бездвижно, глаза не открывались, лицо было землисто серым. Мне стало так больно, как будто это меня пронзили кинжалом в грудь. Вопреки моей воле, из глаз полились слёзы жгучим, непрерывным водопадом. Я не знала, что делать, как вернуться обратно с такими новостями. Кто-то кричал, вероятно, Юля с Роем, но я не слышала, как будто уши заложило.

Плохо помню, но кажется, дальше Климент поднял меня на ноги, и мы всё же переместились обратно на поле боя, который, кстати говоря, почти завершился. Юджин продолжал размахивать мечом и взлетать, так же, как когда я уходила. Ну хотя бы с ним всё хорошо. Среди бушующей боли я почувствовала облегчение. Мне было стыдно, потому что я не имела права на положительные эмоции, но ничего не могла поделать.

Вадим охранял тело Серджиуса, чтобы похоронить его по всем законам Эяа.

У Стены появилась Кайла, которой раньше не было. Её защищал Конрад. О Боже, Конрад. Как я скажу ему то, что случилось. Он же не переживёт смерти брата. И в то мгновение, когда я подумала об этом, Конрад запнулся о тело лежащего у него в ногах иномирца и упал в алую разверзнувшуюся щель. Кайла вовремя подроспела, схватила его за руку. Но рука Конрада была повреждена, держаться ему было невыносимо больно. Я побежала к ним, не видя ничего вокруг, вместе со мной Юджин, но мы не успели. Конрад отпустил руку, Кайла закричала безумным голосом. Она как будто сошла с ума в одно мгновение, грязными коленями она елозила по земле, хотела упасть вслед за ним.

Ближе всего к Кайле оказалась Иоланда, она держала девочку в объятиях, не давай ей свалится вслед за Конрадом. Худенькая фигурка Кайлы непрерывно сотрясалась от рыданий, её плечи ходили ходуном. Все вокруг чувствовали её липкий ужас, её душераздирающую тоску, сводящую с ума боль. Моё сердце болело от её потери, от наших общих потерь.

И тут с неба пришла подмога. Я впервые видела Воздушных Людей. И не будь я в шоке, в полнейшем ступоре, наверное, я бы поразилась. Они казались очень большими, если так можно выразиться. Их тела были не совсем материальны, будто созданы из чего-то менее твёрдого, чем плоть. Они все — разноцветные, светлые, похожие на различные оттенки закатного неба — мелькали в разных частях поля битвы, завершая её, вмиг обезвреживая оставшихся врагов. Не знаю, каким образом Воздушные Люди решились прийти нам на помощь, ведь наш союз с гномами препятствовал хорошим отношениям с ними. Об этом я пообещала подумать позже, сейчас я была просто благодарна этим странным гигантам.

Оторвав взгляд от диковинных людей, я снова погрузилась в то тяжёлое состояние, в котором находились все вокруг.

Погладив рыдающую сестру по голове и оставив её с Иоландой, Юджин пошёл ко мне. Я не знала, что ему ответить, как объяснить. По мере того, как он приближался, он осознавал, что с нами нет одного человека и есть бездыханное тело. Вадим пошёл к Иоланде. Юля с Климентом чувствовали себя неловко посреди чужого горя. Делайла тоже плакала, Рой стойчески держался. Это всё из-за него, подумала я со злостью. Если бы не он, всё было бы иначе.

Юджин подошёл ко мне. Увидев наконец тело Серджиуса, он стал оседать в моих руках. Чудом мы вместе не покалечились. У меня случилось странное дежавю, так же мы сидели в День, Когда Упало Небо, только в этот раз небо действительно упало на нас.

— Он же просто лежит, да? — сказал Юджин, и я не узнала его голоса. — Он ведь живой? Марта, любимая, скажи, что он живой.

У меня горло сжалось. Я онемела. Мне было физически больно оттого, как больно ему. Это была и моя потеря тоже. Я любила Серджиуса. Не так, как Юджин, и не так, как Юджина, но это всё равно было глубокое, искреннее чувство.

— Я не могу без него жить.

— Всё будет хорошо, Юджин, мы справимся. Всё будет хорошо. Хорошо. Ш-ш-ш, слышишь меня? Мы выдержим.

Церемония прощания проходила на центральной площади. Людей собралось тьма. Некоторые из них, не стесняясь, плакали, другие вели себя спокойнее, но чувствовалось, что произошедшее затронуло всех. Потеря Конрада, их главного защитника, потрясла и опустошила души жителей Города. Сложно представить, как Город будет существовать без него. Серджиус для простых горожан был не так важен, как брат, но смерть «железного рыцаря», который казался им бессмертным, поразила всех как что-то абсолютно невозможное.

Светило солнце. Я стояла в толпе, замаскированная и никем не узнаваемая. В этот день мне хотелось чувствовать себя обычным человеком. К сожалению, мой муж не имел такой возможности. Юджин стоял на трибуне, не сводя с меня взгляда, ища поддержки в этой хрупкой связи. От бессилия, оттого, что я не могла ему помочь, у меня ломило всё тело. Это чувство не покидало меня с того самого дня, когда это всё случилось.

По обе стороны от Юджина, читающего прощальную речь, проецировались изображения Конрада и Серджиуса. То есть это были два Серджиуса — один был собой, строго смотрел над книгой, другой, изображая брата, крутил меч. Мне стало плохо оттого, что с Конрадом не получается попрощаться по-настоящему — тела его не нашли, даже проекция была не его. Наверное поэтому я так и не смогла до конца поверить в его смерть. Зато Серджиус был невыносимо, бесповоротно, слишком мёртв. Его тело, облачённое в парадную белоснежную форму, лежало на постаменте, готовое к превращению в кристалл.

Прошло два дня, а я всё не могла разжать челюсть или избавиться от комка, застрявшего в горле. В груди выросла какая-то чёрная дрянь, затягивающая всё большую часть меня, отрывающая куски от души.

Дворец погрузился в траур. Кайла не выходила из своей комнаты, не разговаривала и отказывалась от еды. Рихард сходил с ума от беспокойства за племянницу, он тоже почти не выходил из её спальни. Как бы я не переживала за Юджина, я ничего не могла сделать. На людях он вёл себя на удивление сдержанно и рассыпался, только оставшись наедине со мной. Я видела, что он не спал, плохо ел и потерял интерес ко всему, даже к работе. Особенно к работе, ведь его компаньона, помощника и главного соратника не стало.

Когда Юджин удивительно твёрдым шагом сошёл с трибуны, его место заняла Иоланда с большим похоронным кристаллом в руках. Редкий чёрный кристалл отражал яркие солнечные лучи, впитывал их, поглощал своей чернотой.

Как я ни пыталась себя заставить, не смогла смотреть. То, как исчезает тело близкого человека, невыносимое зрелище. Не знаю, как это пережил Юджин, но я смогла поднять взгляд только после того, как Иоланда закончила, и всё, что осталось от Серджиуса, был этот большой камень.

В этом кристалле навсегда осталась частичка моей души.

* * *

Многие месяцы мы не занимались ничем, кроме восстановления. Работа была проведена колоссальная. Мы заново отстроили Город, починили Дворец, помогали

перекапывать землю, заново засеивать траву, сажать кусты. Одно время мы останавливались только на время еды и сна.

На месте одной из кровавых расщелин в земле мы построили Академию имени Серджиуса II — потрясающее своими масштабами здание из стекла и стальных прутьев, в котором теперь обучались магии тысячи наших с Юджином подданных.

Попытки Вадима провести в Эйа интернет увенчались оглушительным успехом. Вместе с ним и леди Селеной мы придумали конструкцию, состоящую из шлема, кристаллов и модема, которая помогает новичкам учиться магии. На сервере висит обучающая программа и каждый, пришедший в Академию, может узнать азы даже без помощи учителей. Это повысило процент активно пользующихся магией в разы.

Леди Селена, которая очень помогла нам с Академией и в итоге заняла пост директора, была прощена Рихардом, и они стали готовиться к свадьбе. Свадьбы я люблю, даже если не мои. Может быть, Эйа, наконец, покинет чувство горечи, которое осталось после разрушительного нападения Кэт. Люди схоронили своих мертвецов, восстановили свои дома, засеяли земли новым урожаем, но стереть происшествия из памяти теперь невозможно.

У Иоланды с Вадимом тоже вроде бы всё в шоколаде. Они сближались медленно, постепенно, была в этом какая-то трепетная, почти детская трогательность. И всё бы хорошо, но спасение Эйа дорого стоило Вадиму — он полностью лишился магических способностей. Пока мы не нашли способа помочь ему, но мы продолжаем стараться.

Климт с Юлькой переехали к нам, так как в СКМП им больше не рады, и забрали с собой Роя и Делайлу. Что делать с детьми, они пока не решили. Во всяком случае, пока с Кэт не будет покончено, Рой и Делайла поживут в Эйа, чтобы не натворили ещё дел. Климт, так мечтавший продолжить работу королевы Луизы, наконец получил эту возможность. Он стал заместителем директора в Академии. Его острый ум очень пригодился нам в нашем новорождённом учебном учреждении.

Так мы и жили, хорошо ли, плохо ли, зато все вместе, поддерживая друг друга.

* * *

Густые, кудрявые волосы Кайлы рассыпались под моими руками. Она молчала. Она теперь постоянно молчала. Каждый вечер, как бы я ни была занята, я приходила к ней и расчёсывала её волосы. Они искрились, переливались на свету. Чудо, а не волосы. Это успокаивало меня и, надеюсь, её тоже. Во всяком случае, я надеялась на это.

В комнату заглянул Юджин. Я сделал ему знак, чтобы уходил.

Закончив с волосами Кайлы, я поцеловала её в лоб, как делала каждый день на протяжении нескольких месяцев, и пошла к себе. Юджин собирался спать — полуодетый, он читал что-то с пада, сидя на краешке кровати.

Словом, был обычный вечер ровно до того момента, когда случилось кое-что действительно из ряда вон выходящее.

Иоланда с Климтом искали карты королевы Луизы, но нашла их я, как ни странно. Я собиралась ко сну — сняла медальон с шеи, начала мазать лицо кремом и вдруг почувствовала магическую вибрацию. Медальон звал меня. Не знаю как, но я знала это, как знала своё имя или цвет травы. Я раскрыла медальон, применила заклинание правды, и в

этот раз передо мной предстала не голограмма с изображением Юджина, а многослойная, подробная карта.

— Юджин, иди сюда.

— Что?

— Я нашла карту твоей мамы.

Он поднял взгляд от пада, и первый раз со смертью Серджиуса я увидела в его глазах настоящее, неподдельное любопытство.

Что же, будем жить дальше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net